

Женщины раннего христианства

Митчелл Кэрролл
Альфред Бриттейн

Women of Early Christianity

Alfred Brittain and Mitchell Carroll

The Project Gutenberg eBook of Women of Early Christianity.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Женщины раннего христианства

Автор: Альфред Бриттейн

Митчелл Кэрролл

Автор введения и т.д.: Джозеф Каллен Айер

Дата выхода: 20 мая 2010 [eBook #32451]

Язык: Английский

Аккредитивы: Подготовил Ренальд Левеск

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK WOMEN OF EARLY CHRISTIANITY ***

ЖЕНЩИНА

ТОМ III

ЖЕНЩИНЫ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА

BY Rev. ALFRED BRITTAIN and MITCHELL CARROLL, Ph.D.

С ПРЕДИСЛОВИЕМ

J. CULLEN AYER, Jr., Ph.D.

ГАРВАРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В ПОИСКАХ УБЕЖИЩА

По картине Люка Оливера Мерсона

Несмотря на все, что говорится в этих древних писаниях в попытке оказать ей честь, мы должны заключить, что слава ореола, украшающего голову настоящей Марии, проистекает из нравственного великолепия ее Сына..... Мы нуждаемся в таком поэтическом творении, как Мария; и ее место во главе всех дочерей земли тем надежнее и эффективнее, что ее фигура в подлинной истории - лишь теневой набросок. Идеальная женщина, которую все человечество любит и почитает как Деву, Мать и Святую, объективируется путем сосредоточения в Марии из Назарета всей возможной женской грации, красоты и чистоты.

Женщина Во все века и во всех странах

ТОМ III

ЖЕНЩИНЫ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА

BY Rev. ALFRED BRITTAIN AND MITCHELL CARROLL, Ph. D.

WITH AN INTRODUCTION BY J. CULLEN AYER, Jr., Ph. D. *Of Harvard University*

ИЛЛЮСТРИРОВАНО

PHILADELPHIA

GEORGE BARRIE & SONS, *Publishers*

COPYRIGHT, 1907, BY GEORGE BARRIE & SONS

Записано в Канцелярском зале, Лондон

ВВЕДЕНИЕ

Когда историк описывает взлет и падение империй и династий, с тщательностью и точностью излагает детали великих политических движений, изменивших карту континентов, остается вопрос: Какова была причина этих революций в человеческом обществе, каковы были реальные мотивы, действовавшие в сердцах и умах людей, участвовавших в великой исторической драме, которая была показана? Сама по себе цепь событий, проходящих перед взором, оглядывающим века, не дает объяснения. Должна существовать причина, которая лежит за этими событиями и следствием которой они являются. Эта причина, истинная причина истории, лежит в умах и сердцах людей и народов. Изучающий прошлое все больше и больше убеждается в том, что единственная надежда сделать историю наукой, а не просто летописью, кроется в четком установлении и изучении тех психологических условий, которые сделали действия такими, какими они были.

Главными среди этих условий были надежды, стремления и идеалы мужчин и женщин. Они были величайшими движущими силами в истории мира. Они, как и эгоистические соображения, определяли поведение людей, вошедших в историю, не только тех, кто был лидером великих движений общества, но и множества последователей, которые не привлекали внимания историков, но, тем не менее, придавали силу и мощь революциям в мире.

Самый глубокий интерес в истории христианских женщин представляет то, как статус женщины в обществе был изменен новой религией. Летопись жизни и деяний святых - часть этой истории. Но есть и женщины, которым не удалось достичь тех добродетелей, к которым призывала их религия. У них тоже есть свое место, ведь и те, и другие либо способствовали, либо препятствовали осознанию места женщины в обществе. Часто языческий дух лишь наполовину скрыт под маской христианства. Но тем не менее весь тон общества был изменен идеями и идеалами, которые эта религия по-новому и ярко представила в сознании людей.

Христианство оказало на положение женщины большее влияние, чем любая другая религия. Это не потому, что не было благородных чувств, выраженных нехристианскими писателями; ведь среди раввинистических писателей, например, есть много прекрасных чувств, которые могли исходить только от мужчин, ясно представлявших себе место женщины в идеальном человеческом обществе. И не потому, что в христианстве не было людей, чья концепция женщины больше подходила приверженцам тех верований, которые считали ее вещью нечистой. Но в силу самой природы того призыва, который христианство обратило к миру, место женщины в обществе было изменено. Новая вера обратилась ко всему человечеству во имя человечности, которую принял на себя Сын Божий, и, следовательно, она была вынуждена относиться к мужчинам и женщинам как к духовно равным. Естественное стремление к последовательности заставляло его разрушать любые барьеры, которые могли бы удержать одну половину человеческой расы от полной реализации возможностей их природы, созданной по образу и подобию Божьему. Именно в этом отношении христианства к миру, в той же мере, что и в высказываниях и наставлениях его Основателя и Апостолов, была найдена основа для великой работы христианства по повышению положения женщин в мире.

В этом отношении христианство следует сравнить с другими религиями, достигшими выдающегося положения. Среди тех, которые были национальными религиями, не было обращения к миру в целом. Они были связаны с расой, и их приверженцами были представители той расы или нации, в которой они существовали. Такие религии не обращались к человеку. У них не было пропаганды. Они не распространялись на другие народы. По своей сути они были национальными. В них не было места женщинам. Отец семейства представлял свою семью, и хотя у женщин были определенные обязанности в связи с домашним культом, это происходило только потому, что они находились под властью некоторых мужчин. Это относится и к религиям Индии, Китая и древним религиям семитской расы. В двух великих мировых религиях - Магомета и Будды - женщинам как таковым места не нашлось. Эти религии в первую очередь являются религиями мужчин. Но в случае с христианством обращение было адресовано каждому человеку, просто в силу человеческого элемента. Если не должно быть различий по расе или социальному положению, то тем более не должно быть различий по полу. Мужчина и женщина одинаковы во Христе. Христианин должен быть верующим для самого себя - вера кого-то другого не может служить для него. Брак не имел никакого значения для религиозного положения человека. Подобные

убеждения, применяемые изо дня в день в течение жизни мира, не могли не оказать своего воздействия, и изменения, произведенные ими, были глубокими и долговременными.

То, что идеал христианства в вопросе о положении женщины в обществе еще не полностью реализован, не более странно, чем нереализация идеалов этой или любой другой веры. Вечные идеи добра порой действуют крайне медленно. Силы, которые им приходится преодолевать, сильно укоренены. Но каким бы медленным ни казалось продвижение, сила добра неуклонно набирает силу, и временный успех зла вскоре остается в прошлом. Способы, которыми приближалось торжество христианского идеала, порой были очень разнообразны. Одно время могло показаться, что лидеры в деле социального возрождения были совершенно слепы к полному значению веры, которую они исповедовали. Фантастические формы аскетизма изгоняли женщин из общества тех, кто пытался вести идеальную жизнь. Но более сочувственное изучение экстравагантности религиозного энтузиазма позволило обнаружить, что даже в эпохи, когда идеалы казались полностью противоположными идеалам предыдущих веков, существовала одна и та же основополагающая концепция, которая постоянно стремилась к воплощению в мире.

В свете последующей истории представляется удачным, что положение женщины в новом обществе не было более полно и тщательно определено учителями новой религии. Если бы первые христианские учителя дали своим последователям минутные правила, регулирующие их жизнь и поведение, то легко мог бы произойти возврат к законничеству, который стал бы губительным для новой веры. Даже те немногие правила, которые можно найти в связи с вопросами порядка и дисциплины в апостольской церкви, в той мере, в какой они касались женщин, часто понимались и применялись неправильно. Многие придают им непреходящее значение, вместо того чтобы рассматривать их как выражение времен и обстоятельств, в которых находилась ранняя Церковь, принципов приличия, которые могли сильно отличаться от настроений другой эпохи, а то и вовсе противоречить им. Но, оставив весь вопрос открытым, за очень немногими исключениями, стало возможным великое воплощение свободы новой веры. Женщина была признана всем миром как помощница мужчины. Она не игрушка и не рабыня, а сопричастна ему в высших привилегиях человеческой природы. Осознание огромной ответственности, возложенной на нее фактом ее женственности, не отделило ее от мужчины, но в Новом Царстве оба они стоят бок о бок.

ДЖОЗЕФ КАЛЛЕН АЙЕР, МЛ.

Епископальная богословская школа, Кембридж.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Христианство ввело новую нравственную эпоху в ход человеческой истории. Его влияние на тех, кто попал под его власть, было неизбежно преобразующим. Будучи космополитом по своей природе, мы теперь должны изучать женщину как существо, несколько отделенное от расового типа и национального уклада, и попытаемся выяснить, как она встретила и изменилась под влиянием христианских условий. Они оказали на ее жизнь большее влияние, чем на жизнь мужчины; ведь по своей природе христианство открывало высшие возможности ее бытия, которые старые религии не принимали во внимание. В сфере духовного оно впервые утвердило ее равенство с мужчиной. О том, что женщины первых

христианских веков в разной степени подчинялись влиянию этой религии, будет подробно рассказано на следующих страницах. И будет видно, что во многих случаях, когда христианскому учению не было позволено доминировать в жизни, сходство этих женщин с их прототипами в прежнем язычестве соответственно уменьшалось. Хотя невозможно рассматривать эту тему, не проиллюстрировав вышеупомянутый факт, авторы просят напомнить читателю, что это отчетливо исторический, а не религиозный труд. Хотя при других обстоятельствах они охотно высказали бы положительные мнения по многим вопросам, предлагаемым в этой книге, в ее задачи не входит защита или опровержение какого-либо религиозного института. Ее цель - исключительно и беспристрастно отобразить жизнь христианских женщин первых веков.

Хотя это совместная работа, мистер Бриттейн несет полную ответственность за ту часть книги, которая посвящена женщинам Западной Римской империи, а мистер Кэрролл - за ту, в которой рассказывается о женщинах Восточной Римской и Византийской империй. Различия в личных качествах, основанные на несходстве национальных темпераментов, проявляются в этих женщинах Рима и Константинополя, но христианский принцип, благодаря своему преобразующему и возвышающему влиянию на жизнь языческих женщин, придает книге единство и представляет тип женственности, намного превосходящий все, что до этого времени было создано Востоком, ранней Грецией или Древним Римом.

Альфред Бриттейн,
Митчелл Кэрролл.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖЕНЩИНЫ ЗАПАДНОЙ ИМПЕРИИ

ЖЕНЩИНЫ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Изучение раннехристианских женщин занимает своеобразный этап истории женщины. В определенном смысле и степени она выбивается из исторической последовательности. Оно касается темы, в которой на первый план выходят идеи и духовные силы, а не эффект расового развития. Это создает свои трудности, поскольку необходимо упомянуть не только исторические факты, в отношении которых не может быть никаких разногласий, но и теории более или менее спорного характера. Однако мы постараемся, насколько это возможно, ограничиться изложением хорошо проверенных исторических событий и беспристрастным изображением тех женских персонажей, которые участвовали в новых доктринах раннего христианства и находились под их влиянием.

Писать о женщинах, которые были современницами и знакомыми основателя христианства, очень трудно, поскольку все, что связано с этой темой, не только считается священным, но и закреплено в предубеждениях, которых большинство людей придерживается с ревнивой пристрастностью. Наш источник информации - почти исключительно Библия, и относиться к фактам Писания с той же беспристрастностью, с какой мы относимся к изложению обычной истории, практически невозможно. Мало найдется людей, которые не были бы предвзято настроены либо в пользу сверхъестественной важности каждой детали Писания, либо против тех утверждений, которые обычно основываются на евангельской истории. Мы слышим, как Библию изучают просто как литературу - метод, весьма полезный для правильного понимания ее смысла и значения, но возможный лишь для некоего воображаемого образованного человека, не знакомого с христианской религией и совершенно не владеющего теологическими концепциями. То, что верно в отношении Библии как литературы, применимо и к Писанию, рассматриваемому как история.

Однако мы постараемся не забывать, что пишем не религиозную книгу и что это не трактат по истории Церкви; это обычная история и должна быть написана обычными методами. Следовательно, чтобы справедливо отнестись к этой теме, мы должны постараться как можно дальше вывести женщин, упоминаемых в Евангелиях, из атмосферы сверхъестественного и увидеть в них обычных людей из плоти и крови, типичных для того времени и тех обстоятельств, к которым они принадлежали. Хотя они сыграли роль в событии, самом известном и самом важном в мировой истории, все же они были не более чем женщинами; на самом деле это были женщины настолько обычные и малоизвестные, что о них никогда бы не услышали, если бы не персонажи, с которыми они были связаны по воле случая. Сохранилась память о женщине, помазавшей Христа, которая была созвучна распространению Евангелия, но исключительно из-за величия объекта ее преданности.

Наша цель в этой главе - выяснить, что это были за женщины, принявшие участие в несравненном событии жизни Христа, какова была их роль в этом событии и как оно повлияло на их положение и существование.

Вся история еврейской расы и все обстоятельства, связанные с ней, в значительной степени оправдывают применение к евреям термина "особый народ". Будучи ветвью великого семитского племени, они во многих отношениях все же наиболее радикально отличались от всех остальных представителей человеческой семьи. За многие века вдохновенного самоанализа они выработали религию, расовый идеал и национальные обычаи, которые полностью отличали их от всех других восточных народов. Еврей - одна из самых замечательных фигур в истории. Во-первых, это его огромный вклад в религию и

мироустроительное влияние, столь несоизмеримый с его национальным значением; затем - удивительное постоянство его расовой преемственности.

То, что отличало евреев от других народов, было главным образом их религией. Этот особый народ, населявший во времена Христа небольшой участок страны, по размерам не превышающий Массачусетс, лишенный национальной автономии, будучи лишь второсортной провинцией Римской империи, тем не менее, считал все остальные расы низшими по отношению к себе. Это религиозное высокомерие, проявившееся в сильно преувеличенном представлении о превосходстве как своего происхождения, так и своей судьбы, окружило евреев непроницаемым барьером резервации. Та национальная гордость, которая у других народов основывается на памяти о славных достижениях на поле боя, на художественной славе или на коммерческой значимости, у евреев находила поддержку в их религиозной истории, в их божественных заветах и в законах сверхъестественного происхождения. И действительно, они были расой религиозных гениев; в этом отношении они превосходили греков в области искусства и римлян в области управления.

Эти факты, которые настолько общепризнанны, что не нуждаются в дальнейшем упоминании, требуют более тщательного изучения образа жизни древних еврейских женщин, чем то, на которое мы можем выделить место.

В евангельском повествовании женщины занимают большое место. Естественно, что большая часть изящества и красоты повествования о жизни Христа обусловлена духом и присутствием женских персонажей. Евангелисты безропотно признают это. Похоже, у них не было ни малейшей склонности преуменьшать роль, сыгранную женщинами; более того, их отношение к Христу невольно и в значительной степени к их чести противопоставляется отношению мужчин. Женщины сразу и полностью покорились делу Христа. Они сидели у Его ног и с благодарностью слушали благодатные слова, которые Он произносил; они приводили своих детей, чтобы Он благословил их; они следовали за Ним с плачем, когда Его уводили на смерть. Среди них не было ни кавалеров, ни безбожников, ни одного, кто бы отрекся или предал. Когда враги Иисуса требовали Его смерти, а Его ученики-мужчины разбежались, Он обратился к женщинам и сказал: "Дочери Иерусалима, не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших". Инстинкты дочерей Иерусалима вполне могли склонить их к сочувствию труду и страданиям Человека из Назарета, ибо неопровержимо, что ни одно влияние в мировой истории не сделало столько, сколько христианство, для улучшения положения женщины.

Положение женщины в Палестине, хотя и уступало положению мужчины, было намного выше того, которое она занимала у других восточных народов. Еврейский закон не позволял жене опускаться до состояния рабыни, а израильские традиции хранили слишком много воспоминаний о благородных и патриотичных женщинах, чтобы этот пол можно было воспринимать иначе, чем в почете. Народ, в чьих самых славных записях фигурируют такие героини, как Сара, Мириам, Дебора, Эстер и Сусанна, не мог не признать в представительницах своего пола возможность проявления самых возвышенных черт характера. Более того, каждой еврейской женщине могло быть суждено стать матерью долгожданного Мессии, и сама возможность этого события вызывала у нее глубокое почтение.

В то же время еврейские женщины, как и женщины всех других древних народов, находились в жестком подчинении; не было никаких притязаний на их равенство с мужчинами перед законом. Мужчина мог развестись с женой по любой причине: женщина не могла уйти от мужа ни при каких обстоятельствах. Еврейская женщина не могла

настаивать на выполнении религиозного обета, которым она себя связала, если ее муж или отец возражал против этого. Тем не менее, с самых ранних времен имущественные права израильских женщин были очень либеральными. В Книге Чисел говорится о том, как Моисей постановил: "Если кто умрет и не будет у него сына, то пусть перейдет наследство его к дочери его. А если не будет у него дочери, то отдайте наследство его братьям его". Но при этом необходимо было учитывать права племени. Владения не должны были отчуждаться от одного племени к другому. Поэтому было также постановлено, что "всякая дочь, имеющая удел в каком-либо колене сынов Израилевых, должна быть женою одному из семейства колена отца своего, чтобы сыны Израилевы пользовались каждый уделом отцов своих". Во времена Христа, однако, это ограничение на брак было излишним: десять колен еще не вернулись из плена. Дом в Вифании, где принимали Иисуса, принадлежал Марфе, и мы читаем о том, как богатые женщины следовали за Ним и обеспечивали Его нужды из своего личного состояния. В ранние времена среди евреев существовал обычай заключать браки путем покупки у отца или братьев; но в то время, о котором мы пишем, приданое давалось вместе с невестой, и она также получала часть от жениха.

Низшее положение еврейских женщин часто упоминается в раввинских писаниях. Распространенная молитва гласила: "Боже, пусть мое потомство не будет девочкой, ибо очень жалка жизнь женщин". Говорилось: "Счастлив тот, чьи дети - мальчики, и горе тому, чьи дети - девочки". Публичные разговоры между полами были запрещены раввинами. "Никто, - говорится в Талмуде, - не должен разговаривать с женщиной, даже если она его жена, на общественной улице". Даже ученики, привыкшие к тому, что Учитель игнорирует раввинские предписания, "изумились", когда увидели, что Он разговаривает с женщиной из Сихара. Одна из главных вещей, которых должны были избегать учителя Закона, - это многословие с женщиной. Сами женщины, похоже, соглашались с этим унижительным предписанием. Есть история об одной ученой даме, которая назвала великого рабби Иосифа "галилейским невеждой", потому что он употребил два лишних слова, спрашивая ее о пути в Иоппию. А он употребил всего четыре.

Иудеи считали женщин низшими не только по способностям, но и по природе. Предполагалось, что их разум низшего порядка и, следовательно, не способен оценить духовные привилегии, к которым мужчина должен стремиться. "Пусть лучше слова Закона будут сожжены, - говорит рабби Элеазар, - чем переданы женщинам". В Талмуде сказано: "Тот, кто наставляет свою дочь в Законе, наставляет ее в глупости". В синагогах женщины должны были сидеть на галерее, которая была отделена от основного помещения решеткой.

Однако вряд ли можно предположить, что в повседневной жизни иудеев фарисейские предписания, процитированные выше, соблюдались с особой строгостью. Особенно в Галилее, где было гораздо больше свободы, чем в нижней провинции, можно представить, что существовала большая разница между этими высокомерными "советами совершенства" и обычной практикой. Несомненно, раввины и книжники соблюдали традиции до мельчайших деталей; но поскольку в наши дни было бы неверно определять обычную жизнь народа по постановлениям, содержащимся в его сводах законов, мы вправе заключить, что обычное существование в древней Палестине не было таким тягостным абсурдом, каким его пытались сделать раввинские законы. Человеческая природа не выдержит слишком большого напряжения. Во всяком случае, мы можем верить, что, как бы ни была она подчинена, еврейская женщина находила достаточно возможностей для самоутверждения. Возможно, раввин и презирал многословие своей жены на улице, но, несомненно, бывали случаи, когда муж был вынужден терпеть многословие жены дома. Не без опыта мудрый

человек мог сказать: "Непрерывная капель в дождливый день и вздорная женщина - это одно и то же".

Изречения книжников, унижающие женский пол, в изобилии компенсируются многими предписаниями противоположного характера, которые можно найти в священных и разъяснительных трудах иудеев. Одной из первых вещей, вбиваемых в голову молодого еврея, было то, что его процветание в стране полностью зависит от соблюдения закона, согласно которому он должен "почитать отца своего и мать свою". Добродетельная женщина, изображенная царем Лемуилом, все еще оставалась идеалом во времена Христа: "Сыновья ее восстают и хвалят ее; муж ее также восхваляет ее". Заявление в книге Притчей о том, что "цена добродетельной женщины намного выше цены рубинов", не следует понимать в смысле иронии. "Почитай жену свою, чтобы быть богатым в радости дома твоего", - говорит Талмуд; и есть пословица: "Жена твоя мала? тогда склонись к ней и говори". Сын Сираха сказал: "Тот, кто почитает свою мать, подобен тому, кто складывает сокровища... а тот, кто гневается на свою мать, проклят Богом".

Как и среди всех других восточных народов, образованию еврейских девочек уделялось мало внимания; но вряд ли можно сказать, что они от этого проиграли. Они просто были избавлены от большого количества бесполезного труда, который выпал на долю их братьев. Учеба евреев, если говорить о высшем образовании, не добавляла ни изящества, ни удовольствия от жизни. Это был педантизм самого сухого и унылого толка. Оно состояло из бесконечных глосс к Закону и "преданий старцев". Она не задействовала никаких способностей ума, кроме памяти и тех способностей рассуждения, которые используются в тонкой казуистике. В нем не было ни искусства, ни науки, ни даже истории, кроме иудейской. Греческая ученость вызывала отвращение у ортодоксов. Они утверждали, что закон должен изучаться днем и ночью, и если кто-то может найти время между днем и ночью, то он может заниматься языческой литературой. Школы существовали в изобилии, но о них говорится только применительно к мальчикам. Однако в основополагающих моральных заповедях и в высших национальных идеалах еврейские девочки были обучены не менее тщательно, чем их братья. Озия свидетельствовал о Юдифи, которая женской стратегией и мужским мужеством одолела Холоферна: "Не первый день проявляется мудрость твоя; но от начала дней твоих все народы познали разум твой, потому что расположение сердца твоего доброе". О целомудренной Сусанне говорили, что ее родители были праведны и учили свою дочь по закону Моисееву. Тимофей был обязан своим ранним воспитанием матери Евнике и бабушке Лоиде. Израильская мать, когда ее дети еще только начинали соображать, тщательно изучала древние Писания и наставляла их в главных догматах иудейской веры. Никогда не существовало другой нации, которая бы так тщательно заботилась о воспитании своей молодежи в доктринах нравственности и в тех национальных воспоминаниях, которые эффективны для увековечивания пламенного патриотизма. Во всем этом девочки пользовались равными привилегиями с мальчиками. Как говорит Эдерсхайм: "Какими были еврейские отцы и матери, как они относились к своим детям, с каким благоговением, привязанностью и заботой последние возвращали им полученное, известно каждому читателю Ветхого Завета. Отношение отца получило свое высшее подтверждение и воплощение в отношении Бога к Израилю; нежность и забота матери - в бдительности и жалости Господа к своему народу".

Религия была дыханием еврейской жизни. Совершенно невозможно затронуть еврейскую историю, обычаи или идеалы, в любой период и в любом объеме, и не соприкоснуться с еврейской религией. Она, как мы знаем, была полна обременительных ритуалов и формальностей; Закон со всеми его сложными разветвлениями управлял мелочами

повседневного существования. И все же следует быть осторожным, чтобы не судить о жизни евреев слишком широко по правилам, которые, как показывает Талмуд, были установлены раввинами. Фарисеи, сделавшие формальности религии своим единственным делом в жизни, могли соблюдать все многочисленные праздники и посты, весь ритуал омовения и помнить о бесчисленных возможностях нарушения субботы - например, случайно наступить на спелый колос зерна, что было бы актом молотбы; но в то, что простой народ жил так строго, поверить невозможно, и по этой причине его презирала самая строгая секта. Эдерсхайм указывает на то, как некоторые из этих неприятных законов касались женщин: "Женщина (в субботу) не должна носить головной убор, который нужно расстегнуть перед купанием, и не должна выходить с такими украшениями, которые можно снять на улице, например, с передником, если он не прикреплен к шапочке, ни с золотой короной, ни с ожерельем или кольцом в носу, ни с кольцами, ни с булавкой в платье". Причина такого запрета на украшения заключалась в том, что в своем тщеславии женщины могли снять их, чтобы показать своим спутницам, а затем, забыв о дне, носить их, что было бы "бременем". Женщинам также запрещалось смотреть в стекло в субботу, потому что они могли обнаружить белый волос и попытаться вырвать его, что было бы тяжким грехом; но мужчинам не следовало пользоваться зазеркальем даже в будние дни, потому что это было недостойно. Женщина может ходить по своему двору, но не по улице, с накладными волосами".

Это лишь примеры предписаний, которые были настолько многочисленны, что сильно отягощали память тех, кто только и делал, что учился их соблюдать. Мы уверены, что они не могли характеризовать обычную жизнь иудеев; однако не было ни одного человека, пусть даже распущенного в поведении или скромного по происхождению, который не был бы хорошо знаком с моральными заповедями Моисея и возвышенными национальными идеалами пророков. В тех случаях - а их было немало - когда эта мудрость не оправдывала своих детей, точное соблюдение внешних форм, соединенное с крайним высокомерием расы, делало еврея открытым для презрения как греков, так и римлян. И все же в Израиле было достаточно скрытого импульса и подлинной религиозной жизни, чтобы сформировать основу того христианства, которому суждено было превзойти греческую философию и совершить революцию в Риме; и в Евангелиях есть много указаний на то, что заслуга в неисчислимых заслугах по сохранению живых тлеющих углей благочестия должна быть в преобладающей степени возложена на матерей и дочерей Израиля. Елизавета, как и ее муж Захария, была примером многих, кто "ходил во всех заповедях и постановлениях Господних непорочно". Была также одна Анна, чья преданность была столь велика, что, казалось, она сделала храм своим постоянным домом. Тем не менее в религии, как и во всем остальном, иудейские женщины, как и все представители их пола в древнем мире, были вынуждены довольствоваться более низким положением. В большом Иерусалимском храме им разрешалось занимать только второй двор: в Суд Израиля, где поклонялись их родственники-мужчины, они не могли проникнуть. Однако у них не было повода жаловаться на недостаток места, поскольку в этом женском дворе помещалось более пятнадцати тысяч человек, а для их удобства священники предусмотрительно разместили там сундуки с сокровищами. Именно здесь бедная вдова, которую восхвалял Христос, положила свои "две лепты". В этом же дворе находилось крыльцо Соломона, где Учитель, не признавая никакого неравенства, учил оба пола одинаково. В синагогах палестинские женщины обязаны были занимать как можно более неприметное место, а по дороге к ним требовалось идти по задним и менее посещаемым улицам, чтобы своим присутствием не отвлекать умы мужчин от священных размышлений. Эта доля лицемерного фарисейства не только указывает на низшую ступень, которую должны были занимать женщины, но и на то, что, какими бы

почетными они ни были в качестве жен и матерей, в них не было и намека на то рыцарство, которое впоследствии выросло из христианства и способствовало его развитию.

Жизнь еврейской женщины отнюдь не была уединенной. Ей позволялось свободно участвовать в общественной жизни. Она сопровождала свою семью в путешествиях на великие праздники, которые проводились в Иерусалиме. Действительно, мы читаем о галилейских женщинах, следующих за Иисусом в Иудею, очевидно, без сопровождения родственников-мужчин. Женщины также принимали смешанные компании в своих домах. Однако вполне вероятно, что среди женщин низшего класса было больше свободы передвижения, чем у их высокопоставленных сестер. В то время как первые жили в скромных и маленьких домах, в которых практически не было возможности уединиться, вторые имели большие и роскошные дома, с большими внутренними дворами и специальными апартаментами для собственного пользования. Роскошь этих богатых женщин соперничала с роскошью самого Рима. Мы читаем об одной Марфе, жене первосвященника, которая, отправляясь в храм, стелила ковры от своего дома до дверей храма. На более бедных женщин возлагались все тяготы труда: "две женщины мелют на мельнице" - обычное явление в каждом доме.

В этой судьбоносной драме, главной фигурой которой был Сын Человеческий, играли роль женщины самого разного характера и положения. Среди них были Иродиада и Прокла, жена Пилата: это были самые высокопоставленные дамы в стране; Марфа из Вифании и Иоанна, жена управителя Ирода, представлявшие средний класс; Мария, мать Иисуса, из бедных; и Мария из Магдалы, из многочисленного в Палестине класса женщин, одну из которых Евангелие называет "женщиной грешницей".

О двух первых можно сказать немного, поскольку они были далеко не христианками, хотя жена Пилата заслужила уважение всех последующих поколений, выступая за жизнь Иисуса.

Иродиада связана с этой историей только из-за жестокой решимости, с которой она добивалась и добила смерти Иоанна Крестителя. Внучка Ирода Великого, она унаследовала не только его бурные амбиции, но и свирепость. Она была замужем за Иродом Филиппом, своим дядей. Этот сын первого Ирода был богатым частным жителем Иерусалима, но Иродиада не могла оставаться в стороне, наблюдая за блестящей игрой правителей. Поэтому она воспользовалась возможностью, которую дало ей присутствие Антипы в ее доме и гостеприимство ее мужа, чтобы начать интригу, которая закончилась ее брачным союзом с тетрархом. Своим поведением она попраля иудейский закон и оскорбила народ. Не то чтобы разрыв брачных уз был чем-то необычным для иудеев; более того, возможности для развода были весьма либеральными. Мужчина мог бросить свою жену по самой пустяковой причине. "Если кто-нибудь, - говорили раввины, - увидит женщину красивее своей жены, он может бросить свою жену и жениться на ней". Считалось достаточным поводом для развода, если жена выходила на улицу без покрывала. Ученики Гиллеля даже доходили до того, что если женщина портила ужин мужа, поджигая или пересаливая его, то у него была достаточная причина, если он хотел, чтобы она ушла. В этом и заключается суть вопроса, которым фарисеи пытали Христа. "Законно ли, - говорили они, - чтобы человек отлучал жену свою по всякому поводу?" Итак, иудеев потрясло и заставило согласиться с Иоанном в его обличении Ирода не то, что тот развелся со своей первой женой, дочерью Аретаса, а то, что он взял Иродиаду, которая не была отлучена от своего мужа Филиппа. Здесь присутствует удивительная моральная софистика. С точки зрения иудейского закона, было бы правильно, если бы Ирод и Филипп обменялись женами, после того как законно развелись по любой причине, которая могла показаться им подходящей; но не было ни закона, ни какой-либо мыслимой ошибки, которая могла бы дать Иродиаде право

уйти от мужа по собственной воле. Женщины не могли получить развод. Таким образом, согласно иудейским представлениям, вина Ирода заключалась исключительно в том, что Филипп до сих пор не считал нужным отпустить Иродиаду. Соглашался ли Иоанн Креститель с идеями своего времени по этому вопросу, мы не знаем; но тот, кто пришел после него, поставил брак на гораздо более высокую основу и ограничил развод только его основной причиной.

Иродиада замышляла уничтожение Иоанна и добилась этого, возможно, не только из-за страха перед влиянием Иоанна на амбициозные проекты Ирода, но и из-за обиды на его обвинения в свой адрес. Она решила, что Ирод должен стать царем, как и ее брат Агриппа; но тот был очень любим Калигулой, и когда его письма были представлены императору в то самое время, когда Ирод, повинувшись просьбам жены, подал свой иск, муж Иродиады был низложен и сослан в Лион. Единственный похвальный поступок Иродиады, насколько известно, был связан именно с этим случаем. Калигула хотел позволить ей сохранить свое состояние и сказал ей, что "именно ее брат не допустил, чтобы ее постигло то же несчастье, что и ее мужа". На это она ответила следующее: "Ты, конечно, о император, поступаешь великолепно и как подобает тебе самому в том, что ты мне предлагаешь; но доброта, которую я питаю к моему мужу, мешает мне воспользоваться благосклонностью твоего дара, ибо несправедливо, чтобы я, ставшая соучастницей его процветания, оставила его в несчастьях". После этого Калигула отправил ее в изгнание вместе с Иродом, а ее имение передал Агриппе.

Наше любопытство сильно возбуждено, но ничуть не удовлетворено в отношении другой женщины, жившей в Иерусалиме во времена Христа. Пилат, римский прокуратор, взял свою жену с собой в Иудею. По преданию, там она стала прозелиткой иудейской веры. Это отнюдь не маловероятно, ведь по всему римскому миру встречались женщины, обратившиеся в религию Сиона; Иосиф на собственном опыте показывает, что в более позднее время даже Пoppея, жена Нерона, была крайне благосклонна к иудеям. Греческая церковь идет еще дальше и включает Проклу в календарь святых. Хотя не сохранилось никаких свидетельств о том, что она стала христианкой, не стоит считать это невозможным; более того, вполне разумно предположить, что, попытавшись спасти жизнь Иисуса, удивительное религиозное движение, последовавшее за Его смертью, не могло быть неизвестно или не заинтересовать Проклу. Во всяком случае, несомненно, что она была знакома с Иисусом, что она в немалой степени была настроена в Его пользу, и что желание Пилата помешать священникам в их замыслах относительно жизни Христа было в значительной степени результатом влияния его жены. Но Пилата уличили в том, что спасение узника было бы признаком нелояльности к Сезарю. Этот инцидент - самый яркий пример того, как неразумно противопоставлять мужские ратионации женским моральным интуициям.

Теперь мы обратимся к тем женщинам из Евангелий, которые были признанными подругами Иисуса и основателей христианства. Центральной фигурой, конечно же, является Пресвятая Мать - Мария, почитаемая христианами превыше всех дочерей земли и обожаемая миллионами людей как Царица Небесная; и все же как недостаточны, как скудны наши реальные знания об этой бессмертной женщине! Никогда человеческое воображение не торжествовало так великолепно, как в развитии концепции Пресвятой Девы; никогда любовь к ней не возводила столь чудесный идеал на столь скудном фундаменте уверенной реальности. На странице умеренного размера поместилось бы все, что говорится о ней в Евангелиях, но кто оспаривал утверждение о том, что Мария является высшим представителем всего самого чистого и прекрасного в женской природе. Это не догма какой-либо церкви, а всеобщее чувство. Это преобладающее представление о характере Марии

выросло из убеждения в нравственной ценности той, которая должна была родить и воспитать Сына Человеческого; оно также в значительной степени стало результатом сильной человеческой любви к материнству, которая ищет совершенный пример, на который можно было бы ориентироваться. Пресвятая Дева - это идеал женственности. Она - олицетворение всей женской красоты, как души, так и тела; она - совершенное выражение высшего вдохновения поэта и самой благородной мечты художника. Однако мы не можем не желать, чтобы о домашней жизни Марии было известно больше; желание поместить прекрасную фигуру Представительницы Матери в разнообразные условия обычной женской жизни непреодолимо, но это можно сделать только с помощью того немногого, что мы знаем о нравах и обычаях ее народа и времени.

Как уже было сказано, источниками информации о Матери Иисуса являются четыре Евангелия. Кроме них, существуют апокрифические христианские писания, но они слишком позднего происхождения и содержат слишком много явно абсурдных историй, чтобы заслуживать доверия, за исключением тех случаев, когда они подтверждаются евангелистами. Последние ничего не говорят о прямом происхождении Марии. Она была отпрыском царского рода, рода Давида, и хотя наиболее вероятно, что загадочные родословные Матфея и Луки принадлежат ее мужу, Иосифу, есть много оснований полагать, что он и Мария были кровными родственниками. Их дом находился в Назарете, красивом галилейском городе на холме, отличавшемся привлекательностью своих женщин. В конце шестого века Антонин Мученик заметил, что еврейские женщины Назарета были не только справедливее, но и приветливее с язычниками, чем другие женщины Палестины, а современные путешественники сообщают нам, что обе эти черты сохранились до сих пор. Гейки говорит: "Свободный воздух их горного дома, похоже, оказал свое влияние на жителей Назарета. Его ясноглазые, счастливые дети и привлекательные женщины поражают путешественника, и даже их одежда отличается от одежды других частей света. Женская одежда обычно состоит из длинного синего одеяния, подвязанного вокруг талии, чепца из красной ткани, украшенного каймой или валиком из серебряных монет, окаймляющего лоб и доходящего до ушей, напоминая женский головной убор в форме полумесяца, который носят некоторые египетские жрицы. Поверх него набрасывается вуаль или платок из грубого белого хлопка, который свисает до пояса, прикрывая рот, а грудь остается открытой, так как восточные и западные представления о приличиях в некоторых вещах различаются..... В стране, где ничего не меняется из века в век, сегодняшняя одежда, по всей вероятности, в большинстве своем такая же, как и две тысячи лет назад, хотя преобладающим цветом еврейского платья, по крайней мере, в лучших классах, был естественный белый цвет используемых материалов, которые набивальщик делал еще белее".

Евангелия не дают нам сведений о возрасте Марии, когда она была обручена с плотником Иосифом. В апокрифическом *Евангелии от Марии* говорится, что ей было четырнадцать лет, а в *Протевангелионе* - двенадцать, что соответствует обычаям Востока, где девочки созревают гораздо раньше, чем у нас. Обручение состояло из взаимных обещаний и обмена подарками в присутствии избранных свидетелей, после чего обрученные торжественно вкушали из одного кубка вина, и завершалось благословением, произносимым священником или раввином. После этих торжественных обрядов отношения между Марией и Иосифом были столь же священными, как если бы брак действительно состоялся; единственное отличие заключалось в том, что пара еще не жила вместе. Женщина не имела права отказаться от договора, а мужчина не мог не выполнить своего обещания, если только не давал ей официальный документ о разводе по причине, как в случае с браком; законы, касающиеся прелюбодеяния, также были применимы. Однако между датой обручения и датой брака могло пройти много месяцев.

Что происходило в этот промежуток времени в жизни Девы Марии - загадка, исследовать которую было бы тщетной попыткой. Если подходить к этому вопросу с чисто рационалистической точки зрения, то нет ни исторических, ни научных данных, которые позволили бы нам поступить иначе, чем просто дискредитировать рассказы о Рождестве Христовом в том виде, в каком они даны Матфеем и Лукой. С другой стороны, если принять повествование о рождении Христа с той благоговейной верой, которая сохраняется на протяжении девятнадцати веков христианства и которой придерживались и продолжают придерживаться люди непревзойденного интеллекта, то не остается ничего другого, как выразить свое преклонение и удивление. Мы можем сожалеть о том, что Иоанн и Марк или, по крайней мере, один из эпистолярных писателей не подтвердили свидетельства двух первых евангелистов; то незначительное значение, которое Мария, похоже, приобрела в апостольской церкви, может показаться несовместимым с потрясающим характером ее переживаний; но здесь нет предмета для пустых рассуждений; мы стоим перед тайной, которая полностью принадлежит царству веры. Наука христологии требует признания этого сверхъестественного события. Но в компетенцию этой книги так же мало входит защита веры, как и применение канонов высшей критики к писаниям Нового Завета.

В картине, которую Писание дает нам о Марии, нет ни одного столь человеческого штриха, как тот, что представляет ее, когда она при первом предвестии о приходе Сына спешит на юг, чтобы посоветоваться со своей кузиной Елизаветой. Женщине нужно прошептать новость, прежде чем она станет известна мужчине, с которым она обручена; и не сплетникам из Назарета, а только своей святой и трезвомыслящей родственнице Мария могла передать свои надежды и страхи. Поэтическое выражение было врожденным правом иудейской женщины; Мириам, Дебора, Ханна и Юдифь возвеличивали Господа песней; пусть же и Мария, будучи уверена, что ее отпрыск будет Мессией, давно предсказанным, выразит ликование своей души подобным образом. "Вот, отныне все роды будут называть Меня благословенной..... Он низложил сильных с мест их и возвысил низких".

Август Сезар издал указ о том, что весь мир должен быть обложен налогом. Об этом акте мы бы мало что знали и мало о чем думали, если бы он не ознаменовал собой рождение Того, Кому мир никогда не перестанет воздавать дань уважения.

В рождении Иисуса тайна материнства прославлена, нет, почти обожествлена. Человечество также нуждалось в этом. Языческий мир всегда стремился удовлетворить чувства, глубоко укоренившиеся в человеческом сердце, представляя материнство в виде божественной личности. Религия, которая не признает в своем объекте любящую доброту и болезненную заботу материнского сердца, не сможет выжить. Мария - символ того естественного нежного благоговения и высшего доверия, которые внушает материнство. Пастухи преклонили перед ней колени в хлеву, где она лежала по причине бедности, ибо неоценимая милость матери не зависит от богатства или земного великолепия. Мудрецы с Востока принесли свои дары, ибо нет большей мудрости, чем та, что воздаст почести младенцу у груди матери.

На одном великом опыте материнства и закончилось величие Марии, насколько можно судить по записям. Устроилась ли она, судя по всему, как обычная назаретская домохозяйка? Родила ли она Иосифу других детей? Многим последний вопрос кажется святотатством, и тем не менее нет ничего авторитетного, что говорило бы об обратном.

По преданию, Иосиф умер в самом начале их супружеской жизни. Тогда Мария стала зависеть от трудов своего Сына. Воздерживался ли Он от Своего главного призвания до тридцати лет, чтобы познать не только обычный труд, но и сыновний долг по поддержке

матери? Разве для того, чтобы посоветоваться о каком-то семейном деле, Его мать и братья стояли у дома, где Он учил, желая поговорить с Ним? На все эти вопросы мы не можем ответить; но, конечно, не стоит умалять святость картины, чтобы привнести в нее все возможные элементы человеческого интереса.

Евангелия еще раз и в последний раз обращают свой свет на Марию. Они показывают ее у подножия Креста. Каждый из Синоптиков говорит нам, что многие женщины последовали за Ним из Галилеи; только у Иоанна Мария упоминается как присутствующая при распятии. "Увидев Матерь Свою и ученика, которого любил, Иисус говорит Матери Своей: "Женщина, вот сын Твой". Тогда говорит ученику: "Вот мать твоя". И с того часа ученик тот взял ее в дом свой". Почему так произошло, если у Марии были другие живые сыновья? Иоанн, который, вероятно, был сыном ее родной сестры, должен был немедленно увести Мать от страшной сцены, где меч пронзал и ее собственную душу, туда, где она могла бы ожидать объявления конца. Тот факт, что нет никаких записей о явлении Марии после Воскресения, следует объяснить тем, что ее вера не нуждалась в этом, будучи уверенной в том, что смерть не сможет победить ее Божественного Сына.

Тем не менее, скудость упоминаний о Марии в Новом Завете после Рождества Христова вызывает недоумение. Другими преданиями, касающимися ее истории и характера и сохранившимися у значительной части христианства, мы полностью обязаны так называемым апокрифическим Евангелиям. Они состоят из писаний, которые в некоторых случаях существовали до того, как были отобраны настоящие книги Нового Завета как единственно подлинными, но не были сочтены достаточно ценными, чтобы быть включенными в канон. К ним относится *Евангелие о рождении Марии*. В самые ранние века считалось, что эта книга принадлежит перу святого Матфея. Многие древние христиане считали ее подлинной, а Иероним, живший в четвертом веке, цитирует ее целиком. Другая книга с таким же описанием, известная как *Протевангелион* святого Иакова, упоминается столь же древними писателями. Есть еще *Евангелие от младенца*. Нам говорят, что оно было принято христианами-гностиками уже во втором веке; но оно полно явных нелепостей, возмутительных даже для самого податливого легковерия. В качестве примера можно привести историю - не считая чудесных, которые крайне нелепы - о том, что при обрезании Иисуса старая еврейская женщина взяла отрезанную часть "и сохранила ее в алебастровой шкатулке со старым маслом спикенарда. И был у нее сын аптекарь, которому она сказала: "Смотри, не продай эту алебастровую коробочку со спикенаровым маслом, хотя бы тебе и предложили за нее триста пенсов". Вот этот-то алебастровый ящик и купила Мария грешница, и возлила из него миро на голову и ноги Господа нашего Иисуса Христа, и отерла его волосами головы своей".

Евангелие от Марии послужило основой для многих серьезных убеждений в отношении Пресвятой Девы, и особенно христианские художники черпали из его страниц предложения для своих сюжетов. Мы вкратце расскажем о Матери Иисуса. "Благословенная и вечно славная Дева Мария, происходившая из царского рода и семьи Давида, родилась в городе Назарете и получила образование в Иерусалиме, в храме Господнем. Ее отца звали Иоаким, а мать - Анна. Род ее отца был из Галилеи и города Назарета. Семья ее матери была из Вифлеема. Жизнь их была чиста и правильна в очах Господних". Тем не менее, в течение двадцати лет они страдали от того, что в глазах иудеев было одним из величайших несчастий: они были бездетны. Иссахар, первосвященник, насмехается над Иоакимом. Смутившись от стыда, добрый человек удалился к пастухам, пасшим скот на пастбищах; он не хотел возвращаться домой, чтобы его соседи, которые были рядом и слышали все это от первосвященника, не стали публично поносить его таким же образом. Тогда ему явился

ангел и сообщил, что его жена Анна родит дочь, и назовут ее Марией. "Она, по обету твоему, должна быть посвящена Господу с младенчества и исполнена Духа Святого от утробы матери своей; не должна есть и пить ничего нечистого, и не должна говорить в простом народе, но в храме Господнем, дабы не подвергнуться клевете и подозрению в чем-либо скверном". Ангел явился и Анне, сообщив ей аналогичную информацию. "И зачала Анна, и родила дочь, и, по повелению Ангела, родители нарекли ей имя Мария".

"Когда же истекли три года и окончилось время отлучения Ее, принесли Деву в храм Господень с приношениями. И было около храма, согласно пятнадцати псалмам степеней, пятнадцать лестниц для восхождения. Так как храм был построен на горе, то к жертвеннику всесожжения, который находился вне ее, можно было подойти только по лестнице; родители Пресвятой Девы и младенца Марии поставили Ее на одну из этих лестниц; но пока они снимали с себя одежду, в которой путешествовали, и по обычаю надевали более опрятную и чистую, Дева Господня между тем так поднималась по всем лестницам одна за другой, без помощи кого-либо, кто бы вел или поднимал Ее, что всякий мог бы судить по этому, что Она была в совершенном возрасте. Так Господь в младенчестве Своей Девы совершил это необыкновенное дело и этим чудом показал, как велика Она будет в будущем. Родители же, принеся жертву, согласно обычаю закона, и исполнив свой обет, оставили Деву с другими девами в апартаментах храма, которые должны были там воспитываться, и вернулись домой".

Мария, как нам рассказывают, до четырнадцати лет была опекаема ангелами и сохранена от всякого подозрения в зле, так что "все добрые люди, которые были знакомы с нею, восхищались ее жизнью и разговором". В это время первосвященник сделал распоряжение, чтобы все девы, имевшие общественное поселение в храме и достигшие этого возраста, вернулись домой и, поскольку они уже достигли зрелого возраста, по обычаю своей страны постарались выйти замуж". Мария отказывается это сделать, поклявшись Господу в своей девственности. Тогда первосвященник созывает собрание главных лиц Иерусалима, чтобы испросить совета у Неба по этому вопросу. Голос с крышки велит всем брачным и небрачным мужчинам из рода Давидова принести свои посохи к жертвеннику, "и из посоха всякого человека, после того как он принесен, должен распуститься цветок, и на вершине его должен сесть Дух Господень в виде голубя; он будет тем человеком, за которого должна быть отдана и обручена Дева".

Среди остальных был человек по имени Иосиф, из дома и рода Давидова, человек весьма преклонных лет, который отложил свой посох, когда все остальные подали свои. Однако Иосиф был четко указан в описанной манере как избранный. "По окончании обычных церемоний обручения он вернулся в свой город Вифлеем, чтобы привести в порядок свой дом и приготовить все необходимое для брака. Дева же Мария с семью другими девами того же возраста, которые были отлучены от груди в то же время, и которые были назначены священником для сопровождения ее, вернулась в дом своих родителей в Галилее". Далее следует рассказ о Благовещении, аналогичный приведенному святым Лукой, но несколько дополненный. "Тогда Мария, простерши руки Свои и возведя очи Свои к небу, сказала: вот служанка Господня. Да будет мне по слову твоему".

ХРИСТОС И ДОЧЬ ИАИРА

По картине Альберта Келлера.

Готовая вера евангельских женщин иллюстрируется многими рассказами о чудесах, совершенных от их имени. Вера Марфы и Марии была вознаграждена возвращением к жизни их брата Лазаря. Была женщина, которую врачи не могли вылечить, но вера заставила ее прикоснуться к подолу одежды Учителя, и она стала целой. Вдова из Наина, провожавшая мертвое тело своего сына до гроба, получила сына, возвращенного к жизни. Презиравшая сиропиникиянка доказала свое смирение и веру, и ее дочь обрела целость. Христово милосердие проявлялось не только к женщинам, но и к другим, как мы видим в случае воскрешения дочери Иаира в ответ на веру отца.

В Протевангелии все это пересказывается, но более подробно. Там говорится о Марии, что, пока она жила в храме, "весь дом Израилев любил ее". О ней также говорится, что она была избрана священниками для плетения пурпурной завесы для храма. В этом писании Мария описывается как получившая известие от ангела, когда пошла к источнику набрать воды. Есть также любопытный отрывок, в котором Иосиф рассказывает о событиях, произошедших с ним, когда он отправился искать повивальную бабку в селении Вифлеем. "Когда я шел, - говорит он, - я взглянул на воздух и увидел облака, удивленные, и птиц небесных, остановившихся в полете своем. И, взглянув вниз, на землю, я увидел накрытый стол, и вокруг него сидящих людей, но руки их были на столе, и они не двигались, чтобы есть. Те, у кого было мясо во рту, не ели. Поднявшие руки свои к голове, не отводили их назад; и поднявшие их ко рту, не клали ничего; но все лица их были обращены кверху. И видел я, что овцы рассеялись, но стояли неподвижно. И поднял пастух руку свою, чтобы поразить их, и рука его осталась поднятой. И взглянул я на реку, и увидел детей, приближающих уста свои к воде и прикасающихся к ней, но не пьющих".

Несмотря на все, что говорится в этих древних писаниях в попытке оказать ей честь, мы должны заключить, что слава нимба, украшающего голову настоящей Марии, отражением от нравственного великолепия ее Сына. Каким внутренним величием души она обладала, нам трудно предположить по тому незначительному вниманию, которое уделяется ей в Евангелиях. Тем не менее она по праву занимает место идеализированной женщины. Мы нуждаемся в таком поэтическом творении, как Мария; и ее место во главе всех дочерей

земли тем надежнее и эффективнее, что ее фигура в подлинной истории - лишь теневой набросок. Идеальная женщина, которую все человечество любит и почитает как Деву, Мать и Святую, объективируется, концентрируя в Марии из Назарета всю возможную женскую грацию, красоту и чистоту.

Обратимся теперь к другой Марии, которая в евангельской истории достигла славы едва ли менее известной, чем ее великая тезка: Марии из Магдалы, из которой Христос изгнал семь бесов. Магдала была городом на Галилейском озере, столь же печально известным своей распущенностью, сколь и богатством, полученным от производства красителей. Страдание Марии, несомненно, носило как нравственный, так и душевный характер; возможно, оно относится к отказу от безнравственных излишеств, к которым ее подтолкнула ее страстная натура. Иудеи во времена Христа были склонны приписывать любую форму зла, как физического, так и духовного, действию демонов, которые, как предполагалось, имели силу завладевать человеческими существами в качестве жилища. Церковное предание всегда отождествляло Марию Магдалину с женщиной, которая в доме Симона помазала ноги Христа елеем, после того как омыла их своими слезами. Тем не менее, следует признать, что у этой веры нет определенных оснований. По этому поводу архидиакон Фаррар говорит: "Талмудисты могут многое рассказать о ней - о ее богатстве, необычайной красоте, заплетенных локонах, бесстыдном распутстве, ее муже Паппусе и ее подруге Пандере; но все, что мы действительно знаем о Магдалине из Писания, - это тот энтузиазм преданности и благодарности, который привязал ее, сердце и душу, к служению своему Спасителю. В главе святого Луки, которая следует за рассказом о помазании ею ног Господа в доме фарисея, она упоминается первой среди женщин, сопровождавших Иисуса в Его странствиях и служивших Ему из своего имущества; возможно, что в рассказе о происшествии в доме Симона ее имя было опущено из тех деликатных соображений, которые в других отрывках заставляют евангелиста опускать первоначальное условие Матфея".

Великая роль Марии Магдалины в евангельской истории связана с Воскресением. Рационалисты приписывают возникновение учения о Воскресении Марии Магдалины ее горячей любви и напряженному воображению, позволившему ей представить Того, от Кого, хотя и мертвого, она не могла отказаться. Согласно этой теории, как Мария из Назарета принесла Иисуса в мир, так через Марию из Магдалы Его воскресший Дух родился в Церкви. Но это не вера христианства, и свидетельства Евангелий не могут быть разумно утилизированы таким образом. Магдалине была оказана величайшая честь получить первое приветствие от воскресшего Господа; и ее свидетельство является главным краеугольным камнем самой утешительной доктрины христианства.

В евангельском повествовании женщине отведено важное место - как верующей во Христа, как Его преданной последовательнице и постоянной служительнице, а также как верной и непоколебимой свидетельнице Его чудесных дел. Готовая вера евангельских женщин иллюстрируется многими рассказами о чудесах, совершенных от их имени. Вера Марфы и Марии была вознаграждена возвращением к жизни их брата Лазаря. Была женщина, которую врачи не могли вылечить, но вера заставила ее прикоснуться к подолу одежды Учителя, и она стала целой. Вдова из Наина, провожавшая мертвое тело своего сына до гроба, получила сына, возвращенного к жизни. Презируемая сиропиникиянка доказала свое смирение и веру, и ее дочь обрела жизнь. Христово милосердие проявлялось в первую очередь к женщинам, хотя и не только, как мы видим в случае воскрешения дочери Иаира в ответ на веру отца. В жизни Христа, главном событии мировой истории, влияние и деятельность женщины были не меньше, чем у мужчины; но, в отличие от него, ее роль была отмечена безупречной чистотой, великодушием и верностью.

II

ЖЕНЩИНЫ АПОСТОЛЬСКОГО ВЕКА

Закваска христианства быстро и мощно вознесла женщину на более почетное место в оценке приверженцев новой религии. Что касается умственных и духовных отношений, то оно сразу же поставило ее на равную ногу с мужчинами, что было совершенно новым явлением в человеческой мысли. Мы видели, как даже в иудаизме - самой чистой религии и самой высокой нравственной системе, известной миру до пришествия Христа, - женщина занимала более низкое положение и была лишена многих привилегий, но не моральных обязанностей. Согласно Левитскому кодексу, когда мужчина приносил в жертву Господу кого-либо из своей семьи, стоимость мужчины оценивалась в пятьдесят сиклей, а женщины - в тридцать сиклей; и, как и во всех случаях, когда между мужчинами и женщинами устанавливалось произвольное сравнение, этот расчет не зависел от наличия или отсутствия личных достоинств. Простое неразвитое мужское начало в ином никчемном человеке давало ему, по оценке иудеев, преимущество в две пятых над самой благородной женщиной. Сама глупость этого говорит о том, что пол вряд ли мог быть задуман Творцом как основа, на которой можно было бы обосновать право на большинство либо обязанностей, либо привилегий человеческой жизни. В новой диспенсации Павел говорит: "Не может быть ни Иудея, ни Грека; ни раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы один человек во Христе Иисусе". То, что апостол запретил женщинам принимать участие в общественном служении в общине, большинство людей до сих пор считает гармоничным с естественным положением вещей; по крайней мере, в те времена, когда воспитанием женщин так ужасно пренебрегали, это была мера, абсолютно необходимая для сохранения приличий.

О новой жизни, открывшейся для женщин в христианстве, Ренан справедливо говорит: "Женщины естественным образом тянулись к обществу, в котором слабые были окружены столькими гарантиями". Их положение в обществе было тогда скромным и шатким; вдова, в частности, несмотря на ряд защитных законов, чаще всего была брошена на произвол судьбы и пользовалась наименьшим уважением. Многие врачи выступали за то, чтобы не давать женщинам никакого религиозного образования. Талмуд ставил в одну категорию с вредителями мира сплетницу и любопытную вдову, которая проводила свою жизнь в болтовне с соседями, и девственницу, которая тратила время на молитвы. Новая религия создала для этих лишенных наследства несчастных почетное и надежное убежище. Некоторые женщины занимали самые важные посты в церкви, а их дома служили местом собраний. Что касается тех женщин, у которых не было домов, то они были сформированы в некий орден, или женский пресвитериальный орган, в который также входили девственницы, игравшие столь важную роль в сборе милостыни. Институты, которые считаются позднейшим плодом христианства - женские общины, монахини и сестры милосердия - были его первыми творениями, основой его официальной силы, самым совершенным выражением его духа.

Христианская церковь в том виде, в каком она существовала в самом начале, описана в четырнадцатом стихе первой главы Деяний: "Все они (одиннадцать Апостолов) единодушно пребывали в молитве и молении, с женщинами, и Мариею, Матерью Иисуса, и с братьями Его". Женщины, о которых идет речь, - это те верные, которые последовали за Иисусом из Галилеи и служили Ему из своих средств; те, кто рано утром на Пасху отправился к гробнице, чтобы совершить последний обряд умиления, и нашел гроб пустым: Мария Магдалина, Саломея, мать Иоанна и Иакова, Иоанна и "другая Мария". Но в Новом Завете они больше не упоминаются по имени; не упоминается и мать Иисуса, разве что в том безличном смысле, в котором святой Павел говорит о Христе как о "рожденном от женщины". В жизни Иисуса женщины занимали большое и видное место, но в истории основания Церкви они не имеют соответствующего значения. В апостольской истории мы встречаем новые имена: новообращенные из язычества и те, кто трудился вместе с апостолом язычников. Записи позволяют евангельским женщинам оставаться в неизвестности, но они никогда не исчезнут из человеческой памяти, как галактика, окружавшая Светлую и Утреннюю Звезду.

В то время Церковь еще не имела своей организации, за исключением того, что Двенадцать - место Иуды было занято - были признаны лидерами в силу того, что их избрал Христос. Остальные, женщины наравне с мужчинами, были просто верующими. Даже у апостолов не было никакого плана, никакого предвидения будущего развития. Должностные лица создавались только по мере возникновения условий, которые требовали их. Вначале Церковь была просто коммунистической семьей, связанной святой любовью и общим энтузиазмом. Обычные условности общества были на время отменены; мужчины и женщины жили вместе в свободном общении большой семьи. Их время почти полностью уходило на молитву и работу по обращению; обычные жизненные увлечения были почти полностью прекращены. Община поддерживалась из общего фонда, который ежедневно пополнялся за счет средств, вырученных от продажи имущества новообращенных. Никто не называл своим ничего из того, что у него было; все было общим. Их число было слишком велико для общего стола, но они собирались большими компаниями в домах друг друга, и никто не терпел унижения по причине состояния или пола. Каждая вечерняя трапеза напоминала о Тайной вечере Христа с учениками. Этот недолговечный прообраз совершенного человеческого общества содержал в себе пророчество всего того, что христианство сделает для женщины на протяжении всего медленного развития веков. В общине иерусалимских христиан женщина не была ни рабыней, ни подчиненной. Бремя ежедневного пропитания, которое до сих пор так тяжело ложится на плечи подавляющего большинства женщин, здесь было чрезвычайно легким, ибо все помогали друг другу, а каждый помогал всем. Равное общение в великом духовном владении привело к тому, что все признаки женской неполноценности исчезли, и полы свободно смешались в чистом и благородном товариществе.

Но этому совершенному типу общества не суждено было просуществовать долго. Он появился лишь на короткое время, которого едва хватило, чтобы показать, какой может быть человеческая жизнь, если ею управляет Дух Иисуса; а затем женщина стала соучастницей поступка, который показал, что идеал еще слишком высок для практичного и благоразумного мира. Сапфира и Анания продали свое имущество и положили часть цены к ногам апостолов под предлогом, что посвящают им все свое. "Скажи мне, - сказал святой Петр, - за столько ли вы продали землю?" "Да, - ответила Сапфира, верная сговору, в который она вступила со своим мужем, - именно за столько". "Вы согласились вместе лгать Богу", - сказал апостол. "Ноги погребавших мужа твоего у дверей; они вынесут и тебя". И она тотчас "испустила дух". И юноши вынесли ее и похоронили рядом с мужем. Описание погребения, похоже, указывает на то, что оно было совершено как можно тише, вероятно, чтобы не привлекать внимания народа. Однако тех, до кого дошел слух об этих событиях, охватил

сильный страх перед силой апостолов. Это не очень приятная история, и она бьет по совести тех, в ком память о евангельском учении свежа и ярка. Однако Церковь была не настолько сильна сама по себе, чтобы прибегать к радикальным мерам, чтобы защитить себя от любостязательного лицемерия внутри, которого следовало опасаться больше, чем жестоких гонений извне. Что касается патологической причины смерти Сапфиры и ее мужа, то она не объясняется. На рыночной площади одного из городов Уилтшира (Англия) стоит примечательный каменный памятник, воздвигнутый корпорацией в память о "суде", который состоялся на этом месте много лет назад. Согласно длинной надписи, выгравированной на колонне, три женщины договорились купить определенное количество муки, каждая внесла свою долю в цену. Возник спор, поскольку одна из них заявила, что внесла свою часть, хотя сумма не могла быть учтена. Когда ее обвинили в попытке обмануть, она воскликнула, что хотела бы упасть замертво, если бы говорила неправду. Она тут же упала на землю и скончалась, после чего при ней нашли деньги. Те, кто сделал эту надпись для предупреждения будущих торговцев, считали, что это "приговор". Несомненно, это было следствием волнения, вызванного патологическим состоянием сердца. Сравнение между этим случаем и случаем Сапфиры и Анании ослабляется только тем странным фактом, что муж и жена в один и тот же день встретили смерть таким удивительным образом. Возможно, стоит отметить, что Иродиада и Сапфира - единственные женщины, упомянутые по имени в Новом Завете, против которых выдвинуто какое-либо порочащее обвинение.

По мере того как число верующих в Иерусалиме росло, возникали проблемы с ежедневным пропитанием. Коммунистический план жизни ни в коем случае не был жестким, как показывает тот факт, что Петр признает, что Анания не обязан был приносить в жертву всю или даже часть цены своего владения. Число новообращенных увеличивалось слишком быстро, а их организация была слишком свободной для создания какой-либо экономической системы. Однако мы видим, что община тщательно заботилась о неимущих, ежедневно раздавая им подавание.

В Иерусалиме было много евреев-эллинистов, то есть тех, кто вырос в чужих странах или родился от таких родителей. Палестинские евреи имели явное превосходство над ними. По-видимому, это привело к тому, что между иудеями, принявшими Христа, и иудеями, родившимися в других странах, возникла небольшая неприязнь. Последние находили повод жаловаться, что их вдовами пренебрегают при ежедневной раздаче; это, по-видимому, указывает на то, что вдов содержали за счет доходов церкви, что быстро привело к тому, что их стали считать служителями церкви. Мы находим ранние упоминания о вдовах в своего рода корпоративном качестве. В рассказе о воскрешении Доркас, которая, вероятно, сама была в таком же положении, говорится, что Петр призвал "святых и вдов". Из этого повествования мы можем сделать вывод, что изготовление одежды для бедных было признано вкладом этих женщин в корпоративную деятельность Церкви. Это было началом женского порядка в христианском служении.

Чтобы не было повода для жалоб по вышеупомянутому поводу, апостолы поручили всему телу верующих избрать из своего числа семь человек, которым следует поручить благотворительную работу церкви. Эти люди не были дьяконами в том смысле, в котором этот термин стал применяться, и нигде в Деяниях апостолов они так не называются. Должность осталась, но обязанности изменились; после разрушения христианской общины в Иерусалиме в результате гонений эти "дьяконы" посвятили себя более привлекательному делу проповеди, и с этого времени служение добрых дел естественным образом перешло в руки женщин.

Очень рано в истории Церкви появился орден женских диаконов, или диаконисс. Особенно часто мы встречаем этот институт в языческих общинах, основанных Павлом. В Послании к Римлянам, среди многих других вопросов, представляющих личный интерес, мы находим слова апостола: "Представляю вам Фиву, сестру нашу, диаконису церкви, которая в Кенхре"; он просит их достойно принять ее от святых и помогать ей во всех делах, которые она может иметь, потому что она "была помощницей многих и мне самому". Очень вероятно, что именно Фива была носителем этого письма к римлянам. Возможно, она ехала в город по своим делам, а может быть, Павел ссылается на какое-то поручение Церкви, переданное ей из уст в уста.

Он также передает приветствие Трифане и Трифосе, которые вместе с Персидой, вероятно, были диакониссами, служившими церкви в Риме. Евдокия и Синтихия, о которых говорится в Послании к Филиппийцам, были, как есть все основания полагать, в этом же чине служения. Апостол свидетельствует об искреннем сотрудничестве в его работе, которым он обязан этим двум женщинам; но из его увещания, чтобы они "были единомысленны", мы можем заключить, что между ними были некоторые разногласия. Абсолютная гармония не всегда сохранялась даже среди святых ранней Церкви. Святость еще никогда не могла полностью искоренить в человеческой природе все непристойное; и более чем вероятно, что если бы мы только могли лично познакомиться с условиями, царившими в Апостольской Церкви, то не были бы сильно обескуражены сравнением тех дней с нашими. Облик необыкновенной святости, который последующие века набросили на ту эпоху, не был замечен Павлу. Прошедшее время само по себе достаточно для идеализации и даже апофеоза замечательных личностей, которые в действительности были не лишены слабостей.

Каковы были точные обязанности этих служанок, мы не знаем. В некристаллизованном организме раннего христианства, вероятно, сфера их деятельности не была четко определена. Из правил апостола мы знаем, что они не принимали участия в общественных служениях. "Пусть женщины", - говорит он, - "хранят молчание в церквях". В его представлении христианства семья - это единое целое, а мужчина - ответственный глава. "Если они хотят чему-то научиться, пусть спрашивают своих мужей дома; ибо женщине стыдно говорить в церкви". И все же в одиннадцатой главе своего первого Послания к церкви в Коринфе он, похоже, признает, что женщины имеют право молиться и пророчествовать в общине. Но, возможно, апостол судит об этом вопросе не как *таковом*, а в соответствии с преобладающими представлениями своего времени. Он, который был "все для всех", чтобы завоевать их, пришел к выводу, что долг женщин - молчать, а не вызывать предрассудки, попирая обычаи и тем самым ставя под угрозу успех Евангелия. Женщины коринфской церкви, похоже, отказались от традиций своего времени и народа в этом отношении и имели привычку молиться и пророчествовать в общине, более того, без обычного покрывала. В отношении этого последнего отступления Павел категоричен: "Всякая женщина, молящаяся или пророчествующая с непокрытою головою, бесчестит голову свою. Рассудите между собою, прилично ли женщине молиться Богу с непокрытою головою?" Доктор Макгифферт комментирует этот вопрос следующим образом: "Эта практика, которая так не соответствовала обычаям эпохи, очевидно, была результатом желания воплотить в жизнь принцип Павла, что во Христе все различия в ранге, положении, поле и возрасте уничтожены. Но Павел, несмотря на свой принцип, выступал против такой практики. Его противодействие в данном случае, несомненно, было вызвано отчасти традиционными предрассудками, отчасти страхом, что столь радикальный отход от общепринятого обычая может опозорить Церковь и даже способствовать беспорядку и разврату. Но он нашел основание для своего противостояния в том, что по сотворению женщина была подчинена мужчине. Использование Павлом такого аргумента из естественного порядка вещей, когда

для него было основополагающим принципом, что в духовной сфере естественное вытесняется и уничтожается, должно было показаться коринфянам странным; и сам Павел, очевидно, почувствовал слабость аргумента и его несоответствие своим общим принципам, потому что в конце он обратился к обычаям церквей: "У нас нет такого обычая, как и у церквей Божьих, поэтому вы не имеете права принимать его". Это было самое большее, что он мог сказать. Очевидно, он был на неопределенной почве".

Те же ограничительные традиции, которые не позволяли диакониссам принимать участие в публичном обучении или служить в общине, делали их служение крайне необходимым во многих частных делах христианской церкви. Они наставляли женщин-катехуменов в первых принципах новой религии, готовили их к крещению и своим присутствием обезвреживали враждебную критику, когда это таинство совершалось над женщинами. В их руки было передано служение милосердия. Они помогали больным, наставляли сирот, утешали сестер в беде, ободряли тех, кто был обречен на мученичество, и были официальным воплощением того характерного для ранней Церкви братства, которое побуждало даже их языческих врагов восклицать: "Как эти христиане любят".

Не обязательно, чтобы женщина, назначенная на должность диакониссы, была свободна и посвящала все свое время служению Церкви. Две девушки-рабыни, которых Плиний подверг пытке на дыбе и о которых он писал императору Траяну, скорее всего, были диакониссами. Этот орден состоял из девственниц, которые были испытаны и обучены жизнью целомудрия и преданности и, наконец, посвящены в сан в зрелом возрасте сорока лет; или - что было более распространено - из благочестивых и трезвомыслящих вдов. По всей вероятности, Павел имеет в виду этот порядок, когда говорит о вдовах в своем первом послании к Тимофею. Там он пишет: "Никто да не будет зачислен в вдовую моложе трех лет, быв женою одного мужа, хорошо отзывающуюся о добрых делах; если она воспитала детей, если оказывала гостеприимство чужим, если омывала ноги святым, если облегчала страждущих, если прилежно исполняла всякое доброе дело. Но младшие вдовы отказываются: ведь, восстав против Христа, они хотят выйти замуж; они осуждены, потому что отвергли свою первую веру. При этом они учатся быть праздными, переходя из дома в дом; и не только праздными, но и болтливыми и занятыми, говорящими то, чего не должно. Поэтому я желаю, чтобы молодые женщины выходили замуж, рожали детей, управляли домом и не давали повода противнику к злословию".

Весьма примечательно, что из вышесказанного мы, похоже, должны сделать вывод, что обвинение апостола в безделье, болтовне, болтовне и размышлениях не относится к вдовам старше трех лет.

Некоторые студенты считают, что в процитированном выше отрывке речь идет не о диакониссах, а о своего рода женщинах-пресвитерах, подобных тем, которые в эпоху, сменившую апостольскую, осуществляли определенный надзор за вдовами и сиротами в общинах. С другой стороны, Неандер, церковный историк, считает, что вдовами назывались просто те, кто зависел от Церкви в плане поддержки и, следовательно, должен был демонстрировать свою состоятельность примером особой благочестивости. Но вряд ли можно поверить, что христианская совесть отказала бы в такой помощи вдовам моложе шестидесяти лет или тем, кто женился во второй раз и снова овдовел. Вероятность говорит в пользу того, что все неимущие и несчастные христианские женщины получали нежную заботу от благотворительности, которой изобиловала апостольская церковь; но из тех вдов, которые достигли шестидесятилетнего возраста и показали себя подходящими для этой должности особой преданностью добрым делам и одобренной благонадежностью, некоторые были зачислены на служение Церкви в орден диаконисс.

Таким образом, одним из самых ранних последствий христианства стало введение в его собственном обществе, в каждом городе, ордена женщин, на которых смотрели с уважением и почтением и которым была доверена власть и полномочия, какими до этого не пользовались никакие женщины, за исключением почти уникальных случаев весталок в Риме и пророчиц у древних германцев. Это не могло не поднять весь пол в общем уважении, а также в его собственной оценке.

Как мы уже заметили, орден диаконисс состоял не только из вдов; он, однако, ограничивался теми женщинами, которые были свободны от всех брачных обязательств.

В ранней Церкви безбрачие пользовалось огромным уважением. При прочих равных условиях девственность значительно повышала репутацию женщины как святой. Правда, только в послеапостольские времена мы видим, что это состояние жизни превозносится до противоречия как законам природы, так и велениям разума; но основание для убеждения, что девственная жизнь превосходит замужнее состояние, было, несомненно, заложено самим Павлом. Хотя он с готовностью признает, что брак почетен, он в то же время с энтузиазмом рекомендует безбрачие тем, кто способен упорно хранить целомудрие. Коринфянам он писал: "Кто отдает [дочь] в замужество, тот поступает хорошо; а кто не отдает ее в замужество, тот поступает лучше". Откуда возникла эта идея о моральном превосходстве девственности? Конечно, не из иудаизма; ведь среди иудеев незамужняя женщина считалась в высшей степени неблагословенной. Не пришло оно и из язычества, ибо, хотя и существовали весталки, посвященные божествам, материализм, управлявший греческой и римской религией, полностью исключал веру в моральную неполноценность, возникающую в результате законного сокоупления полов. Оттолкнувшись от материализма язычества, христианство повернуло мышление своих приверженцев в противоположную крайность. Тело считалось безнадежно испорченным, пока не будет возрождено воскресением. Оно - мертвый груз, тормозящий развитие и торжество духа; его естественные функции запятнаны злом и должны игнорироваться и умерщвляться настолько, насколько это позволяет необходимость. Созерцание ужасающей разнузданности, характерной для язычества, придавало взглядам первых христиан на этот вопрос большое значение. Аскетизм безбрачия казался им более легким способом избежать загрязнения мира, чем тот, который вел через благородный путь супружеской жизни.

В седьмой главе Первого послания Павла к Коринфянам он полностью на стороне безбрачия, хотя он был слишком разумным человеком, чтобы не признать возможность чистоты в браке. "Говорю неженатым и вдовам: хорошо для них, если они пребывают, как я; а если не имеют постоянства, пусть женятся". Вполне вероятно, что апостол был вдовцом, ибо очень немногие иудеи его времени жили без брака до того возраста, которого, как мы можем предположить, он достиг до своего обращения. Он также говорит: "О девах же я не имею повеления от Господа, но сужу по себе, как получивший милость от Господа, чтобы быть верным". Мы должны понимать эту милость, о которой он говорит, не как избавление от прошлых супружеских обязательств, а как дар верности. Затем он говорит, что ввиду нынешних бедствий, вызванных гонениями, хотя и хорошо быть женатым, по крайней мере, не менее хорошо быть холостым. "Но и если ты женишься, то не согрешишь; и если дева выйдет замуж, то не согрешит. Но такие будут иметь скорбь по плоти, и Я пощади́л бы вас". Скорбь, о которой он говорит, относится к двойной части "нынешних бедствий", которым подвергнутся женатые. Его главный аргумент в пользу незамужнего состояния заключается в том, что те, кто остается в нем, могут более полно посвятить себя служению Богу.

Но в Апостольской Церкви не было и следа того нездорового энтузиазма в отношении девственности, которым наполнены страницы пост-никийских писателей. Мы знаем, что

Петр был женат, и есть свидетельства того, что он брал жену с собой в миссионерские путешествия. "Не имеем ли мы, - говорит Павел, - власти вести за собою сестру, жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа?" Предание также сообщает нам, что у Петра была дочь, которую звали Петронилла. У апостола Филиппа было три дочери. Евсевий приводит цитату из письма Поликрата, который был епископом церкви в Эфесе, к Виктору, епископу Рима, в котором он говорит: "Филипп, один из двенадцати апостолов, спит в Иераполе, и две его престарелые дочери-девственницы. Другая из его дочерей, жившая в Святом Духе, покоится в Ефесе". Евсевий в том же отрывке говорит, ссылаясь на Прокула, о "четырех пророчествующих дочерях Филиппа", но, скорее всего, он путает диакона Филиппа с апостолом того же имени. Из Деяний мы узнаем, что у первого было четыре дочери, которые пророчествовали и трудились вместе со своим отцом в Кесарии Палестинской.

Павел в своих Посланиях называет имена около восьмидесяти друзей и учеников; еще около двадцати упоминаются в Деяниях апостолов. Среди них довольно много женщин, которым апостол посылает добрые приветствия. Его упоминание о них всегда выражает уважение, а не просто комплимент или осторожную вежливость. Многим из этих женщин он был глубоко обязан за заботу, с которой они заботились о его комфорте во время его миссионерских поездок; имена некоторых из них хранятся в его памяти как имена ревностных и ценных соратников в деле Евангелия. В обоих этих отношениях, а также, возможно, в отношениях самого дорогого для него друга-женщины, находилась Прискилла, жена Акилы. Она наиболее часто упоминается среди всех женщин Апостольской церкви, но всегда вместе со своим мужем. Эти люди были иудеями, чья родина находилась в Риме, но из-за эдикта Клавдия, изгнавшего из города всех людей их национальности, они жили в Коринфе, когда Павел впервые встретился с ними. Из Деяний апостолов мы узнаем, что его привлекло к ним то, что они, как и он сам, были изготовителями палаток. "Он жил с ними, и они делали И рассуждал в синагоге каждую субботу". В этой картине можно увидеть весь простой механизм апостольской миссии. Первый запрос Павла в Коринфе касается человека его профессии. Он слышит о Прискилле и Акиле и сразу же находит у них не только ночлег, но и работу. Их работа была такой, что ее можно было легко выполнять в комнате, служившей для жилья, и не требовала особых приспособлений, так что они могли свободно и легко переезжать из одного города в другой. Работа, вероятно, заключалась в изготовлении ткани для палаток. Материалом для нее служила козья шерсть, которую плели из полос, соединяя их вместе. Мы видим, как трое сидят вместе и, заняв руки монотонным трудом, не требующим особого внимания, рассуждают о вещах, относящихся к Царству Божьему. Вероятно, именно так и произошло обращение этих мужа и жены. Затем по субботам они приходили в иудейскую синагогу, где Павел публично излагал новое и странное учение. Мы можем представить, как Прискилла готовилась к проповеди в течение недели. В кругу ее знакомых не было ни одной иудейки, которая не получила бы извещения с увещанием не отказываться от присутствия. Это начало "женской вспомогательной организации" в миссионерской работе; но как проста была эта первая пропаганда!

Не было никакого совета управляющих, который бы препятствовал или давал советы; работницы были ответственны только перед духом, который двигался внутри них. Не было ни сборов, ни препятствий из-за отсутствия средств. Павел, Акила и Прискилла трудились своими руками, и у них была свобода и возможность идти повсюду, проповедуя Евангелие. Результатом их работы стало то, что в Коринфе, городе, посвященном похотливому поклонению и являющемся примером худшего развращения язычества, появилась группа мужчин и женщин, чья жизнь прославилась и очистилась благодаря преданности учению Иисуса.

Примечательно, что имя Прискиллы в книге Деяний, а также в других местах, стоит перед именем ее мужа. Возможно, это указывает на то, что она занимала более высокое положение или принадлежала к более знатному роду; но мы предпочитаем думать, что это дань уважения и свидетельство ее рвения и большей известности в Церкви. Не исключено, что Акила был известен как муж успешной миссионерки Прискиллы.

Когда апостол покинул Коринф, эти два соратника сопровождали его до Ефеса. Там он оставил их с ласковыми обещаниями вернуться. Прискилла и Акила на некоторое время поселились в Ефесе, и им представилась возможность совершить для Церкви служение, эффект которого мы сейчас не можем оценить. Аполлос был большим именем в апостольской церкви. У него было много приверженцев среди коринфских христиан, и, вероятно, он был автором Послания к Евреям. Этот человек, о котором говорится, что он "красноречив и силен в Писаниях", был приведен Прискиллой и ее мужем к полному познанию Евангелия.

Когда Павел писал свое первое послание к Коринфянам, он включил в него приветствия от Прискиллы и Акилы, а также "от церкви, находящейся в доме их", указывая на то, что дом этой пары был местом встречи христиан Ефеса. Он снова упоминает их в своем послании к Римлянам: "Приветствуйте Прискиллу и Акилу, помощников моих во Христе Иисусе, которые за жизнь мою положили шею свою; которым не только я благодарен, но и все церкви языческие". Невозможно установить, о каком случае преданности ему идет речь; возможно, это связано с опытом апостола, когда он "боролся со зверями в Ефесе".

В македонском городе Филиппы жила женщина по имени Лидия, пришедшая туда из Фиатир. Она занималась продажей пурпура, причем нельзя сказать, был ли это сам цвет или одежда, окрашенная таким образом; но поскольку женщины того времени часто занимались изготовлением лекарств и химических препаратов, вполне вероятно, что она готовила краску, которая была так популярна в древнеримском мире. Она обратилась в иудаизм. Похоже, в Филиппах было мало иудеев, поскольку очевидно, что у них не было синагоги, но они имели привычку собираться под открытым небом, на берегу реки Стримон. Лидия, как и многие женщины ее времени, была искренней искательницей религиозной истины. Когда Павел пришел в Филиппы, в первую же субботу он отправился в место молитвы "и говорил с женщинами, которые прибегали туда". Это замечательное выражение, поскольку оно, по-видимому, указывает на то, что там присутствовали только женщины, что было крайне необычно для древнего мира. Но Павел, в отличие от иудейских раввинов, не считал собрание женщин недостойным его самых усердных усилий. Лидия оправдала его усилия, ведь она приняла христианство и крестилась вместе со всем своим семейством. Она была человеком со значительным достатком. Продажа пурпура была очень прибыльным делом. В благодарность за новый свет, который она получила, и желая больше узнать о Евангелии, Лидия упросила апостола и его друзей поселиться в ее доме, который, по крайней мере на время, стал местом сбора церкви в Филиппах.

Невозможно переоценить тот долг, которым христианство обязано заботе первых новообращенных женщин. Его история никогда не была написана с точки зрения женщин; если бы ее можно было написать, то стало бы ясно, что труды любви, которые совершала женская природа, были не менее плодотворны, чем те, которые записаны о более публичной мужской деятельности.

Когда Павел находился в Филиппах, он встретил еще одну женщину, по положению и роду занятий сильно отличавшуюся от Лидии. Это была девушка-рабыня, которая, по всей вероятности, была той, кого в наши дни называют ясновидящей. Люди верили, что ее

вдохновил пифийский Аполлон. В Деяниях апостолов говорится, что она "была одержима духом прорицания" и что "прорицаниями она принесла своим господам большую прибыль". По-видимому, существовала компания или синдикат, который с помощью таинственных способностей этой девушки торговал суевериями народа. Но христианство противостояло этой форме спиритизма. Девушка, как нам рассказывают, последовала за Павлом и его друзьями и громко свидетельствовала об их божественной миссии. Вполне вероятно, что она слышала проповедь апостола и получила впечатление, которое, в силу особенностей ее ума, привело к острому восприятию истинного характера миссионеров. Однако у Павла не было никакого желания быть представленным через подобное средство. Он изгнал злого духа, который, согласно иудейским представлениям, владел девушкой; то есть, вероятно, под воздействием внушения освободил девушку от оков ненормального состояния ума, которое до сих пор делало ее вдвойне рабыней.

Пока мы рассматриваем тему обращенных и знакомых женщин Павла, не лишним будет немного рассказать о замечательном произведении, популярном в ранней Церкви и известном как *"Деяния Павла и Феклы"*. Несомненно, что основным фактам, изложенным в этой легенде, доверяли такие выдающиеся древние писатели и богословы, как Киприан, Евсевий, Августин, Григорий Назианзин, Златоуст и Север Сульпиций. Златоуст особенно ясно дает понять, что он верит в историю Павла и Феклы. Василий Селевкийский написал историю Феклы в стихах. Бароний, архиепископ Вейк, а также ученый Грабе считают эти факты подлинной историей. С другой стороны, Тертуллиан утверждает, что она была подделана пресвитером из Азии, который признался, что выдумал ее из уважения к Павлу. И опять же, существует мнение, что *"Деяния Павла и Феклы"* в том виде, в котором мы их имеем, не являются оригинальной книгой ранних христиан.

В любом случае, даже если это не более чем творение воображения, поскольку рассказ о Фекле и ее спутнице с Павлом существовал уже во втором веке, о чем свидетельствует упоминание Тертуллиана, он, безусловно, заслуживает внимания, поскольку показывает, как в столь близкое время изображалась эпоха апостолов.

Действие происходит в Иконии, куда Павел бежал из Антиохии в Писидии, как повествуется в тринадцатой главе Деяний апостолов. Там его принимают Онесифор и Лектра, его жена. В их доме апостол читает проповедь. У окна в соседнем доме сидит юная дева Фекла. Она слышит слова Павла и настолько очарована его речью, что ничто не может ее оторвать. Как говорит ее мать, она постоянно находится там, "как паутина, прикрепленная к окну". В этот довольно долгий промежуток времени евангельское учение начинает действовать на ее сердце, и она принимает христианство. Ее мать и Фамирис, ее любовник, пытаются различными способами отвлечь ее от этих мыслей, но все тщетно. Фамирис, раздосадованный тем, что дева больше не любит его, добивается ареста и заключения Павла в тюрьму. Фекла, подкупив тюремщиков своими кольцами и серебряными зазеркальями, добивается допуска в темницу, где еще больше утверждается в вере.

Когда ее нашли родственники и она отказалась выйти замуж за Фамириса, ее приказали сжечь на костре, но чудесным образом огонь погас, и Фекла осталась жива. Тем временем Павел, изгнанный из города, укрывается в пещере вместе с Онесифором и его семьей. Там его находит Фекла и просит разрешить ей сопровождать его в путешествиях. Они отправляются в Антиохию, где Александр, судья, влюбляется в красоту Феклы, а за то, что она противится его ухаживаниям, ее приговаривают к тому, чтобы бросить на съедение диким зверям.

Ожидая дня исполнения приговора, Фекла обращается к правителю с мольбой уберечь ее от нечестивых замыслов Александра. С этой целью правитель отдает ее на попечение Трифины, знатной матроны города. Дева завоевывает не только расположение Трифины, но и сочувствие всех женщин, узнавших о ее несчастной судьбе. Когда приходит время бросить ее на растерзание зверям, они отказываются нападать на нее, и даже будучи привязанной к диким быкам, она чудом спасается. Встревоженный этим чудом, магистрат отпускает ее, и она удочеряется Трифиной.

"И Фекла отправилась к Трифине, и несколько дней гостила у нее, наставляя ее в слове Господнем, отчего многие молодые женщины обратились; и была великая радость в семье Трифины. Но Фекла желала видеть Павла и везде спрашивала и посылала, чтобы найти его; и когда ей сказали, что он в Мирах, в Ликийи, она взяла с собою много юношей и девушек, и, надев пояс и одевшись в мужскую одежду, пошла к нему в Миры и там нашла Павла, проповедующего слово Божие.

"Тогда Павел взял ее и привел в дом Гермеса; и Фекла рассказала Павлу все, что случилось с ней в Антиохии, так что Павел очень удивился, а все слышавшие утвердились в вере и молились о счастье Трифины. Тогда Фекла встала и сказала Павлу: "Я иду в Иконию". Павел сказал ей в ответ: "Иди и учи слову Господню". Трифина же посылала Павлу большие суммы денег, а также одежду от рук Феклы для помощи бедным".

После этого об апостоле больше ничего не говорится. Фекла возвращается в Иконию, где пытается обратить свою мать, но безуспешно. Поселившись в пещере, где она впервые беседовала с Павлом, она живет девственной жизнью и достигает глубокой старости, совершая множество чудесных дел и приобретая великую славу святой.

Таково краткое изложение истории, в которую, будь то факт или вымысел, благочестиво верили многие из первых отцов Церкви.

Апостол язычников писал: "Не много мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных призвано". Евангелие галилейского плотника нашло горячий отклик в основном среди смиренных; имена Лидии и Прискиллы принадлежат женщинам-труженицам. Некоторые из имен женщин, которые Павел упоминает в своих Посланиях, - это имена рабынь. Его знакомые в домах вельмож были подсобными рабочими. Но христианство облагораживало тех, к кому оно приходило. Мы ничего не знаем о Хлое Коринфской, Клавдии Римской, Евдокии, Синтихии, Персиде, Фиве или Дамарис, кроме того, что они были одними из первых тружениц, уставщиц Церкви; их имена неизгладимо выгравированы на фундаменте веры. Эти женщины в особой степени трудились для возвышения своего пола. Они были первопроходцами, впервые отважившимися на то движение, которое неизбежно приведет к расширению жизни всего женского рода.

Однако христианство не было полностью лишено своих свидетелей среди женщин высших слоев общества. Если Акте, вольноотпущенница Нерона, действительно была христианкой - а странно, что такая традиция возникла без фактического основания, - то она не могла не оказать влияния на знатных дам, с которыми ей довелось общаться. Помпония Грęcина была привлечена к суду за принятие чужой религии. В последующие века считалось, что это христианство; и, конечно, возможно, что великолепное изображение Сиенкевичем ее как христианской матроны не совсем ошибочно.

Чуть позже, во времена Домициана, мы знаем, что христианство вторглось в императорский дом. Доматилла, племянница императора и жена знатного Флавия Клеменса, была заядлой

христианкой и за свою веру была изгнана на остров Пандатария, ставший тюрьмой для женщин совсем другого характера.

III

ЭПОХА ГОНЕНИЙ

Гонения на первых христиан были predetermined некоторыми из наиболее ярких и важных качеств человеческой природы. Любой новый образ мыслей поначалу воспринимается с неприязнью. Особенно неприязненно относятся к политическим и религиозным новшествам, поскольку их распространение неизбежно ставит в невыгодное положение официальных приверженцев господствующих систем, а также вызывает ту самую неприятную форму душевного раздражения, которая следует за взломом инерции давно устоявшихся предрассудков.

Христианство должно было вызвать решительное противодействие как политических, так и религиозных сил империи. На него смотрели как на угрозу государству и бесчестье богов. Рим был чрезвычайно терпим к новым религиям, и его политика заключалась в том, чтобы позволить жителям своих самых разнообразных завоеваний сохранять традиционные формы и объекты поклонения; но римские божества не должны были знать неуважения, и самые справедливые императоры не могли понять никакой причины, кроме предательской, почему подданные должны уклоняться от повиновения уставам, предписывающим воздавать божественные почести их императорским особам. Но сам гений христианства обуславливал абсолютную нетерпимость к другим религиозным культам. Поклонники Кибелы или Изиды не возражали против того, чтобы воздать почести Весте по дороге в свой любимый храм; женщины, молившие Марса о победе своих мужей, отсутствовавших с легионами, свободно возносили благовония перед статуей императора, отправившего эти легионы; Но для христиан отвести Христу место среди национальных божеств означало нанести Ему величайшее бесчестье и совершить смертный грех, а сжечь горсть ладана перед статуей императора было нечестивым идолопоклонством и влекло за собой потерю вечного спасения. Миссионерское рвение заставляло их демонстрировать презрение к языческим богам, и таким образом христиане подвергали себя обвинению в атеизме, равно как и в измене. Как говорит Гиббон: "Приняв евангельскую веру, христиане понесли мнимую вину за противоестественное и непростительное преступление. Они разорвали священные узы обычаев и воспитания, нарушили религиозные установления своей страны и самонадеянно презрели все то, во что их отцы верили как в истину или почитали как святыню". А поскольку государственная религия была частью конституции государства, то решительный отказ от нее означал, что в глазах правителей они были врагами государства.

Поскольку история мученичества почти во всех случаях пишется друзьями страдальцев, мотив преследователей обычно представляется как беспричинная жестокость, в то время как на самом деле зачастую гражданский судья искренне считал, что выполняет необходимые меры предосторожности для благополучия общества. Это утверждение, направленное на защиту достоинств человеческой природы, можно с уверенностью отнести

к большинству случаев официальных преследований. "Почитай богов во всех отношениях в соответствии с законами предков, - говорил Меценат Августу, - и заставляй других так же почитать их. Тех же, кто вводит что-либо чуждое в этом отношении, ненавидьте и наказывайте не только ради богов - недостаток почтения по отношению к которым обуславливает недостаток почтения ко всему остальному, - но и потому, что такие люди, вводя новые божества, вводят в заблуждение многих и заставляют их принимать чуждые законы. Отсюда возникают заговоры и тайные лиги, которые в высшей степени противны монархии". Юлий Паулюс установил основополагающий принцип римского права: "Тех, кто вводит новые религии, суть и природа которых непонятна и которые смущают умы людей, следует, если они принадлежат к высшим сословиям, перевозить, если к низшим - наказывать смертью". Для римлянина государство было всем; индивидуальная свобода могла идти только теми путями, которые были параллельны политике государства. Те, кто сохранил искреннюю веру в древние божества, поклонялись им как покровителям и хранителям императорских судеб; философские скептики были не менее склонны настаивать на этом поклонении как на политической необходимости, средстве привязать неразумных людей к правительству.

В связи с этим не приходится удивляться тому, что презрительное отношение христиан к древним религиям казалось некоторым мудрейшим римлянам не чем иным, как упрямым фанатизмом, за которым скрывается ненавистный антагонизм к обществу. Их собрания, которые гонения неизбежно делали тайными, считались изменническими; их решительная изоляция от общих развлечений, которые были глубоко запятнаны пороком, приводила к тому, что их клеймили как человеконенавистников; тайна, окружавшая их культ, давала готовое признание народной клевете, что на их тайных собраниях совершались самые ужасные злодеяния. Таким людям, как Траян и Марк Аврелий, все это казалось распространяющимся злом, которое необходимо решительно искоренить.

С другой стороны, верно и то, что гонения на христиан использовались для удовлетворения жажды зрелищ крови и агонии, деградировавшей в античном мире. Там ждали львы; там были христиане, которые заслуживали смерти: зачем упускать такую хорошую возможность устроить характерный "римский праздник".

Мы ужасаемся при воспоминании о цивилизованной дикости, которая могла наслаждаться видом беспомощных женщин и нежных девиц, растерзанных зверями или корчащихся в огне; и все же почти такая же жестокость, хотя и не в том же духе, была засвидетельствована в столь недавние времена и от рук "христиан", что мы едва ли можем с благосклонностью упрекнуть язычество в зверствах такого рода. Потенциальная "дьявольскость", заложенная в человеческой природе, несомненно, является одной из главных ее загадок.

В литературе о христианском мученичестве часто предполагается, что было десять всеобщих гонений; но, как говорит Мосхейм, это число не подтверждается древней историей Церкви. Ибо если под этими гонениями понимать только те, которые были особенно жестокими и всеобщими по всей империи, то, несомненно, они не достигают вышеупомянутого числа. Если же принять во внимание провинциальные и менее примечательные гонения, то они намного превышают его. Идея о том, что Церковь должна претерпеть десять великих бедствий, возникла в результате толкования некоторых мест Писания, в частности одного из них в Откровении.

В наши дни, когда нравы стали мягче, а вера проще, мы не столько удивляемся жестокостям, которые были приняты для уничтожения христианства, сколько поражаемся стойкости, с которой его приверженцы их переносили. Никогда еще наказание не было столь очевидным

сдерживающим фактором. Церковь росла быстрее всего, когда быть христианином почти наверняка означало мученическую смерть. Это удивительная история трехсотлетней борьбы между христианством и язычеством, в которой все земные соображения были отброшены ради концепции морали и веры в существование жизни за пределами могилы. Тот же дух всегда характеризовал христианство, но никогда с таким упорством и таким успехом, как в ранние времена.

В записях об этой борьбе хорошо видно, что женщин не щадили, и они несли свою роль с меньшей честью или мужеством, чем мужчины. В Церкви было так же, как и во всей истории: если власть и слава достаются одному полу, то равенство в возможностях и в переносимости страданий не отрицается другим. Слабый пол никогда не уступал в способности переносить боль или в мужестве идти радостно на мученическую смерть. Женщины под пытками не чаще отказывались от своей верности, чем мужчины. В энтузиазме, порожденном надеждой на Евангелие, юные девы встречали львиный взгляд, не дрогнув, так же как и мудрые и почтенные епископы.

Первое главное гонение произошло при Нероне. Нет никаких признаков его общего эдикта против христиан, поэтому вполне вероятно, что суровые меры в это царствование были ограничены Римом. Даже сомнительно, что Нерон лелеял какую-либо цель подавить христианство. Он нашел христиан самыми удобными жертвами для обвинения в сожжении города; поэтому он удовлетворил народ, возложив вину на этих ненавистных сектантов, и в то же время позабавил праздное римское население необычной выставкой.

Имена тех, кто пострадал от императорского актера, не упоминаются, но, несомненно, среди них было много женщин. Несомненно, некоторые из тех женщин, которым Павел передавал приветствия и другие упоминания в своем Послании, пострадали в это время. Хотя их имена не занесены в летопись мученичества, кровь многих женских подруг апостола в Риме помогла укрепить фундамент Церкви. Из всех трагедий, свидетелями которых был Город Семи Холмов и в которых принимали участие женщины, ни одна не была столь значительной, как эта. Жены и дочери королей, консулов и императоров встречали смерть, преследуя амбициозные цели. Для них смертельная жестокость тиранов означала безнадежный провал; для этих христианских женщин, принадлежавших к самым низким слоям общества, она означала славный успех. Когда умирали те, заканчивались их амбиции; когда погибали эти, вера, которую они так храбро исповедовали, только укреплялась их страданиями.

Не исключено, что Пoppея, жена Нерона, сыграла важную роль в этих гонениях. Христиане сталкивались с таким же ожесточенным сопротивлением со стороны иудеев, как и со стороны язычников. Соотечественникам Павла часто удавалось возбудить вражду правителей против него и других учителей новой религии. Хотя сами они, как правило, были крайне несносны для римлян, случилось так, что в это время у них появился могущественный друг в лице жены тирана. Иосиф рассказывает, как Пoppея подружилась с ним, и восторженно восхваляет ее "религиозный характер". Так что вполне вероятно, как описывает талантливый автор "*Quo Vadis?*", что обвинение в поджоге города было выдвинуто против христиан при помощи иудеев, и что Нерон нашел более легкий доступ к этому желанному средству благодаря советам Пoppеи.

Никакое описание не может быть более ярким или более достоверным, - учитывая, что его предубеждение полностью направлено против христиан, - чем то, которое дает Тацит о жестокостях, совершенных Нероном над последователями Христа. "Он подвергал самым изысканным пыткам тех людей (из других свидетельств мы знаем, что в этих страданиях не было различия по полу), которые под вульгарным названием христиан уже были заклеимены

заслуженной позорной славой. Свое название и происхождение они вели от Христа, который в царствование Тиберия принял смерть по приговору Понтия Пилата. На какое-то время это ужасное суеверие удалось остановить, но оно вновь вспыхнуло и не только распространилось по Иудее, где впервые возникла эта зловещая секта, но даже проникло в Рим - общее убежище, которое принимает и защищает все нечистое, все зверское. Признания схваченных открыли множество их сообщников, и все они были осуждены не столько за поджог города, сколько за ненависть к человеческому роду. Они умерли в муках, и их мучения усугублялись оскорблениями и насмешками. Одних прибивали к крестам, других зашивали в шкуры диких зверей и подвергали ярости собак, третьих, обмазанных горючими материалами, использовали качестве факелов, освещающих ночную тьму. Сады Нерона были предназначены для меланхолического зрелища, которое сопровождалось конными скачками и было отмечено присутствием императора, который смешался с народом в одежде и позе возницы. Вина христиан действительно заслуживала самого примерного наказания, но общественное отвращение сменилось сочувствием, поскольку эти несчастные были принесены в жертву не столько общественному благосостоянию, сколько жестокости ревнивого тирана". Гиббон, комментируя этот отрывок, добавляет, что в странных поворотах истории те же самые сады Нерона стали местом триумфа и поношения гонимой религии. Там, где первые римские последователи галилейского Плотника страдали за свое исповедание, преемники Петра осуществляют всемирное иерархическое господство и власть, намного превосходящую власть величайшего императора.

Ни одна страна, кроме Рима, не превращала пытки преступников в популярное развлечение; но там народ настолько привык к человеческой резне на публичных играх, что ничто так не радовало, как новое приспособление для усиления эффекта агонизирующих смертных мук, кроме большого количества приговоренных к смерти мужчин и женщин, на которых можно было бы это доказать. У Нерона были все основания быть уверенным, что он не навлечет на себя недовольство народа, обрекая христиан на цирк и амфитеатр.

Их арестовали в огромном количестве и заключили в тюрьму, отвратительность которой сама по себе была ужасной пыткой. Был назначен праздник, чтобы все население могло полюбоваться страданиями этих мужчин и женщин. Оргия жестокости, которая последовала за этим, кажется, не под силу человеческой природе ни наблюдать, ни тем более причинять страдания. Не зря первые христиане смотрели на Нерона как на Антихриста, олицетворявшего в своей природе бесконечное противостояние Спасителю. Ни от одного из этих ужасов не были освобождены женщины. Их, как и мужчин, распинали на крестах; их покрывали шкурами диких зверей и растерзывали собаками; их одежду окунали в смолу и превращали в живые факелы для освещения садов в ночное время. Климент Римский также рассказывает, что многих христианских женщин заставляли играть роли Данаид и Дирс. Это был обычай придавать реалистичное изображение мифологическим сюжетам, заставляя преступников брать на себя роль жертвы трагедии. Поэтому женщин, изображавших Дирсу, привязывали к рогам дикого быка и таскали по арене до тех пор, пока они не умирали. Известное произведение античной скульптуры, известное как Фарнезский бык, - это оригинальная трагедия, изображенная в камне. Надпись в Помпеях свидетельствует о том, что эта выставка была обычным зрелищем на арене: осужденных женщин часто предавали смерти подобным образом. Ни один момент, способный усилить эффект от сцены, не был принесен в жертву приличиям. Стыд за обнаженную натуру, который унижил бы христианскую деву даже в момент приближающейся смерти, просто придал трагедии элемент шутовства в глазах этой варварской римской толпы.

Несомненно, императорский автор этих сцен получал от них больше удовольствия, чем любой из его подданных. Ренан так изображает его: "Поскольку он был близоруким, то в таких случаях прикладывал к глазам вогнутую линзу из "изумруда", которая служила ему очками. Он любил демонстрировать свою осведомленность в вопросах скульптуры; говорят, что он делал жестокие замечания по поводу мертвого тела своей матери, восхваляя это и критикуя то. Живая плоть, трепещущая в пасти дикого зверя, или бедная сжавшаяся девушка, прикрывающаяся скромным жестом, а затем повергнутая быком и брошенная безжизненными фрагментами на гравий арены, должны демонстрировать игру формы и цвета, достойную чувства художника, подобного его. Вот он, в первом ряду, на низком балконе, в группе весталок и курульных магистратов, - с его недобрим лицом, коротким взглядом, голубыми глазами, завитыми светло-каштановыми волосами, жестоким ртом, похожий на большого глупого ребенка, одновременно поперечного и тупого, с открытым ртом, раздутым от тщеславия, в то время как в воздухе пульсировала наглая музыка, превратившаяся в кровавый туман. Он, несомненно, оценил бы взглядом критика застывшие позы этих новых Дирс; и я представляю, что он нашел бы невиданное прежде очарование в той покорности, с которой эти чистые сердцем девушки встретили свою ужасную смерть".

Утешало ли этих бедных женщин, ожидавших в тюрьме своей участи, присутствие апостола, которому было поручено "пасти агнцев моих"? Мы не знаем. Но твердость и постоянство, с которыми они переносили столь страшные испытания вплоть до смерти, свидетельствуют о чудесном воздействии раннего энтузиазма христианской веры. Эти женщины были в авангарде христианской армии, которая первой встретила смертоносную силу языческого сопротивления; и поскольку они не дрогнули, а перенесли мученические муки за свою веру, эта вера в конце концов восторжествовала и наполнила мир своим светом. Однако на протяжении более двухсот лет женщины, принявшие эту веру, должны были жить в ежедневном страхе перед ужасным криком: "Христианок - ко львам".

После смерти Нерона церковь некоторое время оставалась, в общем-то, незащищенной, хотя по мере того, как христианство набирало силу, к нему стали относиться с большей ненавистью со стороны населения. Стали появляться нелюбезные истории, связанные с практикой этой новой секты. Позднее стало известно, что ее приверженцы имели привычку пировать на своих тайных собраниях над телом новорожденного ребенка. За этим пиром, как утверждалось, следовали развлечения, во время которых мужчины и женщины предавались самому отвратительному и распутному разврату. Эти обвинения, какими бы абсурдными они ни были, стирали всякий луч жалости, который в противном случае мог бы посетить умы их гонителей.

В 81 году Домициан, которого Тертуллиан называет "по жестокости похожим на Нерона", сменил Тита на императорском троне. Под влиянием своей подозрительности ко всем организациям, а также из-за отказа иудеев платить налог, предназначенный для отделки Капитолия, он начал преследование иудеев, которое, за неимением у римлян более глубоких знаний, не могло не затронуть и христиан. Его родная племянница, Домитилла, которая была замужем за его двоюродным братом Флавием Клеменсом, была яркой христианкой, хотя до этого времени эта вера мало кого обращала в свою веру среди высокопоставленных особ. Домициан сослал ее на остров Пандатария, а ее мужа предал смерти, вероятно, по тому же обвинению. Их обвинили в атеизме и иудейских нравах, но, вероятно, Церковь не ошиблась, причислив их к своим первым страдальцам. Это гонение Домициана считается вторым в списке из десяти; но, хотя многие, кроме Домитиллы, были преданы смерти, вряд ли возможно, чтобы преследование стало очень массовым, поскольку всего через несколько

месяцев после его начала Домициан был убит вольноотпущенником Домитиллы, который, как замечает Гиббон, несомненно, не принял веру своей госпожи.

Правление императора Траяна во многих отношениях было отмечено величайшим процветанием и лучшим управлением, которое когда-либо было в Риме; но его строгое управление и пристальный надзор в сочетании с верностью древним традициям сделали это правление эпохой суровости для христиан. Плиний был наместником Вифинии и Понта, а затем написал императору письмо, в котором сообщал, что христиане повсюду набирают силу, причем настолько, что храмы богов покидают люди всех сословий. Он просил совета, как ему поступить. Применив пытки к двум служанкам, занимавшим должность дьяконисс в местной церкви, он получил информацию - для получения которой, несомненно, пытки были совершенно излишни - о том, что "вся сумма их заблуждений заключалась в том, что они имели обыкновение в определенное время собираться перед днем и петь гимны единому Христу, Богу своему. Они также договорились между собой воздерживаться от воровства, убийства и прелюбодеяния, хранить веру и никого не обманывать; сделав это, они удалялись на это время, а после снова прибегали к совместной трапезе, как мужчины, так и женщины, и при этом не совершали никакого зла".

На это Траян ответил, что христиан не следует искать и принимать анонимные обвинения, но когда они предстанут перед магистратом, то должны быть наказаны. Непоследовательное решение; ведь, как отмечал Тертуллиан, если они заслуживали наказания, когда их ловили, их также следовало искать как виновных.

В легендах о мучениках есть рассказ о вдове по имени Симфроза, которая вместе со своими семью сыновьями приняла смерть по приказу Траяна. Они отказались принести жертву богам по его приказу. Сначала мать подвергли пыткам, повесив на некоторое время в храме Геракла за волосы на голове, а затем утопили; затем различными способами пытали и предали смерти ее сыновей.

Теперь мы переходим ко времени правления императора-философа Марка Аврелия. Во время правления его предшественника, Антонина Пия, христиане, как правило, могли спокойно исповедовать и распространять свою религию. Вследствие этого Евангелие быстро проникло в язычество; настолько, что последнее было возбуждено к более ожесточенному противостоянию, чем когда-либо прежде. На первый взгляд, это сложная проблема в моральной философии - объяснить, как такой мудрый и праведный правитель, как Марк Аврелий, мог заставить себя так жестоко преследовать такой безобидный народ, как христиане. Но прежде всего следует помнить, что церковная история того времени, как мы ее знаем, очень неопределенна; более того, она сильно искажена и преувеличена. Есть все основания полагать, что то, что называют всеобщим гонением, ограничивалось в основном одной провинцией - Галлией. Вполне вероятно, что император мало что знал о характере христиан и их доктринах; о том, что он придерживался неблагоприятного мнения о них, свидетельствуют его собственные слова. Фактом также является то, что он не издал никакого нового эдикта против них; но рескрипт Траяна все еще оставался в силе, который гласил, что христиане, обвиненные в законной форме и не отказавшиеся от своих слов, должны быть наказаны. Марк Аврелий просто позволил магистратам исполнять это правило. Он видел в христианах лишь упрямых отступников против установленной власти. Какова бы ни была степень прямой ответственности императора в этом вопросе, во время его правления пламя гонений снова разгорелось, и среди многих других некоторые женщины завоевали непреходящую славу благодаря славному постоянству и мужеству своей мученической смерти.

Одной из самых прославленных была Фелицита, римлянка из хорошей семьи и мать семерых сыновей. Политика магистратов заключалась в том, чтобы не наказывать без необходимости, а стараться склонить обвиняемых к признанному отказу от веры. В данном случае судья счел более действенным методом сначала выступить против матери, надеясь, что, заставив ее изменить религию, он будет иметь меньше проблем с ее сыновьями; но ни обещания свободы, ни угрозы полного уничтожения ее самой и ее семьи не помогли. Тогда он вызвал к себе каждого сына по отдельности и попытался угрозами и уговорами отвратить их от верности. Однако Фелицитас слишком хорошо внушила сыновьям принципы, на которых основывались ее собственная вера и мужество; они были единодушны в своей непоколебимости. В результате мать была обречена видеть, как ее отпрысков казнят одного за другим; и, наконец, ее решимость была непобедима даже перед этим ужасным испытанием, сама Фелицита была обезглавлена.

Основная тяжесть преследований, происходивших в царствование Марка Аврелия, пришлась на долю галльских христиан, особенно лионских и вьеннских. Мы располагаем хорошим описанием этих страданий в письме, сохраненном Евсевием, которое было отправлено оставшимися в живых членами этих преданных церквей своим братьям в других частях империи. "Величину скорби в этом регионе, - говорится в послании, - и ярость язычников против святых, и страдания блаженных свидетелей мы не можем описать в точности, да и не могли бы. Ибо противник обрушился на нас со всей своей мощью, давая нам предчувствие своей необузданной активности в будущем пришествии. Он всячески старался использовать своих слуг против рабов Божьих, не только закрывая нам доступ в дома, бани и рынки, но и запрещая видеть кого-либо из нас где бы то ни было. Но благодать Божия повела борьбу с ним, и избавила слабых, и поставила их твердыми столпами, способными через терпение перенести весь гнев лукавого".

Далее в письме рассказывается о том, как языческие слуги многих христиан были арестованы и, боясь подвергнуться тем же ужасным пыткам, которые они видели на верующих, дали ложные показания о том, что христиане склонны предаваться самым зверским практикам. В это поверили простые люди, в результате чего всякая жалость исчезла из их груди, и они охотились на христиан с яростью, которую можно сравнить только с яростью диких зверей.

Одним из самых известных страдальцев в этом случае была рабыня Бландина, "через которую Христос показал, что вещи, которые людям кажутся ничтожными, непонятными и презренными, у Бога имеют великую славу..... Ибо в то время как все мы дрожали, а ее земная госпожа, которая сама была одной из свидетельниц, боялась, что из-за слабости тела она не сможет сделать смелое признание, Бландина исполнилась такой силы, что была освобождена и вознесена над теми, кто поочередно мучил ее с утра до вечера всеми способами, так что они признали себя побежденными и больше ничего не могли с ней сделать. Они удивлялись ее выносливости, так как все ее тело было изувечено и изломано; они свидетельствовали, что одной этой пытки достаточно, чтобы уничтожить жизнь, не говоря уже о стольких и столь великих страданиях. Но блаженная женщина, подобно благородному атлету, восстанавливала свои силы в исповедании; и ее утешением, отдыхом и облегчением от боли ее страданий было восклицание: "Я христианка, и нет ничего мерзкого, сделанного нами"".

Все эти пытки, по-видимому, происходили во время допроса Бландины перед трибуналом; мы читаем, как позже ее вместе с другими отвели в амфитеатр, чтобы выставить перед дикими зверями; зрелище было устроено для того, чтобы народ мог полюбоваться на страдания христиан. На этой выставке народ сам решал, каким жестокостям должны

подвергнуться жертвы, выкрикивая требования огненного кола или зверей, в зависимости от своих ужасных фантазий.

Бландину подвесили на крест и бросили на произвол судьбы любому из многочисленных диких зверей, бродивших по арене, которые могли бы напасть на нее. Но в этот раз ее не тронули; вид ее, висящей на костре и напоминающей им о Владыке, которому они служат, а также молитвы, которые она постоянно возносила, так умиротворили ее товарищей, что они смогли встретить свою смерть с хорошим мужеством.

Память о Бландине справедливо сохранилась в течение всех этих веков как об одной из самых храбрых и лучших в благородном "воинстве мучеников". Ни один доктор богословия никогда не давал более действенного свидетельства веры; ни один христианский солдат никогда не боролся за дело более искренне; ни один философ никогда не приводил более веских аргументов в доказательство истинности религии, чем эта бедная женщина-рабыня, которая таким образом пострадала на кровавой арене, где семнадцать веков назад христианство сражалось и побеждало. По закону церкви женщинам не разрешалось учить в собрании; но Бландина со своей трибуны боли, установленной в амфитеатре в Лионе, благодаря своей вере, которая позволяла ей забыть о собственных страданиях в желании ободрить других страдальцев, произнесла такую проповедь, какой никогда не смогут подражать предложения отточенного красноречия.

Мы не можем лучше закончить наш рассказ об этой великой мученице, чем процитировать описание ее конца, приведенное в вышеупомянутом письме. "В последний день состязаний Бландину снова привели вместе с Понтиком, мальчиком лет пятнадцати. Их каждый день приводили посмотреть на страдания остальных и заставляли клясться идолами. Но поскольку они оставались непоколебимы и презирали их, народ пришел в ярость, так что у них не было ни сострадания к юности юноши, ни уважения к полу женщины. Поэтому они подвергли их всем ужасным страданиям и провели через весь круг пыток, неоднократно призывая их поклясться, но не смогли этого сделать; Понтий же, ободряемый сестрой так, что даже язычники видели, что она поддерживает и укрепляет его, благородно выдержав все пытки, испустил дух. Но блаженная Бландина, последняя из всех, как благородная мать, ободрив своих детей и отправив их с победой к королю, сама выдержала все их столкновения и поспешила за ними, радуясь и веселясь своему уходу, как будто ее позвали на брачный ужин, а не бросили на съедение диким зверям. И вот, после бичевания, после диких зверей, после жаровни, ее наконец заключили в сеть и бросили перед быком. И после того, как она была брошена на растерзание животному, но не чувствовала ничего из того, что с ней происходило, благодаря ее надежде и твердости в отношении того, что было ей доверено, и ее общению со Христом, она также была принесена в жертву. И сами язычники признавались, что никогда среди них женщина не терпела столько и столь ужасных мучений".

Ужасные обстоятельства, сопутствовавшие гонениям в Лионе, по-видимому, были в значительной степени спровоцированы яростью неуправляемой толпы; есть свидетельства того, что суд над христианами часто проходил в строгом соответствии с правовыми мерами, а также с некоторым проявлением жалости со стороны судей. Наказания в таких случаях были не менее суровыми; но есть некоторое утешение в том, что, поскольку гонители были такими же представителями человеческой расы, как и мы, они чувствовали себя обязанными по совести пойти на эти крайние меры в стремлении подавить то, что они считали опасным нововведением. Чтобы правильно понять суть преследований, необходимо не только сочувствовать страдальцам, но и, насколько это возможно, встать на точку зрения гонителей. Только в сравнительно недавние времена было покончено с варварством в

судопроизводстве. Век еще не уничтожил все орудия пыток, которые считались частью необходимой мебели европейской тюрьмы. Далеко в христианские времена считалось, что осмотр заключенного очень правильно и справедливо облегчается применением винтов и железных сапог. Даже наша память не лишена случаев, когда к большому дискомфорту заключенного использовалась вода, чтобы ускорить его признание. Поэтому было бы нелепо ожидать, что римский магистрат второго века после Рождества Христова будет довольствоваться объяснениями с теми, кого осуждали законы, традиции и обычаи его страны. Если это не удавалось, он, естественно, прибегал к более веским аргументам.

Это можно проиллюстрировать на примере известных мучениц Перпетуи и Фелицитас. Это были жительницы Карфагена, пострадавшие во времена правления Севера. Перпетуя была только ученицей в христианской вере, еще не приняв крещения. Она была молода, замужем и еще сильнее привязана к жизни младенцем, которого носила на руках. Ее отец, которого она очень любила, посетил ее в тюрьме и попытался убедить ее отказаться от христианства. Потерпев неудачу в своих доводах и уговорах, он даже воспользовался родительским правом, которое давал ему закон того времени, наказать свою дочь; но он не смог добиться от нее иного решения, кроме как: "Воля Божья должна быть исполнена".

Находясь в тюрьме, она приняла крещение и тем самым еще больше укрепилась, чтобы выдержать предстоящее ей испытание. На ее допросе мы имеем такую картину, как указано выше. Судья умолял ее сжалиться над слезами отца, над беспомощностью младенца, а также над собственной жизнью. Он указал ей на жестокое положение, в которое ее поставила религия, и использовал это как аргумент против нее. Но все это ничего не дало. Ее вернули в тюрьму, чтобы дожидаться дня казни. Ее спутницей в этом страшном ожидании была Фелицитас, замужняя женщина, которой предстояло стать матерью. Эту христианку тоже привели к прокуратору, и он просил ее пожалеть себя и свое состояние, но она ответила, что его сострадание бесполезно, так как никакие соображения самосохранения не могут заставить ее быть неверной своей религии. Находясь в тюрьме, она родила девочку, которую удочерила одна христианка, пока еще свободная.

В день казни Перпетуя и Фелицита были отведены в амфитеатр и лишены одежды; но в этот раз, как бы ни были лишены люди милосердия, они, по крайней мере, проявили некоторые чувства приличия, так как попросили, чтобы женщинам разрешили взять их одежду. Затем оба мученика предстали перед яростью разъяренного быка. Животное набросилось на них обоих, но так как ни один из них не был смертельно ранен, один из офицеров отрубил их мечом.

Власти, несомненно, поздравляли себя с тем, что смертью этих несчастных женщин ненавистная религия была так сильно ослаблена; но "кровь мучеников - семя церкви", и благодаря мужеству мучеников больше людей было побуждено к изучению новой веры, чем их страданиями было удержано от следования ей. Более того, известны случаи, когда постоянство христиан в их страданиях приносило немедленные плоды в виде обращения зрителей; когда те, кто приходил поносить, в конце концов разделяли смерть тех, кого они помогали преследовать. Самым известным примером такого рода является пример Потамианы, пострадавшей при императоре Севере. Руфин говорит, что она была ученицей Оригена. Палладий также сообщает, что она была рабыней, и что ее осуждение произошло из-за страсти ее хозяина. Разгневанный ее упорным отказом подчиниться его желаниям, он обвинил ее перед судьями как христианку и подкупил их, чтобы они попытались сломить ее решение и затем вернуть ее себе; но их пытки оказались столь же безрезультатными, как и

его уговоры. Наконец, приговоренная к смерти, она была отдана на попечение Василиду, офицеру армии, чтобы тот отвел ее к месту казни. По дороге, когда люди пытались досадить ей оскорблениями и поношениями, Василид отогнал их и, вероятно, больше своими действиями, чем словами, проявил к ней большую доброту и жалость. Евсевий говорит, что Потамиана, "видя симпатию этого человека к ней, увещевала его быть мужественным, потому что она будет молить Господа о нем после своего ухода, и он скоро получит награду за доброту, которую он ей оказал. Сказав это, она благородно выдержала испытание: горящую смолу понемногу выливали на различные части ее тела, от подошв ног до макушки головы. Такова была борьба, которую выдержала эта знаменитая дева".

Вскоре после этого Василид, когда его соратники попросили его принести клятву, отказался; он объяснил это тем, что ему не положено клясться, так как он христианин. Сначала они подумали, что он шутит, но поскольку он упорно твердил это, его привели к судье, в результате чего на следующий день он был обезглавлен. Он рассказывал, что в течение трех дней после мученической кончины Потамиана стояла рядом с ним днем и ночью, возложила на его голову венец и сказала, что просила Господа о нем и получила просимое - он скоро должен быть с ней.

В 250 году императором Рима стал Деций. Во время своего недолгого правления он ввел одно из самых жестоких гонений, которые пришлось пережить Церкви. Однако есть основания полагать, что этот император был человеком с прекрасным характером и высокими принципами. Встревоженный царившей в империи коррупцией, он стремился восстановить древние обычаи и укрепить первобытную религию. В качестве средства, которое он считал необходимым для достижения этой цели, он попытался уничтожить христианство. Это было первое гонение, в ходе которого была предпринята попытка повсеместно уничтожить Церковь. Следовательно, это гонение было гораздо более ужасным, чем все предыдущие. К счастью, правление Деция длилось всего два года, но за это время огромное количество христиан было предано смерти, а женщин пощадили так же мало, как и в предыдущих случаях. Нет необходимости перечислять их индивидуальные страдания, так как это было бы просто повторением описанных выше ужасов.

Тем временем Церковь сильно изменилась в своем характере. Она стала достаточно сильной, чтобы соперничать с язычеством даже в численности. В мирные периоды в ее лоно принималось множество людей, не имевших ни твердых оснований в вере, ни разума, чтобы выстоять во время гонений. Поэтому, когда дело доходило до испытаний, многие возвращались к формальной практике языческого поклонения, намереваясь вернуться в Церковь после того, как буря пройдет. Такие люди часто получали от магистратов свидетельства о том, что они совершили требуемое отречение. Церковь также начала определять свое вероучение с метафизической точностью выражения, в результате чего возникло множество дискуссий и появилось множество еретических сект. Однако язычники не делали различий, поэтому еретики имели своих мучеников, как и ортодоксы, и нет никаких доказательств того, что первые были менее готовы умереть за свою веру, чем вторые. Однако, чтобы показать, какую ревность порождает разнообразие религиозных взглядов, известно, что даже когда члены различных сект христиан принимали мученическую смерть вместе, они отказывались признавать друг друга.

К этому времени в Церкви также утвердилась доктрина о высшей святости девства. Вероятно, именно поэтому во время поздних гонений мы часто встречаем упоминания о том, что женщинам угрожали нечестивыми нападками на их лица с единственной целью - заставить их отречься от своей религии. Гиббон, ссылаясь на это, говорит об этом следующим образом: "Рассказывают, что благочестивых женщин, готовых презреть смерть,

иногда приговаривали к более суровому испытанию и требовали определить, что для них важнее - религия или целомудрие. Юноши, в чьи развратные объятия они были брошены, получали от судьи торжественное увещевание приложить самые энергичные усилия для защиты чести Венеры от нечестивой девы, которая отказывалась возжигать фимиам на ее алтарях. Однако их насилие, как правило, не увенчивалось успехом, и своевременное вмешательство некой чудодейственной силы уберегло целомудренных супругов Христа от бесчестия, вызванного даже невольным поражением. Мы не должны пренебрегать замечанием, что древние и подлинные памятники Церкви редко загрязняются этими экстравагантными и непристойными выдумками".

Несомненно, монахи более поздних времен тратили свой досуг на выдумывание подобных чудесных вмешательств; но в тоне вышеприведенной цитаты, как и во всем отношении Гиббона к гонениям на первых христиан, несомненно, присутствует легкомыслие, недостойное великого историка.

ХРИСТИАНЕ НА АРЕНЕ

По картине Л. П. де Лаубадера.

Утешало ли этих несчастных женщин, ожидавших в темнице своей участи, присутствие апостола, которому было поручено "пасти агнцев моих"? Мы не знаем. Но твердость и постоянство, с которыми они переносили столь страшные испытания вплоть до смерти, свидетельствуют о чудесном воздействии раннего энтузиазма христианской веры. Эти женщины были в авангарде христианской армии, которая первой встретила смертоносную силу языческого сопротивления; и поскольку они не дрогнули, а перенесли мученические муки за свою веру, эта вера в конце концов восторжествовала и наполнила мир своим светом. Однако на протяжении более двухсот лет

женщины, принявшие эту веру, должны были жить в ежедневном страхе перед ужасным криком: "Христианок - ко львам".

Евсевий сообщает нам, что "женщины были не менее мужественны, чем мужчины, в деле обучения Божественному Слову, так как они выдерживали конфликты с мужчинами и уносили равные награды добродетели. А когда их утаскивали для развратных целей, они отдавали свои жизни смерти, а не тела нечистоте". Он приводит в пример женщину и двух ее дочерей, которых Златоуст в оратории в их честь называет Домниной, Берникой и Просдосой. Этим женщинам, столь же прекрасным лицом, сколь и добродетельным умом, во время гонений Диоклетиана угрожала расправа. Когда стража вела их обратно к месту, откуда они бежали, чтобы избежать этой опасности, они воспользовались моментом, когда за ними не следили, и бросились в реку, где и нашли спасение в смерти. Другой случай произошел с женой префекта Рима. Император Максенций, охваченный страстным желанием к ней, послал офицеров, чтобы привести ее во дворец. Дама попросила время, чтобы украсить себя для этого случая. Но как только она осталась одна, то закололась, так что гонцы, пришедшие в ее комнату, не нашли ничего, кроме ее мертвого тела. Эти случаи с большим восхищением описывают и Евсевий, и Златоуст, показывая, что лидеры ранней Церкви считали, что для спасения женщины менее пагубно лишить себя жизни, чем терпеть даже невольное осквернение своего тела.

В правление Диоклетиана и его коллег началась последняя борьба между христианством и язычеством. Это был кровавый конфликт для христиан; и все же, хотя они воздерживались от сопротивления злу материальным оружием, они победили. Женщины в огромном количестве снова были верны до смерти. Некоторых из них на время отпугнули от верности Христу, потому что чистые заповеди все больше разбавлялись мирскими суевериями. Среди таких женщин были жена и дочь Диоклетиана, Приска и Валерия. Они обратились в веру, но когда был опубликован эдикт против христиан, они принесли жертву традиционным богам. Однако это мало помогло им, ведь ценой мученического венца они получили лишь несколько лет самой мучительной жизни. В конце концов, насильственная смерть пришла к ним без почестей, так как в 314 году Лициний приказал обезглавить их, а тела бросить в море. Они не совершили никакой вины, о которой остались бы какие-либо свидетельства; в течение нескольких лет они страдали от потери своего имущества и от тягот изгнания. Диоклетиан был еще жив, но не мог оказать им никакой помощи, так как отрекся от престола и теперь занимался исключительно выращиванием овощей. Лициний ошибочно считался другом христианства; Константин стал его защитником. Но, как говорит Виктор Дюруи: "Несмотря на небесные видения и чудесные сны, эти люди были лишены сердца, и их вера, если она у них и была, не влияла на их поведение. Их жестокость получила всеобщее одобрение; по поводу всех этих убийств христианский наставник сына Константина произносит крик триумфа. Вдохновение кроткого галилейского Учителя было заменено вдохновением непримиримого Иеговы Моисеева закона". Все перевернулось; христианство теперь было у власти; гонимые прежде вскоре стали гонителями.

СВЯТАЯ ЕЛЕНА И ВРЕМЯ КОНСТАНТИНА

Наконец мы видим, что христианство торжествует. То, что было неясной, но ненавидимой и преследуемой сектой, теперь становится доминирующей религией в империи; люди, скрывавшиеся под землей в катакомбах, теперь становятся фаворитами дворца. Это был конфликт между духовными силами и плотским оружием, между терпеливым пропагандизмом и мстительным консерватизмом; с одной стороны, непобедимое миссионерское рвение в сочетании с непоколебимой покорностью, с другой - бессмысленные искажения и жестокие преследования. Но что может победить идею, за которую мужчины и женщины готовы умереть? Это был конфликт, в котором, с христианской стороны, женщины были так же хорошо приспособлены для участия, как и мужчины. Возвышенная чистота христианских дев была столь же эффективна, чтобы свести на нет уговоры нечестивцев, как и изощренные аргументы апологетов; кровь верующих матрон была столь же плодородна для роста Церкви, как и кровь епископов и пресвитеров. Последователи Христа держались за Крест и побеждали.

В то же время победа не обошлась без тяжелых потерь для Церкви. Однако в эти потери не следует включать жизни мучеников. Мужчины и женщины, пожертвовавшие собой ради Дела, считали, что тем самым они завоевали не просто славу, а наслаждение небесной славой в сознательной вечной жизни; и их смерть всегда окупалась для Церкви стократным приумножением. Но в то время как Церковь приобретала в расширении, она теряла в намерениях. Организация, религия, название выиграли, но дух, внутренние принципы христианства проиграли. В этом смысле победа носила характер компромисса. Христианство стало верой империи, но империя не приняла для своего правления чистые заповеди Христа. Двор Константина поклонялся Назарянину, но поведение Константина не превосходило поведение многих его языческих предшественников. Древняя религия была суеверной, и нельзя утверждать, что религия Елены была свободна от этого недостатка. Женщины древнего Рима были сильно подвержены плотским слабостям, и подобные скандалы были отнюдь не редкостью во дворцах христианских императоров. В истории Рима после Никейского собора нетрудно сопоставить Агриппину и Пoppею. Религиозная революция, произошедшая в мире, была гораздо более стремительной в теории, чем на практике.

Такова история всех эволюций идеала. Первые миссионеры своим энтузиазмом возвышаются над обычной природой; они взмывают в облака. Мученики не сдерживаются никакими узами, связывающими человечество; они презирают плоть. Но их новообращенные в меньшей степени разделяют их дух; по мере того как их становится больше, все большая часть из них понимает, что для них жизнь должна оставаться такой же, какой она была всегда. Не все могут поддерживать себя в интенсивном и страстном стремлении к идеалу. Героические лидеры могут достичь эмпиреев, но толпа должна тащиться по земле, благодарная за то, что хоть как-то может удержаться на ногах; ведь какими бы ни были наши идеалы, в действительности главное дело жизни - жить.

Как и во всех других движениях, когда Церковь стала набирать популярность, в ее рядах появилось множество людей, чьи умы были больше привлечены ее философией, чем их сердца затронуты ее принципами. Поэтому христиане рано разделились по вопросам теологических взглядов. Существовали все оттенки различий в верованиях, и каждое различие в вере означало секту, в большей или меньшей степени отделенную от общего тела христиан. И надо признать, что очень быстро, еще до того, как угас огонь гонений, появилась

та горечь, которая всегда характеризовала и позорила богословские разногласия в Церкви. Вожди ортодоксии стали порицать отклонения от общепринятых правил веры с большей строгостью, чем отступления от основополагающей морали. Вследствие этого Церковь потеряла большую часть своего первоначального влияния, которое было столь успешным в очищении жизни христиан. Метафизические догмы возвеличивались в ущерб святым поступкам, и стало возможным, чтобы продажные правители превозносились как защитники веры, а нецеломудренные женщины получали те церковные привилегии, которые раньше лишь с неохотой возвращались тем, кто сделал не больше, чем сжег горсть ладана на алтаре Венеры, чтобы спастись от мученической смерти.

В письме епископов против Павла Самосатского, который был митрополитом Антиохии около 290 года, он обвиняется в попустительстве учреждению *субинтродуктов*, то есть женщин, которые давали обет девственности, но были настолько смелы, что поселялись в домах священнослужителей, которые также исповедовали безбрачие. Смысл этой процедуры, по видимому, заключался в том, что постоянное присутствие искушения, которое, как полагали люди, всегда преодолевается, усиливало победу, достигнутую этими поборницами чистоты. Руководители Церкви, однако, с неодобрением смотрели на этот опасный метод демонстрации силы новой религии; но Павел Самосатский, похоже, не только допускал такую практику, но и сам был далеко не так осторожен, чтобы избежать подозрительных проявлений. Епископы в своем письме, упомянутом выше, жалуются следующим образом: "Мы не знаем, сколько людей пало или вызвало подозрение из-за женщин, которых они таким образом приводили. Так что, даже если допустить, что он не совершает греховного поступка, ему все же следует избегать подозрений, возникающих из-за этого, чтобы не оскандалить кого-то или не заставить других подражать ему. Ибо как он может упрекать или увещевать другого, чтобы тот не был слишком близок с женщинами... когда он уже отослал одну, а теперь у него две, цветущие и прекрасные, и он берет их с собой, куда бы ни пошел". Павел, вероятно, не был таким черным, каким его рисуют враги; это особенно вероятно, если учесть, что его покровительницей была Зенобия, царица Пальмиры, которая была очень осторожна в своем поведении. Но суть, которую мы хотим доказать, заключается в признании епископов, что, поскольку Павел был еретиком, их не беспокоило его поведение. В своем примечании по этому поводу д-р Макгифферт замечает: "Здесь мы получаем представление об относительной важности ортодоксии и морали в сознании Отцов. Если бы Павел был ортодоксальным, они бы попросили его объяснить свой путь и попытались бы убедить его исправить свое поведение; но поскольку он был еретиком, это не имело смысла". Примечательно, что его осуждают не за безнравственность, а за ересь. Подразумевается, что он мог бы быть еще хуже, чем он был в своей морали, и против него не было бы предпринято никаких решительных шагов, если бы он не отклонился от ортодоксальной веры". Все это говорит о том, что после утверждения христианства в качестве доминирующей религии империи жизнь женщин и мужчин не столько изменилась под влиянием их новых культов, сколько изменилась их форма и направление. Хотя было провозглашено новое небо, новая земля еще не появилась. "Сладостная разумность" Евангелия была омрачена спекуляциями; первобытная святость выродилась в болезненный аскетизм; для полуобращенных язычников первые святые служили вместо старых божеств; а человеческая природа все еще оставалась способной на большинство пороков, к которым она была пристрастна раньше.

Однако идеал никогда не остается без свидетелей. Очень рано в Церкви возникло движение, известное как монтанизм, которое пыталось воспроизвести древнюю чистоту с помощью преувеличенной строгости дисциплины и раннюю простоту Церкви с помощью сурового противостояния еkkлeзиастике. Это движение представляет интерес для нашей темы,

поскольку две женщины занимали видное место среди его основателей. Тремя первыми пророками секты были Монтан, Прискилла и Максимилла. Первая из этих двух женщин была настолько влиятельна в движении, что ее приверженцев часто называют прискиллианистами. Обе женщины были дамами благородного происхождения, которые оставили своих мужей, чтобы присоединиться к Монтанусу. Они считали себя носительницами божественного Утешителя, обещанного Христом. У них была привычка впадать в экстаз, и в этом состоянии они пророчествовали. Они утверждали, что их учение боговдохновенно и, следовательно, непогрешимо. По их мнению, все грубые нарушители должны были быть отлучены от Церкви и никогда после этого не приниматься в ее лоно. Они поощряли безбрачие, отказывались от всех мирских развлечений и значительно увеличили количество постов.

О Присцилле и Максимилле доктор Макгифферт говорит: "Все монтанисты относились к ним с глубочайшим почтением. Характерной чертой этой секты было то, что они настаивали на религиозном равенстве мужчин и женщин; они оказывали женщинам столь же высокую честь, как и мужчинам, и с таким же благоговением слушали их пророчества. По их мнению, человеческая личность была лишь инструментом Духа, и поэтому женщина могла быть избрана Духом в качестве его инструмента так же, как и мужчина, как невежественный, так и ученый. Тертуллиан, например, приводит в поддержку своей доктрины о материальности души видение, увиденное одной из женщин - членов его церкви, которая, по его мнению, имела привычку получать откровения от Бога".

Эти люди были реакционерами; они восставали против духа распущенности, мирской жизни и чиновничества, который быстро овладевал церковью. Их пророчествующие женщины были просто возрождением того, что было распространено в апостольские времена, когда дочери Филиппа были пророчицами. Но в еkkлeсии был установлен порядок. Фактически, из многочисленных форм евангельской деятельности, существовавших в первоначальном неустроенном состоянии Церкви, было создано три ордена, ни в одном из которых не было представлено женщин. Более того, подруги Монтануса, похоже, были весьма неубедительны в своих пророчествах. Максимилла заявила, что после нее не будет другого пророка, и намекнула, что скоро наступит конец света - предсказание, столь же распространенное среди подобных энтузиастов, сколь и опасное по своей природе. Она также пророчествовала, что войны и анархия уже близки, что, как без труда показал анонимный писатель, цитируемый Евсевием, было явной ложью. С ликованием, которое в сложившихся обстоятельствах было небезосновательным, он восклицает: "Сегодня прошло уже более тринадцати лет со дня смерти этой женщины, и в мире не было ни частичной, ни общей войны, но, по милости Божьей, сохранялся мир даже для христиан". С этого времени любая попытка женщин или мужчин возродить дар пророчества по апостольскому образцу всегда причислялась к ереси, расколу и прочим делам дьявола, которые верующие должны были ревностно изгонять.

Во время многочисленных и длительных перерывов, когда христиан не преследовали, Церковь неуклонно росла в известности и социальном положении. До времени Диоклетиана во многих местах были возведены большие и красивые здания для христианского богослужения. Доктрины, преподаваемые в них, больше не были неизвестны правителям и главным людям язычества; вера больше не была достоянием почти одних лишь рабов и ничтожеств. Среди ее завоевателей были мужчины и женщины высокого положения; даже императорская семья то и дело оказывалась под сильным подозрением в содействии друзьям новой религии. Приска и Валерия, жена и дочь Диоклетиана, несомненно, были

катехуменами, хотя и приносили жертвы языческим божествам, когда император издал свой указ о гонениях. Миру не суждено было увидеть римскую императрицу, сыгравшую трагическую роль мученицы за христианство.

О времени, непосредственно предшествовавшем гонениям Диоклетиана, Евсевий говорит: "Мы не в состоянии описать в подходящей форме степень и характер славы и свободы, с которой слово благочестия к Богу вселенной, провозглашенное миру через Христа, было почитаемо среди всех людей, как греков, так и варваров. В качестве доказательства можно привести благосклонность, оказанную нашему народу правителями, которые передали ему управление провинциями и, в силу большой дружбы, которую они питали к его учению, освободили его от забот о жертвоприношении. Зачем мне говорить о тех, кто находился в царских дворцах и о правителях, которые позволяли членам своих семей, женам, детям и слугам, открыто говорить перед о божественном слове и жизни, и позволяли им почти хвастаться свободой своей веры?"

Так христианство превратилось в силу, с которой приходилось считаться в государстве; тем более что, как признает процитированный историк, многие мотивы, влияния и обычаи, естественные для мира, стали перениматься в Церкви. Правда, сомнительно, чтобы гонения при Диоклетиане были вызваны какой-либо враждебностью правителей к христианским принципам. Церковь рассматривалась как большая партия в государстве, противостоящая традиционным устоям, и, хотя она еще не была достаточно сильна, чтобы за ней ухаживать, была слишком многочисленна, чтобы ее можно было терпеть. Константин увидел тщетность попыток истребить Церковь, даже если бы его нрав позволил ему прибегнуть к таким жестоким мерам, и - не будет неблагодарностью по отношению к его памяти сказать это - он проницательно решил присоединить эту энергично растущую силу к себе.

Прежде чем мы приступим к изучению характера и времени жизни женщины, чьему влиянию, вероятно, в значительной степени был обязан политический триумф христианства, не будет лишним немного подробнее остановиться на злосчастной карьере Валерии, дочери Диоклетиана. Ранее о ней уже говорилось как о христианке, которая вместе с Приской, своей матерью, спаслась от мученической смерти, принеся, хотя и с большой неохотой, жертву языческим божествам. Ее отец, Диоклетиан, выдал ее замуж за Галерия, который в то время стал кесарем, а впоследствии - императором. Во всех отношениях она проявила себя как достойная жена; и хотя ее мужество не было равносильно мученической стойкости, ее христианские принципы украсили ее жизнь благодатью добродетели и милосердия. Не имея собственных детей, она усыновила Кандидиана, незаконнорожденного сына своего мужа, и проявила к нему всю привязанность настоящей матери. После смерти Галерия огромное состояние, а также личная привлекательность Валерии вызвали желание Максимиана, его преемника. Этот Максимиан был самым развратным человеком, когда-либо позорившим императорский трон, и для того, чтобы добиться превосходства среди таких соперников, требовалось чудовище чувственности. Его евнухи удовлетворяли его страсти, заставляя покидать свои дома жен и девственниц из самых знатных семей; любой признак нежелания со стороны этих жертв рассматривался как измена и наказывался соответствующим образом. Во время его правления возник обычай, согласно которому ни один человек не должен жениться без согласия императора, чтобы он мог во всех бракосочетаниях выступать в роли *провозвестника*.

Судьба Валерии лучше всего описывается словами Гиббона: "У него [Максимиана] была еще жива жена; но развод был разрешен римским законом, а яростные страсти тирана требовали немедленного удовлетворения. Ответ Валерии был таким, как и подобает дочери и вдове императоров; но он был сдержан благоразумием, которое заставляло ее соблюдать

беззащитное положение. Она заявила людям, которых Максимин нанял по этому случаю, что, даже если бы честь могла позволить женщине ее характера и достоинства думать о втором браке, приличия, по крайней мере, должны запретить ей слушать его речи в то время, когда прах ее мужа и его благодетеля еще теплый, а горести ее души еще выражаются траурными одеждами. Она осмелилась заявить, что не может доверять признаниям человека, чье жестокое непостоянство способно отвергнуть верную и любящую жену". После такого отпора любовь Максимина превратилась в ярость; а поскольку свидетели и судьи всегда были в его распоряжении, ему было легко прикрыть свою ярость видимостью судебного разбирательства и покуситься как на репутацию, так и на счастье Валерии. Ее поместья были конфискованы, евнухи и прислуга подвергнуты самым бесчеловечным пыткам, а несколько невинных и уважаемых матрон, удостоившихся ее дружбы, погибли по ложному обвинению в прелюбодеянии. Сама императрица вместе со своей матерью Приской была приговорена к изгнанию; и поскольку их бесславно торопили с места на место, пока не заключили в уединенную деревню в пустынях Сирии, они выставили свой позор и бедствия перед провинциями Востока, которые в течение тридцати лет уважали их величественное достоинство. Диоклетиан [который перед этим отрекся от престола и поэтому был бессилён] предпринял несколько безрезультатных попыток облегчить несчастья дочери; и в качестве последнего возвращения, которого он ожидал за императорский пурпур, переданный им Максимино, он просил, чтобы Валерии было позволено разделить его покой в Салоне и закрыть глаза ее страдающего отца. Он умолял; но поскольку он больше не мог угрожать, его мольбы были восприняты с холодностью и презрением; и гордость Максимина была удовлетворена тем, что Диоклетиан обращался с ним как с просителем, а с его дочерью - как с преступницей.

"Смерть Максимина, казалось, обеспечила императрицам благоприятные перемены в их судьбе. Народные волнения ослабили бдительность их охраны, и они легко нашли средства бежать из места своего изгнания и, хотя и с некоторыми предосторожностями, но замаскированно, прибыть ко двору Лициния. Его поведение в первые дни правления и почетный прием, который он оказал молодому Кандидиану, внушили Валерии тайное удовлетворение, как ее самой, так и ее приемного сына. Но эти благодарные перспективы вскоре сменились ужасом и изумлением; кровавые казни, запятнавшие дворец в Никомедии, достаточно убедили ее в том, что трон Максимина занял тиран, более бесчеловечный, чем он сам. Валерия решила спастись поспешным бегством, и в сопровождении своей матери Приски они более пятнадцати месяцев скитались по провинциям, скрываясь под маской плебейских привычек. В конце концов их обнаружили в Фессалонике, и поскольку приговор об их смерти уже был вынесен, их немедленно обезглавили, а тела бросили в море. Народ взирал на это печальное зрелище, но их горе и негодование были подавлены ужасами военной стражи. Такова была недостойная судьба жены и дочери Диоклетиана. Мы оплакиваем их несчастья, но не можем раскрыть их преступления". Судя по характеру этих женщин, отнюдь не маловероятно, что если бы стали известны истинные факты, то, хотя они и не были мученицами в общепринятом смысле этого слова, стало бы ясно, что они пострадали за свое христианство, будучи побуждены его принципами отказаться от согласия на такое поведение, которое могло бы завоевать расположение их гонителей. Мучеников за суть христианства было гораздо больше, чем за его форму; и, несомненно, в те времена, о которых мы пишем, было не мало женщин, которые принесли бы жертву на языческих алтарях, но не стали бы осквернять свою совесть поступками, которые язычество оправдывало.

На предыдущих страницах этой главы мы попытались указать на тот факт, что, хотя христианство росло в численности и влиянии, его воздействие на моральные условия мира

было не столь велико, как можно было бы ожидать студенту, который ограничивает свое внимание его доктринами, а не исследованием характера мужчин и женщин, творивших историю того времени. Как уже было сказано, материальный и политический триумф христианства в действительности был моральным компромиссом с миром. Если бы верное следование учению и смиренное следование примеру Христа жестко настаивалось как *непременное* условие членства в Церкви, вряд ли Константин оказался бы лучшим другом Церкви, чем Траян. Тем не менее, тот факт, что Константин оказался в состоянии благосклонно относиться к христианской религии, не испытывая при этом душевного дискомфорта от следования своим собственным идеям, дал возможность искренним верующим в Христа посвятить себя своей вере в полной безопасности.

Насколько велика доля, по праву приписываемая Елене, в том, что она повлияла на разум своего сына в пользу христианства, определить невозможно, но в то, что в этом отношении ей причитается определенная заслуга, нас заставляет верить характер обстоятельств. В любом случае, Елена была настолько важной фигурой в ранней истории Церкви, что ее жизнь и поступки стали излюбленной темой для летописцев ее времени и желанной возможностью для легендистов средневековья. Эти последние настолько прославили ее происхождение и запутали место ее рождения, что согласовать их утверждения с первыми совершенно невозможно. В качестве примера легенд Средневековья приведем рассказ о ней, содержащийся в *"Путешествиях"* Хаклюйта и цитируемый доктором Макгиффертом в его *"Пролегоменах"* к *"Константину Великому"* Евсевия. "Елена Флавия Августа, наследница и единственная дочь Козла, некогда превосходнейшего короля Британии, благодаря своей необыкновенной красоте, вере, религии, доброте и благочестивому нраву (по свидетельству Евсевия) была известна во всем мире. Среди всех женщин ее времени не было ни одной более сведущей в свободных искусствах, ни в музыкальных инструментах более искусной, ни в различных языках народов более богатой, чем она сама. Она обладала природной быстротой ума, красноречием речи и самым примечательным изяществом во всем своем поведении. Она владела древнееврейским, греческим и латинским языками. У ее отца (как сообщает Вирумний) не было других детей, ... У Констанция был от нее сын, названный Константином Великим, пока он оставался в Британии... Мир христианским церквям был дарован ее добрыми средствами. После света и познания Евангелия она стала настолько искусна в божественности, что написала и сочинила множество книг и некоторые греческие стихи, которые (как сообщает Понтий) еще сохранились... отправилась в Иерусалим... дожила до возраста четырехсот лет, а затем умерла в Риме в пятнадцатый день августа, в год нашего искупления 337..... Ее тело по сей день очень бережно хранится в Венеции". Как говорит ученый автор *"Пролегомены"*, это "фактический рассказ о том, чего не было на самом деле".

Существует и другая история, согласно которой Елена была дочерью дворянина из Тревеса. Во время паломничества в Рим ее увидел император Констанций и, влюбившись в ее красоту, приказал задержать ее в городе до тех пор, пока ее спутники не вернутся домой. Результат оказался губительным для характера Елены как девственницы. Чтобы смягчить ее горе, император подарил ей украшение из драгоценных камней и свое кольцо. Она продолжала оставаться в Риме с родившимся у нее сыном, давая понять, что ее муж умер. Константин, ее сын, рос молодым человеком с необыкновенно красивой внешностью и необычными данными. Эти качества привлекли к нему внимание богатых купцов, которые задумали выдать его за сына римского императора греков, чтобы тот принял его в качестве зятя.

Эта затея удалась, и через некоторое время купцы отплыли в Рим, взяв с собой принцессу в качестве жены Константина, а также много сокровищ, которые, предположительно, и были целью приключения. Однажды ночью они сошли на берег небольшого острова, а утром молодые люди проснулись и обнаружили, что они покинуты. Константин признался принцессе в обмане, но она великодушно заявила, что довольна им как мужем, какой бы ни была его семья. После нескольких дней лишений они были спасены проплывающими мимо мореплавателями и доставлены в Рим. Там на сокровища, которые удалось сохранить принцессе, они купили трактир и, с помощью Елены, содержали себя на ее средства. Константин так прославился на турнирах, что привлек внимание императора, который отказывался верить, что он низкого происхождения. За Еленой послали, и после долгих расспросов она наконец призналась, кем на самом деле были она и ее сын. Истинность ее слов подтвердило кольцо, которое подарил ей Констанций. Император приказал предать купцов смерти, а их имущество отдать Константину. С греческим императором был заключен договор, и Константин был признан наследником всей империи. Эту историю можно рассматривать как своего рода исторический роман Средневековья, в котором история без конца претерпевает метаморфозы, чтобы повысить интерес к повествованию.

Старые летописцы, такие как Генрих Хантингтонский, Джеффри Монмутский и Пьер де Лангтофт, утверждают, что Елена была дочерью герцога Коэла Колчестерского, который стал королем Британии. Она была самой красивой и культурной женщиной своего времени - атрибут красоты всегда присуждается женщинам, которым посчастливилось стать легендарными. Самое интересное в этой истории то, что современные студенты отождествляют герцога Коэла, предполагаемого отца Елены, со "Старым королем Коулом", который был "веселой старой душой", увековеченной в стихах Матушки Гусыни.

Теперь обратимся к тому, что можно всерьез считать историей, и выясним, что известно о жизни и характере императрицы-матери Елены. Следует принять за достоверный факт, что ее отец, далеко не король и не герцог Британии, действительно был трактирщиком в Дрепануме, городе на берегу Никомидийского залива. В связи с этим обстоятельством возникает банальная история о том, как солдат на службе у императора Аврелиана ненадолго остановился в дрепанумском трактире и, с присущей людям его профессии быстротой восприимчивости, влюбился в дочь хозяина. Необходимые переговоры прошли легко, ведь такой мужчина, как Констанций, был необычной добычей для девушки в положении Елены. На предварительные переговоры не было потрачено много времени; на самом деле, брак был настолько незначительным, что некоторые историки утверждают, что он вообще не состоялся. Они считают, что Елена никогда не была чем-то большим, чем наложницей Констанция; но тот факт, что Диоклетиан настоял на ее разводе, доказывает, что она была замужем на законных основаниях. То, что, как часто утверждается, рождение Константина произошло до брака Елены, не может быть неправдой. Некоторые находят поддержку этому утверждению в том, что "он впервые установил, что естественные дети должны быть узаконены последующим браком их родителей". Судя по тому, что несколько мест претендуют на честь быть местом рождения Константина, можно предположить, что Елена сопровождала своего мужа в странствиях, связанных с профессией воина. Гиббон считает лучшими авторитетами тех историков, которые приписывают эту честь Наиссу в Дакии, хотя более поздние авторы полагают, что она по праву принадлежит Дрепануму, родине Елены. Впоследствии это место было названо Константином Еленополем в честь его матери.

Феодорит, кажется, считал, что Елена дала своему сыну христианское образование, в то время как, с другой стороны, Евсевий ясно говорит нам, что она была обязана Константину

своими знаниями о христианстве. Очень легко усомниться в обеих этих теориях. Если Елена была христианкой, когда Константин был ребенком, и если она воспитала его в этой вере, то его последующее поведение показывает крайне неудовлетворительные результаты материнского учения. Константин, безусловно, не отказывался от поддержки и покровительства древней религии, пока ему не исполнилось сорок лет; и хорошо известно, что он отложил свое крещение до конца жизни, чтобы воспользоваться его очищающим эффектом в самый поздний возможный момент. Эти совокупные обстоятельства заставляют нас крайне скептически относиться к возможности того, что такой ревностный новообращенный, каким была Елена, стал результатом деятельности такого равнодушного учителя, каким был Константин.

Когда его сыну исполнилось восемнадцать лет, Констанций был возведен в ранг Сезара. Однако это величие Елене не позволили разделить с мужем. Дочь трактирщика была вытеснена более выгодной парой с Феодорой, дочерью Августа Максимиана. Позже Фауста, еще одна дочь Максимиана, была выдана замуж за Константина, и таким образом Феодора стала невесткой своего собственного пасынка. Такие запутанные брачные союзы были не редкостью среди правителей, где главной целью было сохранение семейного престижа.

Как Елена утешала себя в своем унижении и чем занималась в промежутке между разводом и воцарением Константина, мы не знаем. Как и положено женщинам в подобных обстоятельствах, которые уже не молоды, она обратилась к религии. Скорее всего, именно в это время Елена открыто стала христианкой, хотя, возможно, она была дружелюбна к Церкви еще будучи женой Констанция.

В 306 году Констанций умер. Он оставил трех сыновей и трех дочерей, рожденных ему второй женой Феодорой; но сын Елены, зрелый мужчина и опытный солдат, был сразу же выдвинут армией из кесаря в императоры Запада. Его заслуга в том, что в ту эпоху, когда семейные узы не были защитой от бесчеловечного обращения со стороны близких, но более сильных родственников, стремившихся обеспечить себе обладание тронem, Константин благородно заботился о детях женщины, ради которой была отвергнута его собственная мать. К несчастью для его репутации, он не всегда был столь гуманен.

Тремя сводными сестрами императора были Констанция, Анастасия и Евтропия. Пожалуй, это самое подходящее место для того, чтобы взглянуть на историю этих женщин, которые не сильно повлияли на ход событий. Констанция вышла замуж за императора Лициния. Она была очень любима Константином и временами, казалось, оказывала некоторое влияние на его решения, однако этого было недостаточно, чтобы спасти жизнь ее мужа или маленького сына. Именно во время пышных празднеств по случаю ее бракосочетания в Милане оба императора впервые провозгласили религиозную свободу, которая когда-либо звучала в императорских эдиктах для подданных Рима. "Религиозная свобода, - говорили они, - не должна отрицаться, но она должна быть предоставлена каждому человеку, чтобы он мог исполнять свои обязанности перед Богом в соответствии со своим собственным суждением". Однако Лициний не выполнил это решение и не был верен своему шуруину в других вопросах. Последовала гражданская война, в которой победил Константин, и благодаря своей победе он стал единоличным императором. Констанция ратовала за жизнь своего мужа и добилась от брата обещания, что он понесет не более суровое наказание, чем изгнание; но, несмотря на это братское обещание милосердия, вскоре обнаружился мотив, который, казалось, оправдывал смерть Лициния. Гиббон замечает: "Поведение Констанции и ее отношение к враждующим сторонам, естественно, вызывают воспоминания о той добродетельной матроне, которая была сестрой Августа и женой Антония". В более поздние годы, когда Константин стал арбитром в богословских спорах, раздиравших новообразованную Церковь,

и изгнал Ария за его ересь, Констанция вновь выступила в роли миротворца и на смертном одре предупредила императора, чтобы он "хорошо подумал, чтобы не навлечь на себя гнев Божий и не потерпеть больших временных бедствий, поскольку его побудили осудить добрых людей на вечное изгнание". Вероятно, во многом благодаря этим добрым услугам Арий был отозван. Несмотря на свое снисходительное отношение к еретикам, Констанция, похоже, была женщиной с истинно христианскими чувствами, почитавшей свою веру благородством своей жизни, что нельзя справедливо отнести ко всем христианским принцессам ее времени.

Анастасия, вторая сестра Константина, была замужем за Бассианом, человеком высокого положения, который, получив благосклонность императорского союза, был возведен в звание кесаря. Позже он был уличен в заговоре против Константина и предан смерти. Кроме этого, об Анастасии ничего примечательного рассказать нельзя. Евтропия была обручена с Непотианом. В ее истории нет ничего примечательного, кроме того, что после смерти своего великого брата она была убита вместе со своим сыном, который в Риме возглавил восстание против узурпации Магненция.

Вернемся теперь ко двору Константина, где мы найдем его мать в большом почете и достоинстве и не без собственного влияния. Какими бы ни были недостатки ее сына, у Елены не было причин жаловаться на отсутствие долга с его стороны по отношению к себе.

Двор Константина, хотя и номинально христианский, демонстрировал те же черты ревности и интриг, что и дворцы языческих императоров. До брака с Фаустой император, как и его отец, заключил "левосторонний" брак, в его случае с женщиной по имени Минервина, от которой он отказался ради союза, продиктованного политикой. Некоторые авторы, как и в случае с Еленой, намекают на то, что брака в юридическом смысле не было, но свидетельства указывают скорее на обратное. Как бы то ни было, Крисп, сын Минервины, был оставлен отцом и воспитан как законный наследник пурпура. Это, естественно, привело к ревности Фаусты к правам ее собственных детей. Вся эта история окутана глубокой тайной, как это обычно бывает в придворных делах; но те немногие лучи исторического света, которые все же пробиваются сквозь мрак, открывают нам не что иное, как ужасающее хитросплетение моральных пороков. Итогом стало убийство Криспа по приказу его отца. Некоторые древние авторы обвиняют Фаусту в том, что она предалась безнравственной страсти к пасынку и устроила его смерть в отместку за то, что он разочаровал ее желания. Они представляют ее как обвиняющую молодого человека в покушении, в котором он был невиновен, но на самом деле причиной ее злобы к нему был страх, что он помешает ее собственным сыновьям, но более вероятно, что мотивом для его гибели послужил ее страх. Невинный или виновный, Крисп погиб, потому что Константин, какой бы религии он ни придерживался, был так же непримиримо жесток, как и Тиберий. Он даже предал смерти двенадцатилетнего сына своей любимой сестры Констанции не иначе как за то, что существование мальчика могло нанести вред его собственным сыновьям.

Но, как пишет Виктор Дюруи, "трагедия еще не была закончена. В императорском дворце жила Елена, престарелая мать императора, грубоватая, энергичная женщина, для которой убийство Криспа было ужасным преступлением. Отвергнутая Констанцием Хлором, она видела, как императорский титул и почести перешли к сопернице; когда политика изгнала Минервину, как и ее саму, из императорского жилища, это сходство в несчастье привязало ее к сыну, которого невестка родила Константину и который должен был расти с мачехой в доме отца. Елена с тревогой наблюдала за мальчиком, а к детям Фаусты она испытывала ту же неприязнь, которую та проявляла к Криспу. Между этими двумя женщинами, несомненно, существовала взаимная ненависть. Как Елене удалось выставить Фаусту автором

отвратительных махинаций? Этого мы не знаем; но у нас есть факт, что по приказу Константина императрицу схватили ее женщины, закрыли в горячей ванне и задушили".

Однако следует признать, что все сведения, которыми мы располагаем по этому вопросу, весьма туманны. То, как древние авторы относились к репутации Фаусты, в значительной степени зависело от их цели - восхвалять или порицать Константина. Одни оправдывают его, заявляя, что императрица была обнаружена в объятиях раба из конюшни, - невероятная история, рассказанная императрицей средних лет, - другие говорят о как о самой божественной и благочестивой из императриц. Сохранился бронзовый медальон с портретом Фаусты; ярко выраженные греческие черты лица женщины, очевидно, в полной мере осознающей достоинство, которое принадлежало "дочери, жене, сестре и матери императоров".

После этих трагедий неудивительно, что Елена решила совершить паломничество в Иерусалим, которое даже в столь ранние времена считалось одним из самых эффективных моральных чисток. Утверждают, что ей было велено снами отправиться в Иерусалим и там искать Гроб Господень. Сложность этой задачи была настолько велика, что не приходится удивляться тому, что древние летописцы верили в то, что ее вели божественные силы. Место, где находилась гробница, было засыпано землей, и на нем был возведен храм Венеры. Елена приказала разрушить его, и после долгих раскопок была найдена священная пещера. Какое волнение, какие благочестивые побуждения она, должно быть, испытывала, стоя там, где чуть более трех веков назад остановились дрожащие ноги святых женщин Галилеи, со страхом гадавших, как им отвалить большой камень от устья Гроба Господня, как вдруг камень был отвален, вход открыт, и перед ними предстал ангел в белом одеянии, возвестивший им, что Господь воскрес!

Некоторые авторитеты утверждают, что, полагая, что иудейские жители обладают определенным знанием, которое разрешит ее трудности, она решила получить его с помощью средств, которые обычно используют христиане в общении с нежелательными иудеями. Сначала она приказала собрать всех иудейских раввинов. Они пришли в большом страхе, подозревая, что цель ее визита - найти Крест. Местонахождение этой драгоценной реликвии было им известно, но они поклялись не выдавать ее даже под пытками. Когда они не смогли удовлетворительно ответить на вопросы Елены, она приказала сжечь их всех. Это в достаточной степени покорило их решимость и побудило выдать Иуду, их предводителя, сказав, что он может дать желаемую информацию. Сначала он упрямился, но Елена поставила его перед выбором: либо он расскажет все, что знает, либо его уморят голодом. Шести дней полного воздержания оказалось достаточно, чтобы он смирился. Его привели в указанное им место, и после молитвы христиан произошло землетрясение, а воздух наполнился прекрасным благоуханием, из-за которого Иуда обратился в веру. Тогда он принялся энергично копать и на глубине двадцати футов наткнулся на три креста. Но как узнать, на каком из них находится крест Спасителя, было следующей загадкой, которую предстояло решить. Макарий, епископ Иерусалима, оказался на высоте. По словам Сократа: "Некая женщина из окрестностей, давно страдавшая от болезни, была уже на пороге смерти; поэтому епископ распорядился принести к умирающей каждый крест, полагая, что, прикоснувшись к драгоценному Кресту, она получит исцеление. Он не разочаровался в своих ожиданиях: поскольку два креста были приложены не Господние, женщина продолжала умирать; но когда к ней прикоснулся третий, истинный Крест, она немедленно исцелилась и обрела прежнюю силу".

Затем Елена поручила Иуде поискать гвозди. Они были найдены сияющими, как золото. Их вместе с большей частью Креста она отправила Константину. Гвозди он превратил в уздечки,

а дерево Креста тайно вложил в собственную статую, которую установили на форуме в Константинополе.

Елена возвела на месте Гроба Господня великолепную церковь, назвав ее Новым Иерусалимом. Она также построила христианский храм в Вифлееме и еще один - на горе Вознесения.

Созомен рассказывает, что "во время своего пребывания в Иерусалиме она собирала святых дев на пир, прислуживала им за ужином, подносила им пищу, возливала воду на их руки и оказывала другие подобные услуги, обычные для тех, кто ждет гостей". Неудивительно, что христианские приверженцы безбрачия считали, что девственность наделяет их рангом, превосходящим тот, который можно получить от родовой знати.

О Елене также известно, что она не только обогащала церкви, но и щедро снабжала нуждающихся, освобождала заключенных и тех, кто был приговорен к труду в шахтах. Созомен пишет: "Мне кажется, что столько святых деяний требовали вознаграждения; и действительно, еще в этой жизни она была вознесена на вершину великолепия и пышности; она была провозглашена Августой; ее изображение было отчеканено на золотых монетах, и сын вложил в ее руки власть над императорской казной, чтобы она отдавала ее по своему усмотрению. Ее смерть тоже была славной, ведь когда в возрасте восьмидесяти лет она покинула эту жизнь, то оставила своего сына и своих потомков повелителями римского мира. И если в такой славе есть какая-то польза - забвение не скрыло ее, хотя она была мертва, - то грядущий век имеет залог вечной памяти о ней, ибо в ее честь названы два города: один в Вифинии, другой в Палестине. Такова история Елены".

То, что Елена по праву считается выдающимся персонажем в истории женщин, не подлежит сомнению; того, что она была матерью Константина и первой императрицей-христианкой, достаточно, чтобы обосновать это мнение. Ее добродетель и милосердие также можно считать безупречными. Однако ее канонизация в качестве святой основана на предполагаемом открытии ею Креста. Помимо других трудностей, которые скептический ум может найти в этой истории, есть и тот факт, что Евсевий, который при жизни Константина написал рассказ о путешествии Елены в Иерусалим, не упоминает о Кресте, несмотря на то, что он рассказывает о явлении священного знака императору и принятии его в качестве римского знака отличия. Но легенда, будь она правдивой или ложной, сильно прославила имя Елены в религиозной истории мира.

V

ПОСТ-НИКОНОВСКИЕ МАТЕРИ

Чтобы нарисовать честную и в то же время приятную картину Церкви в четвертом и пятом веках, требуется немалая доля воображения в сочетании с умением не замечать неблагоприятных исторических фактов. И все же этот период по праву можно считать

героическим веком христианства; это был период величайших побед Церкви.

Действительно, из тошнотворного аскетизма, возвышаясь над богословскими дразгами того времени, вышли могучие мужчины и женщины с дидактической, а также нравственной славой. "В те дни были гиганты". Тем не менее, средний моральный облик "христианской" империи был настолько незначительно выше языческого режима, что это едва уловимо в записях истории. И Константин, и Констанций запятнали свои дворцы кровью невинных родственников. Население все еще злорадствовало над гладиаторскими боями.

Куртизанкам выдавали лицензии, чтобы их торговля способствовала пополнению императорской казны. Суровость рабства была несколько смягчена, но если человек забивал своего раба до смерти, то считалось, что он действует в рамках своего права, если только он заявлял, что убийство не входило в его намерения. За проступки, к которым сегодня относятся с большим снисхождением, женщин-рабынь тогда наказывали тем, что вливали им в горло расплавленный свинец. Более того, именно в первые века существования христианского государства были выкованы оковы феодализма, которыми бедняки были скованы в своей безнадежной нищете. О ремесленниках закон гласил: "Пусть они не смеют претендовать ни на какие почести, даже если бы они их заслуживали, люди, покрытые грязью труда, и пусть они навсегда останутся в своем собственном состоянии".

Закваска христианской морали присутствовала в комке традиционных социальных условий, но она еще не начала действовать в полную силу. Девятнадцать веков принесли лишь незрелые результаты, которые мы наблюдаем в настоящее время. Эволюция человеческой доброты происходит медленно, хотя, как мы можем полагать, неизбежно. Один ученый и энергичный английский писатель начала прошлого века, говоря о тех церковных врачах, которые хотели бы, чтобы мир почитал Никейский период как идеальную эпоху христианства, утверждает, что "если бы им завязали глаза (если бы в их случае требовалась такая предосторожность) и справедливо поставили их посреди первозданной Церкви, в Карфагене, или в Александрии, или в Риме, или в Антиохии, они были бы готовы бежать со всей возможной быстротой в свои собственные времена и страны; И с тех пор мы никогда не услышим от них ни слова о "почтенной древности" или святой католической церкви первых веков. Эффект от такого путешествия, я думаю, напоминал бы тот, который иногда производит пересечение Атлантики на тех, кто отправился на запад отличными либералами, а вернулся на восток отличными тори".

Никогда еще мир не получал возможности добиться существенного и необычного прогресса в своем нравственном развитии, но зато было много возможностей превратить вновь обретенную мудрость в глупость. Великая возможность в истории христианства представилась в век, отмеченный Никейским собором, и в последующие за ним.

За исключением периода правления реакционера Юлиана, христианство было признанной религией империи. Оно было популярно; весь мир становился христианским. Богатство лилось в Церковь: короли и принцы входили в ее пределы, принося свои подарки. Ученые мужи мира были поборниками религии Иисуса. Но, судя по моральному воздействию на эпоху, Церковь "не знала дня своего посещения". Как бы мы ни были обязаны им за утверждение веры христианства, следует признать, что Никейские и пост-Никейские отцы потратили свои силы на защиту и прославление неестественной девственности - жалкой замены более высокой общественной морали и более чистой нравственности для обычного человека. Без непосредственного знакомства с этими древними писателями невозможно представить, до какой степени идея безбрачия превозносилась в их учениях. Она затмевала все остальное. Она ниспровергала все установления разума. Она оскверняла все чистые источники жизни. Оно исходило из предположения, что все естественное - чудовищное зло.

Гиббон слишком снисходителен, когда, как бы улыбаясь небрежному презрению, так характеризует этот бездумный аскетизм: "Целомудренная строгость отцов во всем, что касалось коммерции двух полов, вытекала из одного и того же принципа: их отвращение к любому удовольствию, которое могло бы удовлетворить чувственную и унижить духовную природу человека. Они считали, что если бы Адам сохранил послушание Творцу, то жил бы вечно в состоянии девственной чистоты, а безвредный способ растительности мог бы заселить рай расой невинных и бессмертных существ. Брак был разрешен только его падшему потомству, как необходимая мера для продолжения рода человеческого и как сдерживание, пусть и несовершенное, естественной разнузданности желаний. Колебания ортодоксальных казуистов по этому интересному вопросу выдают недоумение людей, не желающих одобрять институт, который они были вынуждены терпеть".

Если бы не печаль от осознания того, что человеческие умы, обладающие интеллектом выше среднего, способны на подобную фатумность, это вызвало бы смех при чтении Отцов, когда они серьезно заявляют, что не считают брак обязательно греховным - при условии, что он не совершается более одного раза. Иероним, который был великим защитником монашества в ранней Церкви, говорит, что девственность для брака - то же, что плод для дерева, или то же, что зерно для мякины. Опираясь на притчу Христа о сеятеле, он утверждает, что тридцатикратное увеличение относится к браку; шестидесятикратное - к вдовам, ибо чем труднее противостоять соблазнам наслаждения, тем больше награда; а стократное - к венцу девства. Неужели некому было подсказать ему, что в естественном ожидании прироста его порядок меняется на противоположный? В качестве примера набившей оскомину романтады, с которой отцы Церкви побуждали женщин своего времени жертвовать во славу Божию обязанностями жены и материнства, которые Творец предписал им исполнять, приведем цитату из Киприана: "Мы пришли теперь созерцать цветок лилии; и посмотри, о ты, Дева Христова! посмотри, насколько этот твой цветок прекраснее любого другого! посмотри на особую благодать, которую он получил, превосходя все другие цветы земли! Послушайте, как похвалил ее Сам Супруг, сказав: "Посмотрите на полевые лилии (девственниц), как они растут, а я говорю вам, что Соломон во всей своей славе не был одет так, как одна из них! Итак, прочти, дева, и еще раз прочти, и часто перечитывай это слово Супруга твоего, и пойми, как, восхваляя этот цветок, он восхваляет твою славу. В славе Соломона ты должна понять, что все, что есть богатого и великого на земле, и самое прекрасное из всего, является префигурацией; а в цветении твоей лилии, которая является твоим подобием и подобием всех девственниц Христа, предназначена слава девства..... Девство действительно имеет двойную прерогативу, добродетель, которая в других только одна; ибо если вся Церковь девственна душой, не имея ни пятна, ни морщины, будучи нетленной в вере, надежде и милосердии, по этой причине она называется девственной и заслуживает похвалы Супруга, то какой похвалы, подумайте, достойны наши лилии, обладающие этой чистотой тела и души, которую Церковь в целом имеет только душой! Воистину, девы Христовы - это, как мы можем сказать, жир и мозг Церкви, и по праву свойственного им превосходства они наслаждаются Его самыми близкими объятиями".

Бессмысленное возвеличивание девственности и убеждение огромного количества девиц отказаться от удовольствий и обязанностей брака в уверенности, что таким образом они становятся гораздо более угодными Богу, чем их матери и замужние сестры, несомненно, пагубно сказалось на морали того времени. Результат был столь же плачевным как для самих "лилий", так и для женщин, которые решили остаться на естественной, но презируемой плоскости, для которой их предназначил Всевышний. Слишком многие из первых дали скандальное доказательство того, что их стремление к девственной святости не уступало их стойкости в борьбе. Природа имеет свойство, когда ее оскорбляют, принимать ответные

меры. Труды святых отцов полны сетований и увещаний, свидетельствующих о том, что юные святые женщины их времени находили одно дело стремиться к славе девства и совсем другое - жить в соответствии с ее характером. Всех не удовлетворяла компенсация, которую давали радости осознанной святости за потерю тех удовольствий, в которых они отказывали себе по обету. Очень рано среди celibатов Церкви возникла мода выбирать себе духовных спутников, причем выбор обычно делался из числа представителей противоположного пола. Каноны многих первых соборов касались *агалетов*, которые исповедовали себя духовными сестрами неженатого духовенства. Даже во времена гонений это стало распространенным явлением; Киприан писал суровые строки об этом обычае, но не добился его отмены. Иероним говорит об этом в необузданных выражениях: "Откуда в Церкви эта чума *агалетов*? Откуда взялись эти неженатые жены, эти новые наложницы, эти проститутки, как я их называю, хотя они и держатся за одного партнера? Их вмещает один дом, одна палата. Они часто занимают одну и ту же кушетку, и все же они называют нас подозрительными, если нам кажется, что что-то не так. Брат бросает свою девственную сестру; девственница, пренебрегая своим незамужним братом, ищет брата в незнакомце. И те, и другие исповедуют лишь одну цель - найти духовное утешение у тех, кто им не родня. Именно на таких людей Соломон в Книге Притчей обрушивает свое презрение. "Может ли человек принять огонь в грудь свою, - говорит он, - и одежда его не сгорит?" Эти восстания природы продолжались до тех пор, пока церковное безбрачие не стало полностью организованной системой, а женщины, посвятившие себя вечной девственности, не были закрыты в монастырях; даже тогда, если все сообщения правдивы, враг, хотя и был повержен, не был эффективно уничтожен.

Восхваление девственности в равной степени пагубно сказывалось на нравственности женщин, которые предпочитали оставаться в миру. Естественный результат этой системы можно было бы легко представить, если бы здравый смысл учителей той эпохи не был притуплен представлением о человеческом теле как о безнадежно порочном. Из большой семьи девочек одна, "Присцилла" или "Агнес", была побуждена пылкими представлениями какого-то апостола безбрачия о славной святости девственности, чтобы посвятить себя этой "высшей жизни". Как это отразится на "Мартах" и "Елизаветах", которые решат остаться в мире? Веря, как и они, в большую святость девственности, они неизбежно будут считать себя менее чистыми и целомудренными, чем если бы им не навязывали сравнение с сестрой-серафимой. Между некогда единой группой проводится демаркационная линия. По одну сторону - целомудрие и ангельская чистота, олицетворяемые исповедуемой девственницей; по другую - брак, не запрещенный, а лишь терпимый; чуть ниже, по никейской шкале, - наложничество, еще ниже, но по той же стороне, - проституция. Марты и Елизаветы были поставлены перед выбором: либо последовать примеру Агнессы - против чего восставал их здравый смысл, - либо считать себя лишь верхушкой класса, в основании которого находились заведомо нечистые люди. Большей несправедливости, чем эта, по отношению к женственности еще не было.

В обществе, где целомудренная любовь жены к мужу, привилегии и обязанности матери рассматривались как низший моральный уровень, неудивительно, что большая часть женщин приняла рейтинг своего времени и жила в соответствии с ним. Таким образом, во многом из-за подмены фантастической святости неромантической добротой, хотя Церковь и окрепла в мире, нравы остались такими же, какими они были при язычестве. Правда, среди исповедуемых девственниц было много тех, чьи имена вошли в историю, и кто в результате, как кажется, невероятной борьбы, сохранил свой характер и при этом добился благородной и заслуженной репутации; но, по крайней мере, можно задаться вопросом, не было ли

влияние этих сияющих знаков святости нивелировано иным пагубным воздействием системы.

Прежде чем перейти к отдельным упоминаниям о некоторых из этих ранних святых, мы взглянем на светских женщин, которые были их современницами.

Константин провел тщательную ориентализацию императорского двора, и все чиновники и аристократия империи следовали моде в соответствии со степенью своих способностей. На смену белой тоге и величественному, хотя и суровому, великолепию римского гражданина прежних времен пришли роскошные наряды, вереницы евнухов, варварская пышность и показательные титулы. Римский дух угасал в лени и женолюбии; новую столицу империи следовало воздвигнуть на Востоке, ибо новые времена были чужды и не похожи на нравы римских предков. Благородство мысли также исчезло, по крайней мере, из светской жизни империи. Как говорит Дюрюи: "Придворные иногда были школами элегантности манер, утонченности ума и вежливости речи. Литература и искусство получали от них ценное поощрение. Но в эпоху, о которой мы пишем, поэзия и искусство - те социальные силы, благодаря которым возвышается душа, - больше не существуют. При азиатском правительстве и религии, которая вскоре станет нетерпимой, великие темы для размышлений находятся под запретом. Нет обсуждения политических дел, ибо император отдает абсолютные приказы; нет истории, ибо истина скрывается или обречена на потворство, омерзительное для честных людей; нет красноречия, ибо оно нигде не может быть использовано, кроме как в позорном восхвалении государя..... Только церковь должна иметь могучих ораторов, но в интересах неба, а не земли; и поэтому в этой империи, подверженной бесчисленным опасностям, та малая умственная деятельность, которая существует сейчас в гражданском обществе, будет занята только придворными интригами, тонкостями философов, стремящихся стать богословами, или мелочной литературой некоторых запоздалых и слабых поклонников первых Муз".

Три сына Константина, между которыми он волей-неволей разделил империю, были приверженцами христианской религии; но Констанций, который вскоре стал единственным правителем, хотя и сыграл важную роль в развитии церковной доктрины, не был очень назидательным примером нравственного воздействия ее учения. Его ревность и непримиримость почти истребили род Константина, численно представленный тем крепким императором, который оставил себя. Самые тесные узы родства не помогли спасти жизни тех, кто мог встать на пути амбиций нового правителя. Константина, сестра Констанция, была замужем за Ганнибалом, его двоюродным братом, но, несмотря на это двойное родство, последний жестоко погиб.

Константина была женщиной, о которой было бы интересно узнать больше, чем те немногие упоминания, которые дает история. Она, должно быть, была человеком не только способным, но и амбициозным, ведь ее отец наделил ее титулом Августы. После его смерти она посчитала, что пурпур не должен облекать женщину в бессильное достоинство, но что ей принадлежит право принимать участие в делах империи. В этом представлении о своих привилегиях она не нашла поддержки у трех своих братьев: ситуация и так была нарушена их собственными несогласованными претензиями. Но после смерти Константина и Константина путь для Константины был расчищен, и она смогла продвигать свои интересы. Для этого она создала императора-марионетку из Ветранио, добродушного и услужливого старого генерала, командовавшего в Иллирике. Константина сама возложила диадему на его чело, но во время беседы с Констанцием угрожающие крики солдат заставили Ветранио поспешно отречься от пурпура и с благодарностью принять жизнь в почетном изгнании. Константине хватило дипломатии помириться с братом, как только она убедилась в

бесплодности этой затеи. Вероятно, она покинула Ветранио еще до того, как он прекратил попытки царствовать ради нее. Позже она вышла замуж за Галла, который вместе со своим братом Юлианом, единственным из принцев дома Константина, пережил подозрительность и жестокость Констанция. Галлус был назначен кесарем восточных провинций, и таким образом амбиции Константины были успокоены. Но, как это часто бывает с теми, кто стремится к политической власти, несмотря на сильное желание получить пурпур, она оказалась совершенно недостойной этой должности. Историки того времени дают этой женщине очень плохое имя, и, несомненно, жители Антиохии, где она и ее муж основали свой двор, согласны с тем, что оно было вполне заслуженным. Ее описывают не как женщину, а как одну из адских фурий, мучимую неутолимой жадой человеческой крови. Это, конечно, можно считать излишней риторикой Аммиана, но есть уродливая история о жемчужном ожерелье, которое Константина получила от свекрови некоего Клематия Александрийского. Это украшение обеспечило смерть Клематия, который навлек на себя злобу своей родственницы, разочаровав ее в своей любви. Хитрость и жестокость Константины, соединенные с безумной распущенностью ее мужа, в итоге погубили их обоих. Это вызвало недовольство Констанция, которое обычно успокаивалось только смертью объекта. Он отправил срочные послания, приглашая Галла посетить его на Западе, чтобы посоветоваться о делах империи; особенно настоятельно требовалось, чтобы кесарь взял с собой жену, "ту любимую сестру, которую император страстно желал видеть". Константина "прекрасно знала, на что способен ее брат"; ее не обманули его заверения в привязанности к себе. Но если она могла утихомирить его на основании своего пола и их отношений, то для Галла было верной смертью отдать себя во власть тирана Востока. Константина отправилась одна, чтобы обратиться к брату с мольбой, но по дороге умерла. Ее мужу ничего не оставалось делать, как подчиниться "приглашению" императора; но ему не позволили увидеть лицо Констанция. По дороге его схватили и после издевательского суда, на котором никакая защита не могла его спасти, обезглавили.

Юлиан, брат Галла, единственный из потомков Константина остался в живых. Его жизнь постоянно подвергалась опасности из-за подозрений Констанция; но она была сохранена, и тем самым язычеству было суждено пройти еще одно испытание, или, скорее, еще одну предсмертную борьбу. То, что Юлиан избежал опасностей, которым он подвергался, вероятно, в значительной степени объясняется дружбой Евсевии, жены императора. Впоследствии он отплатил за эту доброту красноречивым и, как мы можем быть уверены, искренним восхвалением ее характера.

Евсевия была уроженкой Фессалоники в Македонии. Ее семья принадлежала к консульскому сословию. Она стала второй женой Констанция в 352 году и, похоже, пользовалась в политических вопросах значительным влиянием на своего мужа, которое она всегда использовала по назначению. Древние авторы часто говорят о ее красоте как о выдающейся; но еще больше заслуживает внимания тот факт, что в эпоху, когда существовало так много разделенных интересов, историки всех партий сходятся в похвалах ее моральному облику. Правда, где-то есть намек на то, что ее доброта к Юлиану проистекала из более нежных побуждений, чем дружба; но все остальное, что известно о ней, а также застывший характер самого Юлиана, в достаточной степени опровергает такое предположение.

Во времена Евсевии Церковь раздирали споры между ортодоксами и последователями Ария. Констанций, как императорский арбитр вечной истины, а также временных судебных своих подданных, пытался добиться мира, изгнав главных спорщиков, как он сделал это с Афанасием и Либерием Римским. Евсевия, хотя и сама была арианкой, но, похоже, на эти

события повлияла ее благотворительная склонность. Когда Либерий отправлялся в изгнание, она послала ему пятьсот золотых, чтобы оплатить его расходы. Однако, как ни странно, он отослал их обратно с просьбой "отнести их императору, так как они могут понадобиться ему для оплаты войск".

В связи с этим Феодорит приводит один случай, свидетельствующий о том, что духовенство, особенно епископы, в те времена находили решительных поборников среди дам, как и во все века. Через два года после изгнания Либерия Констанций отправился в Рим. "Знатные дамы убеждали своих мужей обратиться к императору с просьбой о восстановлении пастыря для его паствы: они добавляли, что если это не будет исполнено, то они покинут их и сами пойдут за своим великим пастырем. Их мужья ответили, что боятся навлечь на себя гнев императора. "Если бы мы попросили его, - продолжали они, - будучи мужчинами, он счел бы это непростительным проступком; но если бы вы сами подали прошение, он, во всяком случае, пощадил бы вас и либо удовлетворил бы вашу просьбу, либо уволил бы вас без ущерба". Знатные дамы приняли это предложение и предстали перед императором во всем своем обычном великолепии, чтобы государь, оценив их ранг по одежде, счел их достойными вежливого и доброго обращения. Войдя к нему, они просили его сжалиться над состоянием столь большого города, лишенного своего пастыря и ставшего легкой добычей для нападения волков. Император ответил, что у стада есть пастух, способный присматривать за ним, и другого в городе не требуется. Ведь после изгнания великого Либерия один из его диаконов, по имени Феликс, был назначен епископом. Он сохранил в неприкосновенности догматы, изложенные в Никейском исповедании веры, но при этом общался с теми, кто эту веру испортил. По этой причине никто из жителей Рима не входил в молитвенный дом, когда он там находился. Дамы рассказали об этих фактах императору. Их уговоры увенчались успехом, и он повелел отозвать из ссылки великого Либерия, чтобы оба епископа совместно управляли Церковью. Это последнее решение не устроило народ, и Феликс удалился в другой город".

Либерий вообще отказывался признавать ариан христианами; хватило ли у него смелости отказать императрице в этом имени, нам не известно. Несомненно, что доброта Евсевии к Юлиану была достойна христианина, даже если она помогала тому, кто должен был стать заклятым врагом веры. Она подружилась с ним и защитила его, когда он был вызван ко двору, где каждый придворный был заинтересован в том, чтобы доложить Констанцию о каждом действии и каждом случайном слове. Возможно, она хотела сделать из наследника друга, будучи сама бездетной; но легко поверить, что "добрая и прекрасная Евсевия", как называет ее Юлиан, была искренна и бескорыстна в своей доброте. Она добилась того, что император разрешил молодому человеку, до сих пор находившемуся в плену, удалиться в прекрасное поместье, доставшееся ему в наследство от матери.

Судьба Юлиана была в надежных руках при дворе. На Констанция оказывали большое влияние окружавшие его евнухи - бюрократические чиновники тех времен; но Евсевий был сильнее всех остальных вместе взятых. Когда император пожаловался, что правление без посторонней помощи слишком тяжело для него, она предложила ему возвести своего молодого родственника в сан кесаря. Ее совету последовали, и императорский пурпур, а вместе с ним и рука Елены, сестры Констанция, были переданы Юлиану. В качестве свадебного подарка Эвзебия с самым изысканным вниманием преподнесла ему ценное собрание лучших греческих авторов. Вероятно, к книгам он испытывал больше благодарности, чем к официальному сану или высокородной невесте. По замыслу Констанция, как Сезар он должен был быть не более чем фигурой, а к своей жене он вряд ли когда-либо испытывал настоящую привязанность. Как отмечают историки, в своих

многочисленных сочинениях Юлиан иногда упоминает Елену Гомера, но ни разу не упоминает свою собственную Елену. Она, должно быть, была значительно старше своего мужа и, вероятно, была христианкой, как и ее братья. То, что от этого брака не было потомства, приписывают искусству Евсевии, которая, по словам Аммиана Марцеллина, осуществляла пристальный и неестественный надзор за хозяйством своего протеже. Поскольку нет никаких мотивов для желания императрицы, чтобы Елена была бездетной, мы склонны, как говорит Гиббон, "надеяться, что общественная недоброжелательность вменила в вину Евсевии последствия несчастного случая". Императрица умерла в 360 году, незадолго до того, как Юлиан порвал с Констанцием и начал править по собственному почину.

Юлиан вел за собой обреченную надежду на спасение старых богов. По крайней мере, это можно сказать о нем: в обращении, которое он получал от тех, кто исповедовал себя христианами, не было ничего, что могло бы удержать его веру в их религию. Только одна подружилась с ним, и ее считали еретичкой. Историки того времени пытаются представить Юлиана ведущим крестовый поход с преследованиями против христианства. Феодорит говорит о его "безумной ярости"; но поскольку он вынужден пересказывать истории, которые скорее иллюстрируют тривиальность ума историка, чем жестокость гонителя, очевидно, что слава мученичества не была завоевана в значительной степени при Юлиане. Мы склонны думать, что одно из этих повествований более других его качеств демонстрирует терпение последнего. Жила-была женщина по имени Публия, которая стала настоятельницей общества девственников. Однажды эти женщины, увидев приближающегося императора, зачитали псалом, в котором говорится о том, что "идолы народов из серебра и золота", и, описав их бесчувственность, добавляют: "подобны им те, кто их делает, и все те, кто на них уповаet". Юлиан потребовал от них по крайней мере сохранять спокойствие, пока он будет проезжать мимо. Однако Публия не обратила ни малейшего внимания на его приказ, только призвала свой хор еще энергичнее исполнять свои песнопения; и когда император снова проходил мимо, она велела им запеть: "Да воскреснет Бог, и да рассеются враги его". Наконец Юлиан приказал одному из своих сопровождающих заткнуть ей уши. "Однако она приняла возмущение за честь и продолжала нападать на него своими духовными песнями, подобно тому как сочинитель и учитель песни уложил злого духа, досаждавшего Саулу".

Прежде чем мы оставим это краткое упоминание о светских матронах ранней Церкви и обратимся к священным девам, необходимо привести свидетельство Иеронима. Этот ученый и красноречивый отец является великим авторитетом в отношении женщин своего времени. Только те, кто дал обет безбрачия, пользовались его высочайшим одобрением; однако у него было много друзей среди замужних дам Рима. Иероним был сатириком. Его перо было едким, когда речь шла о людях или делах, которые не встречали его одобрения. Он был Ювеналом своего века, но писал в прозе, и не ради сатиры, а как защитник ортодоксальности и девственности. Многие из его сочинений написаны в форме писем к дамам, которые были его подругами. Наиболее ярким из них является письмо к Евстохии, дочери Павла. В этом послании Иероним излагает мотивы, которыми должны руководствоваться те, кто принимает монашескую жизнь. Оно также дает нам яркую картину римского общества того времени - роскошь, распутство и лицемерие, распространенные как среди мужчин, так и среди женщин. Это письмо было написано в Риме в 384 году. "Я пишу тебе так, леди Евстохия (я обязан называть невесту моего господина "леди"), чтобы показать тебе своими вступительными словами, что моя цель - не восхваление девственности, которой ты придерживаешься и ценность которой ты доказала, и не перечисление недостатков брака, таких как беременность, плач младенцев, мучения из-за соперницы, заботы по ведению хозяйства и все те придуманные блага, которые в конце концов обрывает смерть. Не то чтобы замужние женщины как таковые были за гранью: у них есть свое место,

брак, который почетен, и ложе, которое не осквернено. Моя цель - показать вам, что вы бежите из Содомы и должны принять предостережение жены Лота". Таков тон и тон переписки Иеронима с женщинами, с которыми он был знаком. Помимо прочего, он предостерегает Евстохию от общества замужних дам и от того, чтобы она "слишком часто смотрела на жизнь, которую ты презирала, чтобы стать девственницей!" Многочисленные примеры характерных черт той жизни, которой следовало так тщательно избегать. Замечена гордость тех, кто является женами мужчин, занимающих высокое положение, а также их восторг перед целыми толпами званых гостей. Изображено, как их везут по улицам в роскошных повозках, а впереди идут ряды евнухов. Упоминается их одежда: красные плащи, мантии, расшитые золотыми нитями, и скрипучие башмаки. Иероним даже настолько нелицеприятен, что упоминает тех, кто "красит глаза и губы румянами и косметикой; чьи нарисованные мелом лица, неестественно белые, похожи на лица идолов; на чьих щеках каждая случайная слеза оставляет борозду; кто не понимает, что годы старят их; кто укладывает на голове чужие волосы; кто разглаживает лицо и стирает возрастные морщины; и кто в присутствии своих внуков ведет себя как трепетные школьницы". Некоторые из строгих замечаний Джерома наводят на мысль о современных женских привычках. Говоря о Блазилле, после того как она стала вдовой и твердо решила остаться в этом статусе, он рассказывает, что в былые времена она была крайне привередлива к своему платью и проводила целые дни перед зеркалом, пытаясь исправить его недостатки. Ее голова, "которая не причиняла никакого вреда, была вынуждена носить развевающийся головной убор". Но все это изменилось. Теперь "золото и драгоценные камни не украшают ее пояс; он сделан из шерсти, простой и тщательно очищенный. Он предназначен для того, чтобы держать ее одежду в порядке, а не рассекать ее талию надвое".

Евстохию, как исповедующуюся девственницу Церкви, предупреждают, чтобы она не баловалась стихами и не веселила себя лирическими песнями. "И не следуй, из жеманства, болезненному вкусу замужних дам, которые, то сжимая зубы, то широко раздвигая губы, говорят с придыханием и нарочно коверкают слова, потому что думают, что произносить их естественно - признак деревенского воспитания".

В другом месте отец аскетизма говорит: "Сегодня вы можете видеть, как женщины забивают свои шкафы платьями, меняют их изо дня в день и при всем том не могут победить моль. Время от времени более скрупулезная изнашивает одно платье; и все же, пока она появляется в лохмотьях, ее шкафы полны. Пергаменты окрашены в пурпурный цвет, золото вплавлено в надписи, рукописи украшены драгоценностями, в то время как Христос лежит у дверей обнаженный и умирающий. Когда они протягивают руку помощи нуждающимся, они трубят в трубу; когда они приглашают на пиршество любви, они приглашают глашатая. Недавно я видел благороднейшую даму в Риме - я умалчиваю ее имя, ибо я не сатирик, - с группой евнухов перед ней в базилике блаженного Петра. Она раздавала деньги бедным, по монете за штуку, причем собственными руками, чтобы прослыть более религиозной. В этот момент произошел нередкий случай. Старая женщина, "полная возраста и лохмотьев", побежала вперед, чтобы получить вторую монету, но когда подошла ее очередь, она получила не пенни, а удар, достаточно сильный, чтобы пустить кровь из ее виновных вен". Рим всегда успешно противостоял риторическим ударам своих цензоров; если бы не эта сила сопротивления, порицания Иеронима наверняка хватило бы, чтобы удержать естественное легкомыслие женщин его времени хотя бы в границах скромности.

Нравственное влияние Иеронима наглядно показало, как опасно настаивать на совершенстве и в результате опускаться ниже среднего уровня возможных достижений. В своих письмах к Павле, Евстохии, Марцелле и Аселле - женщинам, которые восхищали его

поразительной решимостью в умерщвлении плоти, - он постоянно сетует на тех, кто, исповедуя, что принес свою девственность в жертву Христу, на самом деле был скандалом для Церкви.

Павла была римской дамой самого высокого ранга и огромного богатства. Родословная ее отца восходила к самым высоким именам в греческой истории; ее мать, Блассилла, насчитывала среди своих предков Сципионов и Грахов. Паула была Корнелией, реинкарнированной в четвертом веке христианства; единственные отличия заключаются в том, что первая сохранила целомудренное вдовство, вдохновляемое более полными надеждами, чем земная слава, и вместо того, чтобы развлекаться с учеными мужами в Мизенуме, она изучала древнееврейский язык с Иеронимом в убогой пещере в Вифлееме. Этой благочестивой даме пришлось отказаться от многого, чтобы начать жизнь в бедности. Ей принадлежал один из самых великолепных домов Рима, а доходы она получала из города Никополя, которым владела целиком. Она родилась в 347 году, через десять лет после смерти Константина. В возрасте семнадцати лет она вышла замуж за Токсотия, который был потомком прославленного рода Юлиев. Она была матерью пяти дочерей и одного сына. Вероятно, своим обращением в христианство она была обязана святой Марцелле, одной из тех аскеток, которым были адресованы письма Иеронима. До смерти мужа жизнь Паулы в ее великолепном дворце на Авентине была похожа на жизнь других богатых римских дам, за исключением того, что ее средства позволяли ей превосходить всех остальных в элегантности. В день своего обращения и как лучшее доказательство его реальности, по оценкам тех дней, она раздала четверть своего огромного состояния бедным. Распространенные в то время идеи не позволяли ей считать себя искренней христианкой, если она полностью не откажется от своих привычек к роскоши. Она так и поступила, посвятив себя заботе о неимущих и уходу за больными. Ее благочестие не позволяло ей даже поддерживать свои телесные силы для этих благородных трудов. Она жила на хлебе и небольшом количестве масла, во многие дни отказывая себе даже в этом до захода солнца. Ее одеждой была грубая одежда рабыни, а кушеткой - соломенная циновка, покрытая волосатым покрывалом.

Однако было одно удовольствие, которое Паула себе позволяла: она входила в круг дам, таких же аскеток, как и она сама, посвятивших себя изучению литературы. Среди них была Марцелла, которая первой из высокородных римских дам приняла монашескую жизнь, и о которой Иероним рассказывает следующее: "Смерть отца оставила ее сиротой, и она была замужем менее семи месяцев, когда у нее отняли мужа. Тогда, поскольку она была молода и высокородна, а также отличалась красотой и самообладанием, прославленный консул по имени Цереалис ухаживал за ней с большим усердием. Будучи уже пожилым человеком, он предложил передать ей свое состояние, чтобы она считала себя не столько его женой, сколько дочерью. Ее мать Альбина из кожи вон лезла, чтобы обеспечить молодой вдове столь возвышенного покровителя. Но Марселла ответила: "Если бы я хотела выйти замуж, а не посвятить себя вечному целомудрию, я бы искала мужа, а не наследство"; а когда ее поклонник возразил, что иногда старики живут долго, а молодые умирают рано, она ловко возразила: "Молодой человек может умереть рано, но старик не может жить долго". Этот решительный отказ Зеркалеса убедил других в том, что у них нет надежды добиться ее руки".

Марцеллу действительно можно назвать настоятельницей общины аскеток, которая собиралась в ее доме и в доме Паулы на Авентинском холме. Она изучала древнееврейский язык вместе с Иеронимом и стала настолько искусной в изложении Писания, что после отъезда последнего в Святую землю даже священнослужители обращались к ней за решением слишком сложных для них вопросов. Когда Аларих и его готы разграбили город

Рим, молитвы и очевидная святость Марцеллы побудили варваров пощадить ее жизнь и честь девицы Принципии, которая жила с ней, и они даже оставили ее дом без охраны.

Еще одним светилом в этом авентинском кругу была Аселла, которая была посвящена Церкви с десятого года жизни. Можно сказать, что ее посты были почти непрерывными, так что Иероним считал, что только по милости Божьей она дожила до пятидесяти лет, не ослабив пищеварения. "Лежание на сухой земле не повлияло на ее конечности, а грубая мешковина, которую она носила, не сделала ее кожу ни грязной, ни грубой. Со здоровым телом и еще более здоровой душой она искала все свои удовольствия в уединении и нашла для себя монашеский скит в центре оживленного Рима".

Среди добрых женщин того времени были также Альбина и Марцеллина, сестры святого Амвросия. Марцеллина публично исповедала девственность перед большой паствой, собравшейся на Рождество в церкви Святого Петра. Она приняла покров из рук епископа Либерия. В сочинении, адресованном ей, Амвросий повторяет наставления, которые его сестра получила от епископа в то время. Это произведение представляет немалый интерес, так как в нем четко прослеживается идея, которая управляла жизнью исповедующих монашество монахинь того раннего времени.

Паула также причисляла к своим спутницам Фабиолу, женщину благородную как по характеру, так и по роду, которая после бурной юности обрела покой в гавани аскетической преданности. Иероним описывает ее жизнь в своем семьдесят седьмом письме. Фабиолу порицали за то, что она оставила одного мужа и снова вышла замуж, когда человек, с которым она развелась, был еще жив. Защита Иеронимом ее развода демонстрирует такую либеральность мышления в отношении прав женщин в этом вопросе, что часть ее стоит процитировать. Он говорит: "Я приведу только один довод, которого достаточно для оправдания целомудренной матроны и христианки. Господь дал заповедь, что жену нельзя отлучать, "кроме как за блуд, и что, отлучив, она должна оставаться незамужней". Заповедь, данная мужчинам, логически распространяется и на женщин. Ибо не может быть так, что в то время как прелюбодейная жена должна быть отлучена, недержащий муж должен быть сохранен..... Законы Кесаря отличаются, правда, от законов Христа..... Земные законы дают волю безнравственности людей, осуждая лишь соблазнение и прелюбодеяние; похоти позволено безудержно разгуливать по борделям и рабыням, как будто вина определяется рангом того, на кого нападают, а не целью нападающего. Но у нас, христиан, то, что незаконно для женщин, в равной степени незаконно и для мужчин". Лишь в новейшее время светское законодательство стало соответствовать этому справедливому мнению, и даже сейчас социальное отношение к грешнику руководствуется взглядами, противоположными тем, что высказал Иероним.

Так Фабиола взяла себе другого мужа, и в этом, как считалось, она глубоко согрешила. Однако вскоре последовало раскаяние - покаяние на всю жизнь, искупление, принесенное в жертву постоянными добрыми делами. Все свое имущество она раздала бедным; среди прочих добрых дел она основала богадельню для приюта обездоленных. Некоторое время она жила вместе с Иеронимом, Павлой и Евстохием в Вифлееме, но затем вернулась в Рим, чтобы умереть. Ее похороны стали напоминанием о былых триумфах. Всех улиц, крыльцов и крыш, с которых можно было наблюдать за процессией, не хватило, чтобы вместить зрителей.

В этот круг святых женщин вошел Иероним, самый ученый и самый блестящий человек своего времени. Он был равен им по происхождению и, как и они, раздал свое имущество на благотворительность бедным. Он стал их другом, учителем, оракулом. Он был настолько

уверен в своем превосходстве над друзьями, что часто давал свои советы в манере, напоминающей высокомерие.

В 385 году Иероним простился с этими преданными друзьями и отплыл на землю, освященную жизнью и страданиями Христа. Он желал отдохнуть, чтобы иметь возможность размышлять и продолжать свой великий труд по переводу Писания. С корабля, на котором совершалось путешествие, он обратился с письмом к Аселле. Похоже, что клеветнические языки глупо нападали на него в связи с его дружбой с теми женщинами, чья привлекательность не могла быть иной, кроме как духовной. Он признает, что из всех римских дам только одна обладала способностью покорить его, и эта женщина - Паула. Он был способен противостоять лицам, украшенным как природой, так и искусством; только с Паулой, "убогой от грязи" и с глазами, потускневшими от непрерывных рыданий, связано его имя. Клевета на эту тему была слишком абсурдной, чтобы относиться к ней серьезно. Упоминание о личной неопрятности Паулы дает нам повод заметить, что, вопреки общепринятой аксиоме о религиозной ценности чистоты, этих древних монахинь учили верить, что ванна скорее способствует безбожию. Это было опасное подчинение плоти: отказ от него, несомненно, был мощной защитой целомудрия.

Через два года после отъезда своего друга Павла и Евстохий исполнили давно лелеемое ими желание - посетили Святую землю. В одном из писем Иеронима мы видим наглядную картину того, как Павла покидает своих детей и друзей. Они понимали, чего, возможно, не признавали открыто, что это было окончательное прощание. Мы видим, как молодые девушки прижимаются к матери, пытаясь отговорить ее от задуманного. Но вот паруса развернуты, крепкие гребцы на своих местах; Руфина, девица, только что вступившая в женский возраст, с тихими рыданиями умоляет мать подождать, пока она выйдет замуж. Когда судно удаляется, маленький Токсотий, самый младший и единственный ее сын, протягивает свою крошечную ручонку и умоляет мать вернуться. Но никакие уговоры не могли отвратить Паулу от ее благочестивой, хотя и едва ли похвальной цели. "Любовь к детям она преодолела любовью к Богу". Таково было благоприятное суждение того времени. Менее восторженный, но более здравомыслящий век вряд ли сможет одарить ее столь безмерной похвалой.

После путешествия по всем местам, прославленным Писанием, в каждом из которых их принимали с большим почетом, Паула и ее дочь поселились в Вифлееме, где у Иеронима уже была келья. Там она построила монастырь и в течение восемнадцати лет посвятила свою жизнь обучению многочисленных девственниц, которые прибегали к ее услугам, привлеченные славой ее святости. После ее смерти, которая была поистине назидательной, выяснилось, что Павла распорядилась всем своим имуществом в благотворительных целях. Хотя вполне вероятно, что эти аскетичные женщины в значительной степени находились под влиянием мотивов менее возвышенных, чем те, о которых говорилось выше, в их заслугу следует поставить много добрых намерений; и, несомненно, их крайнее самоотречение не могло не оказать благотворного влияния в чувственном мире. В конце описания ее смерти, которое он написал для ее дочери, Иероним говорит: "А теперь, Паула, прощай, и помоги своими молитвами старости твоей избранницы".

МОНАХИНИ ПЕРВОБЫТНОЙ ЦЕРКВИ

Мы уже уделили некоторое внимание некоторым известным христианским женщинам, которые в самые ранние века Церкви посвятили себя аскетической жизни. Но монашество, занимавшее столь обширную и важную область в ранней Церкви, заслуживает того, чтобы посвятить не менее одной главы рассмотрению его влияния на жизнь женщин и той роли, которую они сыграли в его становлении. Рассказывая о подругах Иеронима - Павле, Евстохии, Аселле и других, - мы больше останавливались на моральном аспекте примитивного аскетизма, его преувеличениях, ошибочности, влиянии на семейную жизнь; теперь наша цель - бросить краткий взгляд на организацию женского монашества и отметить его влияние на социальную жизнь женщин. Иначе и быть не может, ведь столь популярное и всеобщее учреждение, как это, должно было в свое время оказать глубокое влияние на человеческое существование. Огромное количество мужчин и женщин, изъятых из общего общества и живущих отдельно в условиях, полностью противоречащих инстинктам и обычаям расы, должно было потрясти политическое тело во всех направлениях, вызвав движение влияний, далеко идущих по своему эффекту.

Монашество не было порождением христианства; религии Востока имели своих приверженцев, таких как еврейские ессеи, которые оставляли обычные занятия людей ради жизни в уединении, праздного размышления и восторженного созерцания. Пустыни и уединенные места Востока стали еще более странными благодаря присутствию нечеловекоподобных отшельников еще до времен Иоанна Крестителя. Христианское монашество также зародилось на мечтательном Востоке. Антоний своим примером и Пахомий энтузиазмом пропаганды монашеских идей заложили основы той системы, которая должна была заполнить весь мир группами мужчин и женщин, отказавшихся от естественных удовольствий и основных обязанностей мира.

О мотиве, вдохновлявшем монашескую жизнь, святой Августин говорит: "Никакая телесная плодovitость не порождает эту расу девственниц; они не являются потомством плоти и крови. Спросите, кто их мать? Это Церковь. Никто другой не рождает этих святых дев, кроме той, что обручена единому мужу, Христу. Каждая из них так возлюбила этого прекрасного среди сынов человеческих, что, не имея возможности зачать Его во плоти, как Мария, зачала Его в сердце своем и сохранила для Него даже тело в целости".

Мы можем признать эту интенсивную любовь к Богу как движущую силу и все же утверждать, что отшельники и анхинаторы ранней Церкви руководствовались в основном желанием искупить себя от грядущего гнева и получить личный вход в рай Божий. Спасение было индивидуальной обязанностью, и оно не допускало компромисса с миром. Путь к совершенству можно было пройти только в компании, при условии, что другие были готовы отправиться в путь, предварительно отказавшись от всех естественных радостей и презрев все человеческие связи. Притязания близких родственников не могли помешать личному стремлению к небесным наградам. Слезные мольбы престарелых родителей не позволили задержать дома дочь, посвятившую себя невесте Христа; Паула отвернулась от протянутых рук своего младенца-сына, чтобы в Святой Земле провести свои дни в экстатическом созерцании вышнего Иерусалима. К высокой похвале святого Фульгенция приписывают, что он сильно ранил сердце своей матери, презрев ее печаль по поводу своего ухода.

Правда, многие из самых первых посвященных служительниц Церкви продолжали жить в своих городских домах и, помимо молитв, посвящали себя делам милосердия и

благотворительности. Но они были не менее отделены от мира и своих близких. Их образ жизни исключал всякое обычное общение. Дева, которая могла похвастаться тем, что в течение двадцати пяти лет никогда не мылась, кроме кончиков пальцев, да и то лишь тогда, когда собиралась принять причастие, должна была быть столь же чужда Риму, в котором жила, как если бы она обитала в пещере в Фиваиде. Может быть, ее родные и почитали ее святость, но сомнительно, что они безоговорочно ценили ее присутствие. Объяснение этому трансцендентному личному пренебрежению следует искать в дуализме, который был столь значительным элементом в мотиве монашества. Религиозная сфера была исключительно духовной и относящейся к разуму; материальный мир считался полностью под властью дьявола, если это не было, конечно, его работой. Тело, со всеми его аппетитами, инстинктами, удовольствиями и болью, рассматривалось как духовное несчастье. Святость не считалась достижимой ни в какой степени, кроме как путем постоянного и решительного подавления всех естественных желаний. Принуждение в той или иной степени уступать наиболее существенным из этих желаний было, в той мере, в какой оно достигалось, нравственным несовершенством. Три великих человеческих порока - похоть, гордыня и скупость. Чтобы подчинить их себе, сторонники монашества считали необходимыми безбрачие, абсолютную покорность и полную бедность. Поскольку предписывается чистота, святой одного пола должен относиться к представителям другого с такой же осторожностью, как к ядовитому пресмыкающемуся; готовность обнять прокаженного - не слишком суровое испытание смирения; а личная собственность в волосяном покрывале - ловушка, заложенная богатством. Тело, настолько истощенное постом, что не способно выдержать непрерывный круг слез и молитв, - самый верный залог святости. Девственница, которая так издевается над своим желудком неправильной и недостаточной пищей, что он отказывается от еды, необходимой для здорового тела, является объектом высокого почитания; несварение желудка - наиболее желательное следствие святости. Короче говоря, не возмущаясь разумом и не противореча всем велениям здравого смысла, трудно описать многое из того, что принадлежало древнему монашеству, в каком-либо ином духе, кроме как в духе нетерпения.

Как и большинство институтов, монашество зародилось в бесформенном, ничем не направляемом энтузиазме. Мужчины и женщины устремлялись в пустыню с обильной ревностью, желая уйти от зла мира, но с еще большей скудостью понимания разумной дисциплины жизни. Однако вскоре опытными монахами была предложена организация и сформулированы правила, которые были приняты всеми. Святой Пахомий первым создал монашеские основания на Востоке. Их посетил Афанасий, когда находился в изгнании, и вернулся с восторженным рассказом о святости жизни и чудесных подвигах их членов. Его рассказ зажег сердца самых благочестивых христиан Запада, особенно женщин, и монашество сразу же стало самым прославленным призванием, которому мог следовать христианин. В результате, как свидетельствует граф де Монталембер, "город и окрестности Рима вскоре были полны монастырей, быстро занятых людьми, отличавшимися как рождением, так и состоянием и знаниями, которые жили там в милосердии, святости и свободе". Из Рима новое учреждение, уже получившее название религии или религиозной жизни *par excellence*, распространилось по всей Италии. У подножия Альп он был насажден влиянием великого епископа Евсевия Верчеллийского. С континента новый институт быстро завоевывал острова Средиземноморья и даже суровые скалы Гаргона и Капраджа, куда монахи, добровольно изгнанные из мира, отправлялись, чтобы занять место преступников и политических жертв, которых императоры привыкли ссылать туда".

Западное монашество было вдохновлено гением, отличным от восточного. Вместо того чтобы быть умозрительным и характеризоваться мечтательной праздностью и медитативным

молчанием, оно было гораздо более практичным. Оно было активным, деятельным; долг, а не эзотерическая мудрость, был его девизом. Пост, определенные часы для молитвы, чтения и энергичного ручного труда строго предписывались всеми правилами. Поэтому монахи и монахини Запада никогда не впадали в фантастические крайности, которые на Востоке демонстрировали стилиты, или женщины-отшельницы, обитающие, подобно животным, в дупле дерева, или толпы полудиких и полностью маниакальных людей, питающихся съедобными корнями, которые они находили в земле, на которой они лежали. Метод, регулярность и цель рано придали характер и эффективность западным монастырям и подготовили их к литературной и промышленной пользе, которая последовала за угасанием первого безумия и которая сделала монашество, несмотря на него самого, мощным фактором в эволюции современной цивилизации. Эта систематизация была благодаря усилиям Амвросия, Афанасия, Григория Великого, но особенно Бенедикта Нурсийского.

Первая известная церемония признания церковью исповедуемой монахини - это случай Марцеллины. На Рождество, возможно, в 354 году, она получила покров из рук папы Либерия и произнесла свои обеты перед многочисленной общиной, собравшейся в церкви Святого Петра в Риме. Святой Амвросий, ее брат, сохранил для нас краткое изложение проповеди, произнесенной епископом по этому случаю. Она состоит из искреннего, но не очень убедительного - так кажется современным ушам - увещевания воздерживаться от мирских удовольствий и упорно хранить девственность. Марцеллина продолжала жить уединенно в своем доме, поскольку еще не было принято, чтобы исповедующие девственность поселялись в общей обители. Однако начало этому уже было положено, о чем свидетельствуют отрывки из сочинения святого Амвросия о девственности, которое он посвятил своей сестре. В одиннадцатой главе первой книги он говорит: "Кто-то может сказать: "Ты всегда поешь хвалу девственницам. Что же делать мне, который постоянно воспеваешь их и не имеешь успеха (в убеждении их к освященной жизни)? Но это не моя вина. Кроме того, девственницы приезжают из Плаценции, чтобы посвятиться, или из Бононии и Мавритании, чтобы принять здесь постриг. Я рассматриваю этот вопрос здесь и убеждаю тех, кто находится в других местах. Если это так, позвольте мне рассказать об этом в другом месте, чтобы я мог убедить вас."

"Вот как сладок плод скромности, проросший даже в привязанностях варваров.

Девственницы, приходящие с огромного расстояния по обе стороны Мавритании, желают быть посвященными здесь; и хотя вся семья находится в узах, скромность не может быть связана. Та, кто оплакивает тяготы рабства, утверждает, что владеет вечным царством.

"А что мне сказать о девах Бононии, плодородной полосе целомудрия, которые, оставив мирские удовольствия, населяют святилище девственности? Хотя они не принадлежат к тому полу, который живет совместно, но, достигнув в общем целомудрии двадцати лет, оставив жилища своих родителей, они теснятся в домах Христовых; в одно время воспевают духовные песни, они обеспечивают свое пропитание трудом и ищут своими руками средств для своей щедрой благотворительности".

Итак, очевидно, что уже во второй половине четвертого века общины монахинь стали жить в своих собственных религиозных домах. Однако до сих пор обитательницы этих приютов целомудрия отвечали только перед собой за верность, с которой они выполняли свои обеты. Не было ни организованного ордена, ни признанных правил; каждая девственница соблюдала свой обет в соответствии с тем, как она понимала его условия. Церковь не имела четкой дисциплинарной власти над этими монастырями; конечно, если исповедуемая

монахиня скандально отрекалась от своих обетов, ее могли отлучить от церкви, но действенность этого наказания полностью зависела от степени ужаса, с которым женщина относилась к лишению церковных привилегий. Только во времена Григория Церковь стала способна приводить в исполнение свои приговоры. Когда весь мир стал христианским, человек снова потерял свободу мысли в отношении религиозных вопросов; тогда, благодаря союзу со светской властью, церковь получила возможность жестко обуздывать своих непокорных детей. К этому привели политические преимущества, полученные Григорием, и организаторские способности святого Бенедикта.

Святой Бенедикт был отцом западного организованного монашества; он не только основал орден, в который объединились многие уже существовавшие религиозные дома, но и установил правила их управления, которые были приняты в качестве правил монашеской жизни всеми подобными орденами, существовавшими в Церкви вплоть до времен святого Франциска и святого Доминика. То, что Бенедикт сделал для монахов, его сестра Схоластика - которая, будучи женщиной, получила гораздо меньше упоминаний - сделала для монахинь. Благодаря ее усилиям, под руководством и по совету брата, женская часть монашества обрела большее достоинство и вес.

Мы знаем, что Бенедикт родился в Нурсии, в провинции Сполето, в 480 году; была ли Схоластика старше или младше своего более знаменитого брата, неизвестно. Их родители были уважаемыми людьми, обладавшими достаточными средствами, чтобы дать своим детям хорошее образование и временно поселиться в Риме с этой целью.

Находясь в Риме, Бенедикт увлекся идеей посвятить себя религии; чтобы укрыться от моральных опасностей города, он сбежал из школы и от родителей в маленькую деревушку Эффиде, расположенную в двух милях от Субиако. Его кормилица - Кирилла - была его сообщницей и спутницей в этом приключении, за что и получила должную долю почета в легендах, связанных с жизнью великого основателя. В качестве примера этих легенд и иллюстрации их исторической ценности приведем одну историю. Однажды Кирилла случайно разбила каменное сито, которое она одолжила для того, чтобы юная святая испекла хлеб. Сочувствуя ее беде, Бенедикт поставил два осколка на место, а затем помолился над ними. К великой радости Кириллы и немалому удивлению деревенских жителей, они прочно скрепились, и сито снова стало целым. Эту чудесную утварь повесили над дверью церкви, где она долгие годы оставалась неопровержимым доказательством силы монашеской святости.

Позже святой Бенедикт основал в окрестностях двенадцать монастырей, а в конце концов поселился в Монте-Казино, неподалеку от того места, где его сестра, святая Схоластика, также руководила колонией религиозных женщин. Здесь были сформулированы и приняты правила, которые на протяжении столетий управляли этими религиозными затворниками, как мужчинами, так и женщинами. Три добродетели составляли всю дисциплину бенедиктинцев: безбрачное уединение, доведенное до культивирования молчания, насколько позволяли требования монастыря; смирение до последней степени; и послушание начальству даже - так гласил закон - при невозможности. В результате все мысли затворника должны были сосредоточиться на нем самом. Однако безделье со стороны его подопечных было далеко не целью этой дисциплины. Все часы бодрствования - а это была большая часть времени - монахини посвящали поклонению Богу, чтению и ручному труду. Помимо основной работы по дому, монахини занимались прядением, ткачеством и изготовлением одежды, которую раздавали на благотворительные цели; таким образом, их время не было потрачено впустую. Они также ткали и вышивали прекрасные гобелены и висюльки, украшавшие церкви, и со временем развили текстильное искусство,

ставшее одной из славы Средневековья. Неудивительно, что, имея в своем распоряжении время, древние монастыри могли выставлять истории Творения, выполненные в технике вышивки. В подражание Псалмопевцу, семь раз в день монахини собирались в своей часовне для молитвы и прославления. Лень была невозможна для них, так как они были обязаны просыпаться на утреню очень рано утром, до рассвета, даже летом, и это после того, как они вставали для короткой службы хвалы в полночь.

Постоянно и повсеместно соблюдалось воздержание от плоти четвероногих животных. В праздничные дни разрешалось употреблять мясо птицы, но обычная пища состояла из овощного бульона и хлеба. Большую часть года длился предписанный пост, во время которого достаточно было одного приема пищи в день, и то в четное время. Ни одной монахине не разрешалось говорить или считать что-либо своим, даже пояс или какую-либо часть платья. Поначалу, когда члены ордена нарушали свои обязанности, можно было применить только такие меры наказания, как отлучение от общего стола или часовни, а в случае неисправимости - изгнание из ордена. Но по мере того, как дисциплинарная рука Церкви все сильнее накладывалась на жизнь людей, принимались более суровые наказания, которые за пререкания становились еще более жестокими, вплоть до пожизненного одиночного заключения.

Но самым строгим правилом монашества, регламентированным святым Бенедиктом и святой Схоластикой, было правило, касающееся полов. Согласно ему, они должны были относиться друг к другу как к естественным, непримиримым врагам. Общение, даже между самыми близкими родственниками, было почти полностью запрещено. Два основателя, брат и сестра, хотя они и были едины не только в совершенной гармонии нравов и привязанностей, но и в преданности одной и той же жизненной цели, виделись лишь раз в год. "Есть что-то поразительное, - говорит Милман, - в привязанности брата и сестры, в человеческой привязанности, борющейся с жестким духом монашества". Святая Схоластика была женщиной Бенедикта - столь же набожной, столь же сильной в привлечении и управлении отшельниками своего пола, отдаленной основательницей монастырей, почти столь же многочисленных, как и те, которыми правил ее брат". Мы обязаны Григорию Великому за рассказ о некоторых интересных происшествиях из жизни этих двух святых. Единственный из них, который мы можем позволить, и, возможно, тот, который лучше всего иллюстрирует дух, управлявший ими на трудном и самоотверженном пути, который они избрали для себя, - это рассказ об их последней встрече. Хотя монастырь находился недалеко от обители, хотя они были братом и сестрой, пожилыми и преданными одним и тем же святым целям, они встречались лишь раз в год, ибо так гласило правило. Схоластика умирала, и пришло время Бенедикту нанести свой ежегодный визит. Вечер наступил слишком быстро, ведь несколько часов стремительно пролетели в упоении духовным общением. Схоластика умоляла брата остаться в монастыре на эту единственную ночь, ведь, скорее всего, он больше никогда не увидит ее живой. Но даже сестринская привязанность не могла отвратить монаха от неукоснительного соблюдения своих правил, одно из которых гласило, что ни он, ни кто-либо из его братьев не должен проводить ночь вне монастыря. Когда он готовился с ней проститься, она на несколько мгновений склонила голову в глубокой молитве. Внезапно небо, которое до этого было ясным и безмятежным, затянулось тучами, сверкнула яркая молния, прогремел гром и хлынул ливень; небеса пришли на помощь престарелой монахине. "Господи, помилуй тебя, сестра моя!" - сказал Бенедикт, - "Что ты наделала?". "Вы, - ответила она, - отвергли мои молитвы, а Господь не отверг. Уходи, если можешь!" Ее заступничество было вознаграждено с триумфом, и они провели ночь в святом общении. Через три дня после этого Бенедикт увидел душу Схоластики, взлетевшую на небо в виде голубя, и через некоторое время последовал за ней.

Как это бывает со всеми общественными движениями, через некоторое время слава первоначальной чистоты цели, которой было отмечено зарождение бенедиктинского монашества, стала ослабевать; его единственность цели отклонилась, изворотливость сменилась изощренным уклонением от правил. Монастыри и монастыри богатели; были найдены способы смягчить дисциплину, не отменяя формально правила; события привели к необходимости принять закон о том, что дома для монахинь и монахов не должны возводиться в непосредственной близости друг от друга.

Пришло время, когда настоятельница заняла свое место среди высших сановников Церкви, и эта должность стала не только обладать большим духовным влиянием, но и занимать завидное положение в обществе. Еще во времена Григория Великого, который, хотя и не упускал возможности возвеличить папский сан, был человеком с интенсивной духовной натурой и сильным моральным обликом, лидеры женского монашества начали осознавать возможности церковного чиновничества. Почести настоятельницы были признаны не слишком удовлетворительной заменой нежелательной или недостижимой славы мира. По крайней мере, это было нечто, когда великий епископ Рима обращался к ней в переписке как к сослуживице; сохранилось множество писем Григория к настоятельницам в разных частях западного мира. Они дают нам представление о персонале, обязанностях, обычаях и положении женщин, которые были поставлены во главе этих монастырей.

В письме, написанном Талассии, настоятельнице монастыря, основанного Брунехо в городе Аутун, святой Григорий излагает привилегии и порядок избрания женщины на эту должность. Он говорит: "Мы потворствуем, даруем и подтверждаем указом нашей нынешней власти следующие привилегии: Постановляем, что ни король, ни епископ, ни кто бы то ни было, облеченный каким бы то ни было достоинством, не будет иметь власти, в силу какой бы то ни было причины или повода, уменьшать или отнимать, или применять в своих собственных целях, или предоставлять как бы в другие благочестивые цели для оправдания своей собственной скупости, что-либо из того, что было дано монастырю вышеописанными королевскими детьми, или из того, что в будущем будет даровано ему кем-либо другим из их собственных владений. Но всем, что было предложено или может быть предложено, мы желаем, чтобы ты, а также те, кто сменит тебя на твоём посту и месте, владели с настоящего времени неприкосновенно и беспрепятственно, при условии, что ты будешь использовать их во всех отношениях на нужды тех, для чьего пропитания и управления они были дарованы." Польза и выгода папского верховенства становится очевидной. Этот громоздкий закон наделил Талассию пожизненной арендой и правом владения имуществом ее монастыря, столь же надежным, как десятина прихода для английского священника.

В этом же письме, написанном во второй половине шестого века, есть пункт, касающийся избрания настоятельницы. В этом не должно быть ничего хитрого или тайного. Выборы должны проводиться в страхе Божьем. Король должен выбрать такую женщину, которая получит одобрение монахинь; затем она должна быть рукоположена епископом. Все это говорит о том, что даже в те ранние времена для женщины, которая была готова отказаться от привлекательности замужней жизни или не желала мириться с ее заботами, должность настоятельницы монастыря была той, которая вполне могла возбудить честолюбивые порывы. Но как бы то ни было, в том же письме Григорий, который, очевидно, знал слабости человеческой природы, предотвращает сомнительные методы, к которым могут прибегнуть честолюбцы. "Никто, - говорит он, - ни из царей, ни из священников, ни кто-либо другой лично или по доверенности не осмелится принять что-либо в золоте или в каком-либо виде за рукоположение этой настоятельницы или за какие-либо дела, относящиеся к этому монастырю, и чтобы та же настоятельница не смела ничего давать по случаю своего

рукоположения, дабы по такому случаю не было израсходовано то, что предлагается или было предложено местам благочестия. И поскольку в ваших краях, как говорят, недобрые люди ищут много поводов для обмана религиозных женщин, мы постановляем, что настоятельница этого же монастыря ни в коем случае не должна быть лишена сана или низложена, если только этого не требует преступность. Следовательно, необходимо, чтобы, если на нее поступит какая-либо жалоба такого рода, не только епископ города Аутуна рассмотрел дело, но и призвал к себе на помощь шесть других своих братьев-епископов и так полно исследовал дело, чтобы все единодушно вынесли строгое каноническое решение, которое либо покарает ее, если она виновна, либо отпустит, если невиновна". Закон, направленный против какого-либо проступка, всегда предполагает существование этого проступка. Следовательно, процитированные нами запреты не могли быть неизвестны среди соратниц настоятельницы Талассии.

Из других писем мы узнаем, что монашеские правила противоречили тому, чтобы те, кто принимал эту жизнь, сохраняли после исповеди собственное имущество или даже право распоряжаться им по завещанию; оно становилось собственностью монастыря. Оказывается, если монахиню переводили из одного монастыря в другой, или, как это иногда случалось, освященная дева, живущая дома, заблудилась и была отправлена в монастырь, ее имущество всегда переходило к монастырю, в котором она в это время проживала. Это так строго соблюдалось, что когда некая Сирика, настоятельница в Каралисе, составила завещание и распределила свое имущество, Григорий приказал вернуть его в монастырь без споров и уклонений. Поскольку многие женщины с положением побуждали себя стать монахинями, легко заметить, как монастыри быстро приобрели большое богатство.

Все настоятельницы не считали себя рабски обязанными следовать единому правилу. В только что упомянутом письме та же Сирика демонстрирует освежающую независимость в отношении других вопросов, в которых женщина не терпит постороннего вмешательства. Григорий говорит: "И когда мы поинтересовались у вашего святейшества, почему вы терпите, чтобы имущество, принадлежащее монастырю, удерживалось другими, наш общий сын Епифаний, ваш архипресвитер, присутствуя перед нами, ответил, что упомянутая настоятельница вплоть до дня своей смерти отказывалась носить монашеское платье, но продолжала пользоваться такими платьями, какие носят пресвитеры этого места. На это вышеупомянутая Гавина ответила, что эта практика стала почти законной из обычая, утверждая, что настоятельница, которая была до вышеупомянутой Сирики, использовала такие платья. Когда же мы начали испытывать немалые сомнения относительно характера платьев, нам показалось необходимым обсудить с нашими юрисконсультами, а также с другими учеными мужами этого города, как следует поступить с точки зрения закона. И они, рассмотрев этот вопрос, ответили, что после того, как настоятельница была торжественно рукоположена епископом и много лет до конца жизни управляла монастырем, характер ее платья может поставить в вину епископу то, что он позволил ему так поступить, но все же не может повредить монастырю". Те "пресвитерессы", чьи наряды, по мнению Сирики, она имела полное право копировать, были женами пресвитеров, которые были женаты до рукоположения. Все это очень банально, но все же в облике этой настоятельницы тринадцативековой давности есть такой оттенок естественности, что он заслуживает внимания. И надо признать, что Сирика вызывает у нас полное одобрение, поскольку мы представляем себе, как она спокойно занимается своими обязанностями, в то время как папа Григорий Римский собирает своих юрисконсультов, чтобы узнать, что делать с ее платьем, и при этом она твердо решила, что будет одеваться именно в том стиле, который, по ее независимому мнению, кажется ей наиболее подходящим.

Когда же приходилось разбираться с серьезными проступками монахинь, Григорий даже в те ранние времена обладал не только властью, но и желанием наложить суровое наказание. Кроме того, Церковь стала такой же, каким был Рим во времена императоров, - настолько всеобщей и тщательно организованной, что виновные не могли надеяться скрыться вне пределов досягаемости дисциплинарной руки. Петронилла, монахиня из Лукании, поддавалась природной слабости и соблазнам Агнелла, сына епископа. Взяв имущество, которое Петронилла принесла в монастырь, а также то, что отец Агнелла подарил учреждению, они бежали на Сицилию в надежде насладиться там любовью и достатком в их совместном общении и в общении их ребенка. Но надзор Григория был столь же далеко идущим, как и сила его руки. Он пишет Киприану, диакону и ректору Сицилии, "чтобы вышеупомянутый мужчина и вышеупомянутая женщина были немедленно доставлены к тебе и начали самое тщательное расследование этого дела. И, если вы найдете, что все обстоит именно так, как нам доложили, решите дело, оскверненное столькими беззакониями, со всей строгостью изгнания; чтобы как строгое возмездие настигло мужчину, который не считался ни со своим, ни с ее состоянием, так и чтобы она, будучи сначала наказана и отправлена в монастырь на покаяние, могла вернуть все имущество, которое было отнято у вышеупомянутого места, со всеми его плодами и доходами". Каков был точный характер наказания, мы не знаем; но в другом месте, говоря о монахинях, уличенных в той же вине, великий епископ приказывает, чтобы они "подавали пример более строгой дисциплины, такой, которая может внушить страх другим". Церковь уже обрела власть навязывать свою искусственную мораль, которую она энергично применяла к тем, с кем могла позволить себе не спешить заискивать.

Будучи строгим блюстителем дисциплины и ревностно заботясь о возвеличении Церкви, Григорий старался не допустить, чтобы привилегии монашества были поставлены под угрозу, как он считал, нравственного благополучия тех, кого они касались. По закону, если муж или жена решали посвятить себя монашеской жизни, брачные узы могли быть разорваны без согласия другого супруга. Но в письме, которое он написал нотариусу из Панормуса и отправил рукой женщины по имени Агатоса, он ссылается на заявление последней о том, что ее муж поступил в монастырь без ее согласия. Он поручает нотариусу "тщательно расследовать это дело, чтобы выяснить, не может ли быть так, что мужчина принял профессию с ее согласия или что она сама обещала изменить свое состояние. И если окажется, что это так, позаботьтесь о том, чтобы он остался в монастыре, и принудите ее изменить свое состояние, как она обещала. Если же ни того, ни другого не будет, и ты не найдешь, что вышеупомянутая женщина совершила какое-либо преступление блуда, из-за которого мужчине позволительно оставить свою жену, то, чтобы его профессия не стала поводом к гибели для жены, оставшейся в мире, мы желаем, чтобы ты без всякого повода вернул ей ее мужа, хотя бы он уже был пострижен". Заметно, что епископ предпочел бы, чтобы женщина последовала примеру своего мужа и приняла монашескую жизнь. Возможно, Григорий, помимо того, что он постоянно проявлял рвение в привлечении новобранцев для этого призвания, понимал, хотя и был лично неопытен в таких вопросах, что жена найдет лишь холодное утешение в насильственных объятиях мужа, который предпочитает монахов религиозного дома ее собственному обществу. Тем не менее, даже в случае с исповедующей монахиней, которую насильно заставили выйти замуж против ее воли, он не предлагал разрывать брачные узы без согласия предприимчивого мужа, а лишь давал ей право, обеспечив детей, посвятить остаток своего имущества Церкви, которой она с радостью пожертвовала бы всю свою жизнь.

В тех частях христианского мира, на которые не распространялась власть папы Григория, монашество проявляло некоторые особенности, очень непохожие на бенедиктинское

правило. Пожалуй, наиболее ярко это проявилось в древней Британской Церкви, апостольском фундаменте, который до саксонского завоевания никогда не попадал под влияние Римского престола. В Уитби, в Йоркшире, святая Хильда, дочь короля, основала монастырь, в котором под ее личным управлением находились и мужчины, и женщины. В соседних зданиях монахи и монахини жили в созерцательном уединении, их жизнью и учебной руководила эта одаренная женщина, чья мудрость была такова, что ее совета охотно искали высшие вельможи страны. Ее учреждение стало школой подготовки епископов и священников, а также пристанищем религиозного отдыха для женщин всего мира. О том, что ее правила были полезны, а это сочетание не вредило хорошей жизни, свидетельствует тот факт, что она включила в число тех, кто проходил обучение под ее руководством, Иоанна Беверлийского, который был столь же известен своей святостью, как и ученостью.

Таким образом, монашество становилось все более влиятельным фактором в общественной жизни той далекой эпохи. Важность этого института заключалась в его полной универсальности. Где бы ни находилась христианская церковь, там находился и религиозный дом, гавань святости, возглавляемая настоятельницей, избранной за ее благочестие и силу духа, наполненная женщинами, которые не гнушались отказываться от мирских удовольствий ради любви к миру и божественному созерцанию. От Вечного города, где Григорий возрождал в религиозном обличье ту власть, которая столько веков господствовала над миром, и где только и сохранялось то, что осталось от ушедшей цивилизации, до Стреонсхила, где Хильд, дочь варварских вождей, возвела свое аббатство на вершине мрачных скал Уитби, взирая на мрак Северного моря, эти монастыри представляли собой то, что тогда считалось вершиной женских достижений.

То, что женское монашество имело свое применение и приносило свои плоды, было бы абсурдом отрицать. Несмотря на ложность противоестественной теории морали, которая слишком часто служила его мотивом, монашество было внешним и видимым признаком той человеческой эволюции, которая обеспечивает прогресс. Эгоизм его духовных целей соответствовал напряженному индивидуализму той новой эпохи; его дуалистическая теория природы была, по крайней мере, бунтом против жестокого анимализма того времени. Кроме того, монастырь был единственной возможностью, которую предоставляла человеческая жизнь для спокойных и сосредоточенных размышлений на любые темы, кроме еды, размножения и убийства. Монастырь стал тем мостом, по которому спасение от распада античной цивилизации было перенесено через Темные века в эпоху Возрождения.

Когда мы ищем особые преимущества, которые монашество давало женщинам, их оказывается два. Общепризнанная святость монастыря обеспечивала в эпоху чрезмерной жестокости убежище, где женщина могла укрыться и где хотя бы что-то из духовности ее природы могло быть не возмущено и не уничтожено. Возможно, после вынесения всех неблагоприятных суждений, если бы не почитание девственности в монастыре, в столь грубую эпоху мир мог бы забыть, что такое скромность и чистота. Кроме того, не способствует высшему развитию женственности полное ограничение ее единственным призванием - браком. Если в наши дни женщины и не стали лучшими женами, то уж точно стали более уважающими себя благодаря тому, что у них есть возможность быть независимыми и при этом оставаться незамужними. То, что сейчас делает для женщины бизнес, в старину делал женский монастырь: он давал примеры представительниц прекрасного пола, которые были славны и при этом не состояли в браке. Влюбленная женщина или девушка, которой угрожал союз, противный ее чувствам, могла сказать: "Я буду монахиней", и тем самым завоевать высочайшее уважение мира.

VII

ЖЕНЩИНЫ, СТАВШИЕ СВИДЕТЕЛЯМИ ПАДЕНИЯ РИМА

Империя утратила право на название древнего города на Тибре задолго до своего окончательного расчленения. Константин перенес свой двор и столицу на Босфор, и там осталась метрополия Востока. Западные императоры основывали свои дворы в разных частях Европы, их местоположение обычно определялось потребностями соперничества и территориальным успехом узурпации. Римское гражданство стало всеобщим и в то же время бессмысленным: оно не давало никаких привилегий, кроме того факта, что его обладатель не был рабом. Свобода, которую оно давало, была лишь относительной и в значительной степени теоретической; практически все были рабами императора. Род Ромула выролдился в претенциозную, но пассионарную аристократию, которая не желала никаких титулов на славу, кроме тех, что давала родословная. В них не осталось достаточно мужественности, чтобы создать, а тем более поддерживать императора из своей расы; их правители были варварами по происхождению. Римская армия представляла собой космополитическое объединение, в котором Италия была представлена меньше всех провинций. Историк Аммиан Марцеллин, писавший в конце четвертого века, говорит: "Современные вельможи измеряют свой ранг и значимость в соответствии с высотой своих колесниц и весомым великолепием своих одежд. Их длинные одеяния из шелка и пурпура развеваются на ветру; и когда они волнуются от искусства или случайности, то иногда обнаруживают нижние одежды, богатые туники, расшитые фигурами различных животных". Гиббон отмечает, что более благочестивые кок-комбы заменяли фигуру какого-нибудь любимого святого. Далее Аммиан описывает, как "сопровождаемые вереницей из пятидесяти слуг и разрывая мостовую, они двигаются по улицам с такой же стремительностью, как если бы ехали на почтовых лошадях; примеру сенаторов смело подражают матроны и дамы, чьи крытые повозки постоянно объезжают огромное пространство города и пригородов. Всякий раз, когда эти высокопоставленные особы соблаговолят посетить общественные бани, они, входя в них, принимают тон громкого и наглого повеления и присваивают себе в исключительное пользование те удобства, которые были предназначены для римского народа. Если в этих местах смешанного и всеобщего отдыха они встречают кого-нибудь из позорных служителей своих удовольствий, они выражают свое расположение нежными объятиями; в то время как они гордо презирают приветствия своих сограждан, которым не позволено стремиться выше чести целовать их руки или колени. Как только они побалуют себя освежающей ванной, они снова надевают свои кольца и другие знаки своего достоинства, выбирают из своего личного гардероба (из тончайшего льна и в таком количестве, которого хватило бы на дюжину человек) одежду, наиболее приятную для их фантазии, и сохраняют до своего отъезда ту же надменную манеру поведения..... Приобретение знаний редко привлекает внимание дворян, которые ненавидят усталость и презирают преимущества учебы. Библиотеки, доставшиеся им в наследство от отцов, укрыты от света дня, как мрачные усыпальницы. Искусство получения подписи под выгодным завещанием, а иногда и ускорения момента его исполнения, прекрасно изучено; случалось, что в одном и том же доме, хотя и в разных квартирах, муж и жена, с похвальной целью опередить друг друга,

созывали своих адвокатов, чтобы одновременно заявить о своих взаимных, но противоречивых желаниях".

Вероятно, Аммиан, с пренебрежением, которое студенты склонны испытывать к нефилософской массе, преувеличил пренебрежение римской знати к книгам. Мы видели, что многие из подруг Иеронима были самыми горячими любительницами литературы; и христианские отцы постоянно демонстрируют надежду найти среди своих последовательниц восторженную читающую публику. Эти женщины читали богословские труды; небезосновательно предположить, что их менее благочестивые сестры были столь же усердными ученицами классических светских книг.

Мы знаем имена и кое-что из истории нескольких женщин, живших в этот период, но все они принадлежат к высшему и выдающемуся обществу. История любит яркие следы. Если бы летописцы того времени предоставили нам подробное описание жизни простого народа, оно имело бы большую ценность, чем описание жизни многих вельмож.

Население Рима в это время оценивается от одного миллиона двухсот тысяч до двух миллионов. В это число, конечно, входит огромная армия рабов, которая не уменьшилась после смены национальной религии. Но была также огромная орда свободных, бедных плебеев, которые были вечными нищими правительства. Они жили в такой же беспечной, нищенской праздности, как и представители того же сословия в предыдущие века. Они обитали в домах, не похожих на те, что известны великим городам современности. Эти дома были многоэтажными, в каждом из них проживало несколько семей. В то, что они были крайне неудобными, легко поверить, ведь даже богачи древности, несмотря на архитектурное великолепие, которым они могли похвастаться, не знали обычных современных бытовых удобств. Современный свободный рабочий класс тогда был практически неизвестен: его место занимали рабы. Так что нищенствующий римский гражданин был вынужденно и добровольно безработным. Как правило, кукуруза, вино и масло поставлялись ему практически без затрат. Каждое утро, в определенное время, его жена отправлялась на установленную станцию в округе и там, предъявив билет гражданина, получала трехфунтовую буханку хлеба. Правительство было настолько снисходительно, что мололо и пекло пособие, которое в свое время выдавалось в виде кукурузы. В течение пяти месяцев в году более бедным слоям населения также выдавалась свинина; годовое потребление этого вида мяса в Риме составляло три миллиона шестьсот двадцать восемь тысяч фунтов. Когда жители требовали у Августа бесплатного вина и хлеба, мудрый и твердый правитель напомнил им, что, поскольку его друг Агриппа привез в город обильные запасы чистой воды, ни один римлянин не должен жаловаться на жажду. Но те императоры, которые полностью лишили римское гражданство права голоса, все же были заинтересованы в том, чтобы население было спокойным и довольным; поэтому в четвертом веке существовали общественные погреба, откуда за небольшую плату жителям Рима выдавали перебродивший виноград из Кампании.

Кроме того, для праздных людей было необходимо, чтобы их развлекали. Были великолепные общественные бани, где они могли скоротать время в роскоши и сплетнях. Но развлечение, которым толпа никогда не пресыщалась, находили в цирковых представлениях. По особым случаям многие ночевали в портиках неподалеку, чтобы утром первыми занять места. Огромный амфитеатр вмещал четыреста тысяч человек. Христианство упразднило гладиаторские бои прежних времен, но остались захватывающие и опасные гонки на колесницах, охота и бои с дикими зверями. Христианство также не смогло в значительной степени очистить сцену. Трагические музы и статная комедия были полностью оставлены ради развратных фарсов. В театрах Рима было занято не менее трех

тысяч танцовщиц. Во время голода, когда из города были изгнаны все чужестранцы, а также преподаватели свободных искусств, эти танцовщицы были освобождены эдиктом.

Жители Рима получили дополнительный источник интереса к церковным разногласиям, которые были вызваны амбициями и богословскими спорами духовенства. К концу IV века епископство в Риме стало должностью, к которой больше стремились мирские люди, чем подражатели скромных галилейских рыбаков. Его освобождение стало сигналом для борьбы, в которой соперничающие кандидаты были не прочь использовать как насилие простого народа, так и влияние благородных христианских дам. Аммиан описывает, как "рвение Дамаса и Урсина занять епископское место превосходило обычную меру человеческого честолубия. Они боролись с яростью партии; ссора поддерживалась ранениями и смертью их сторонников; префект, неспособный противостоять или утихомирить беспорядки, был вынужден, благодаря превосходящему насилию, удалиться в предместья. Дамасус одержал победу: спорная победа осталась на стороне его фракции; сто тридцать семь мертвых тел были найдены в базилике Сицинина, где христиане проводили свои религиозные собрания; и прошло немало времени, прежде чем разгневанные умы людей вернулись к привычному спокойствию. Когда я смотрю на величие столицы, меня не удивляет, что столь ценный приз должен разжигать желания честолубцев и вызывать самые ожесточенные и упорные состязания. Успешный кандидат уверен, что его обогатят подношения матрон; что, как только его платье будет подобрано с должной тщательностью и элегантностью, он сможет проехать на своей колеснице по улицам Рима; и что пышность императорского стола не сравнится с обильными и изысканными развлечениями, обеспечиваемыми вкусом и расходами римских епископов".

Практика использования благотворительности - или чувств - богатых дам стала настолько распространенной среди духовенства, что правительство было вынуждено рассматривать ее как злоупотребление, против которого необходимо принять суровое законодательство. Сам епископ Дамасус был прозван своими врагами Auriscalpius Matronarum (почесыватель дамских ушей). Эдикт по этому поводу был адресован Валентинианом этому епископу, которому было приказано зачитать его в церквях своей епархии. Должно быть, для клириков того времени это был унижительный документ, который они должны были выслушивать в присутствии своих прихожан. В нем содержалось наставление не посещать дома девственниц и вдов. У богатых и благочестивых дам стало популярным обычаем выбирать какого-нибудь монаха или священника в качестве своего индивидуального и личного духовного наставника. На то, что доверием, оказанным последнему, часто злоупотребляли, указывает эдикт, запрещающий ему извлекать выгоду из любого подарка или наследства своей духовной протекции; это злоупотребление также откровенно признается в трудах Отцов. Как мы видели на примере Иеронима и Павлы, такие отношения могут быть совершенно невинными, хотя и несколько истеричными. Человеческая природа одинакова во все века; и если взять женщину, чья сентиментальная натура предрасположена искать в духовном общении компенсацию за те обычные удовольствия, в которых она отказала себе по благочестивому обету; епископа, слабого в принципе, но склонного прикрывать свои замыслы святостью призрачной привязанности и бескорыстного милосердия, то результат вряд ли окажется губительным для репутации дамы, а также для ожиданий ее наследников. Закон Валентиниана, запрещающий этим женщинам делать клириков своими легатами, лишил первых возможности пользоваться показными гарантиями своего благочестия и заклеил бескорыстие вторых.

Таково было состояние Римской империи в то время, когда причины, приведшие к ее упадку, приближались к своей кульминации. После смерти Юлиана от руки убийцы последовало

короткое правление Иовиана. Затем на престол взошел Валентиниан. В этом императоре проявилась та удивительная смесь порока и добродетели, варварской жестокости и христианской веры, которая характерна для того времени. Это был век жестоких войн; все человеческие силы были вовлечены в смертельную борьбу; и Церковь, и Империя боролись за свою жизнь. Последняя с трудом сдерживала полчища варваров, нахлынувших на ее границы, и временами казалось, что первая полностью поддалась ереси арианства. Это была самая смертоносная битва, которую когда-либо приходилось вести Церкви. После вопроса о том, кто должен править, богословие было самым важным пунктом в политике того времени. Разнообразные метафизические определения, которые ставили в тупик самых мудрых философов, уверенно отстаивались в духе партийности механиками и невеждами обоих полов. Это была разница в *йоту* - *гомоусиос* или *гомоиусиос*.

Валентиниан выступал за ортодоксию не из-за твердых убеждений (он говорил, что это вопрос епископов), а потому, что церковь на Западе была в основном католической; но в лице Юстины, его жены, ариане получили мощного защитника. Сократ, историк, описывает брак Юстины как состоявшийся при самых удивительных обстоятельствах. История интересная, хотя и несколько сомнительная: "Юсту, отцу Юстины, который был правителем Пиценума при Констанции, приснился сон, в котором ему казалось, что из его правого бока выходит императорский пурпур. Когда этот сон был рассказан многим людям, он в конце концов стал известен Констанцию, который, предположив, что это предвестие того, что потомок Юста станет императором, приказал убить его. Юстина, оставшись без отца, продолжала оставаться девственницей. Через некоторое время она стала известна Севере, жене императора Валентиниана, и часто вступала с императрицей в половую связь, пока их близость не достигла такой степени, что они привыкли купаться вместе. Когда Севера увидела Юстину в бане, она была поражена красотой девы и рассказала о ней императору, сказав, что дочь Юста была столь прелестным созданием и обладала такой симметрией форм, что она сама, будучи женщиной, была совершенно очарована ею. Император, храня в памяти это описание своей жены, задумался о том, как бы ему обвенчаться с Юстиной, не отрекаясь от Северы, родившей ему Грациана, которого он незадолго до этого сделал Августом. В связи с этим он разработал закон и разослал его по всем городам, согласно которому любому мужчине разрешалось иметь двух законных жен. Закон был обнародован, и он женился на Юстине, от которой у него был Валентиниан младший и три дочери - Юста, Грата и Галла. Впоследствии Галла была выдана замуж за Феодосия Великого, который имел от нее дочь по имени Плацидия".

Эта история, как бы романтична она ни была, лишена всех признаков достоверности. Во-первых, ни в кодексах, ни у других историков нет абсолютно никаких следов этого замечательного закона. Кроме того, древняя церковь выступала против двоеженства и многоженства более жестко, чем против любого другого отклонения от общепринятой морали. Римское право также категорически не одобряло многоженство в браке. Более того, мы имеем сведения от Аммиана, который является самым надежным свидетелем, что Валентиниан отличался целомудрием как дома, так и за границей. Также в противоречии с тем, что рассказывает Сократ, Зосима утверждает, что Юстина уже была замужем за Магненцием, и что император сочетался с ней браком после смерти Севы, своей первой жены. Либо это последнее утверждение должно быть принято как факт в данном случае, либо мы должны поверить, что первая императрица развелась - процедура, которая, безусловно, не была сложной и была чрезвычайно обычной для правителей Рима. Скорее всего, истина заключается в том, что эта история о том, что Юстина была партнершей Валентиниана в двоеженстве, была злонамеренным изобретением; возможно,

дискредитация ее распространения должна быть возложена на некоторых недобросовестных ортодоксов, которые были возмущены тем, что она поддерживала ересь.

По обычаю, императрица должна была сопровождать своего императорского мужа в его военных походах по империи. Помимо прочих соображений, это было необходимо для ее безопасности и безопасности ее потомства. Заговорщики склонны осуществлять свои замыслы в отсутствие правителя, против которого они замышляют; и в этом случае законный наследник со своими покровителями - если они находятся в пределах досягаемости - становится первой жертвой амбиций или предосторожностей врагов своего отца. Поэтому императоры обычно брали свои семьи с собой даже в самые дальние путешествия. Преимущество этого было продемонстрировано на примере смерти Валентиниана. Он выступил в поход против квадов, которые беспокоили границу на берегу Дуная. В своей обычной жестокой манере он предавал смерти всех, кто попадал в его власть, убивая даже женщин и детей. Отчаявшиеся люди отправили посланников с мольбой о мире и прощении, но Валентиниан набросился на них в одном из пароксизмов ярости, которым он был подвержен, и, разразившись ужасными ругательствами, разорвал кровеносный сосуд в легких, отчего умер на месте.

В это время Юстина занимала дворец, расположенный на небольшом расстоянии от Брегетио, где и произошла смерть ее мужа. Грациан, сын Севера, уже был облачен отцом в императорский пурпур; но придворные министры, вдохновленные, вероятно, мыслью о тех преимуществах, которыми пользуются такие люди во время правления младенца, немедленно задумали возвести на трон четырехлетнего сына Валентиниана, носившего то же имя. За Юстиной прислали министров, которые поставили ее на царственный помост перед войсками. Она держала на руках своего маленького сына, и картина прекрасной женщины, наделенной плодами и милостями материнства, оказала свое неизменное действие, возбудив солдат к вспышке рыцарского энтузиазма. Младенец был там же и тогда же облачен в пурпур и знаки отличия империи, которые, надо сказать, он никогда не носил с большим эффектом, чем в тот час, когда его тщедушная младенческая форма была впервые облачена в них. Какое бы реальное влияние ни имело его имя в правительстве, им распоряжалась Юстина. Но императором был Грациан. Именно он командовал армией и управлял империей, в то время как Юстина держала двор и занималась мелкой внутренней политикой в Милане и Сирмиуме. Одно несомненно и достаточно примечательно, чтобы быть упомянутым: обе императрицы-матери, Севера и Юстина, жили как совместные вдовы в той взаимной гармонии, которая, по мнению Сократа, характеризует их как совместных жен.

Возможно, главным событием в жизни Юстины стала ее полемика со святым Амвросием, епископом Милана, одним из самых благородных людей древней Церкви, который своим мужеством и честностью подавал пример всем последующим епископам. Презируя суету мира, он не гнушался использовать полномочия своего сана для политической выгоды Церкви или государства; так, когда Максим узурпировал императорские привилегии в галльских провинциях, Амброс был отправлен Юстиной в качестве посла, чтобы умолять нового императора о милости к себе и своему сыну. Максим царствовал на далеком Западе, а Валентиниан II по его милости стал императором в Италии.

Пока этот молодой император, умерший в возрасте двадцати одного года, правил, правила его мать. Юстина, однако, судя по всему, была женщиной покладистой. Похоже, она не обладала большими амбициями, и нет никаких признаков того, что она очень активно вмешивалась в дела империи. Она оказалась в том положении, которое занимала, и старалась сохранить себя и своего сына в безопасности. Во всем, что она делала, проявлялась терпимость, и была очевидна готовность оставить других в покое, если ей и ее

сыну позволят сохранить свое положение в безопасности. Конечно, хотя они сохранили за собой имена императрицы-матери и императора, их реальная власть была незначительной. Валентиниан II был не более чем мальчиком, а Юстина не обладала военным командованием. Тем не менее, кажется, что она была наделена какими-то реальными способностями, иначе она не смогла бы сохранять относительную безопасность в течение семнадцати лет столь беспокойного и переменчивого времени.

Споры Юстины со святым Амвросием, похоже, были единственным вопросом, по которому у нее возникли серьезные трудности с подданными, и это, похоже, касалось только жителей Милана. Гиббон, в своей неподражаемой манере, так описывает этот инцидент: "Управление Италией и молодым императором, естественно, перешло к его матери Юстине, женщине красивой и сильной духом, но имевшей несчастье среди ортодоксального народа исповедовать арианскую ересь, которую она пыталась внедрить в разум своего сына. Юстина была убеждена, что римский император может требовать в своих владениях публичного исповедания своей религии; в качестве умеренной и разумной уступки она предложила архиепископу отказаться от использования одной церкви в городе или пригородах Милана. Но Амброз руководствовался совсем другими принципами. Земные дворцы, конечно, могли принадлежать Сезарю, но церкви были домом Божиим, и в пределах своей епархии он сам, как законный преемник апостолов, был единственным служителем Бога. Привилегии христианства, как мирские, так и духовные, распространялись только на истинно верующих, а ум Амвросия был уверен, что его собственные богословские взгляды являются эталоном истины и ортодоксии. Архиепископ, отказавшийся вести какие-либо переговоры с орудиями сатаны, со сдержанной твердостью заявил о своем решении скорее умереть мучеником, чем поддаться нечестивому святотатству; а Юстина, возмущенная отказом как актом дерзости и мятежа, поспешила воспользоваться императорской прерогативой своего сына".

При обычных обстоятельствах, в подобной ситуации, вполне вероятно, что повторное желание епископа принять мученическую смерть было бы удовлетворено. Но Амброз был в безопасности, благодаря глубокой ортодоксальности всех подданных Юстины. При нападении на религию некому было исполнить ее приказы. "Поскольку она хотела совершить свои публичные богослужения в приближающийся праздник Пасхи, Амброзу было приказано явиться в совет. Он повиновался с почтением верного подданного, но за ним, без его согласия, последовало несметное количество народа: они со стремительным рвением прижались к воротам дворца; и испуганные министры Валентиниана, вместо того чтобы вынести архиепископу Милана приговор об изгнании, смиренно просили его вмешаться, чтобы защитить личность императора и восстановить спокойствие в столице".

В итоге епископ одержал верх. Сохранилось несколько писем святого, написанных им своей сестре Марцеллине, в которых он описывает обстоятельства этого спора с Юстиной. Он рассказывает, как были посланы солдаты, чтобы занять церковь, которую императрица хотела использовать для своих еретических нужд, и как они братались с католиками, которые отказывались отдать священное здание. Епископ утверждает, что посреди всей этой суматохи и общественной неразберихи он издавал лишь "более свободные стоны". Но в его собственных письмах есть свидетельства того, что Амвросий действовал более активно и более эффективно, чем просто благочестивые стенания; более того, он проявил удивительную смелость решений, а также проницательность в своих политических методах. Он выступил с проповедью об испытаниях Иова, которая вряд ли могла вызвать приятные размышления в голове Иустины. "Но Иов был испытан накопившимися вестями зла, он был также испытан своей женой, которая сказала: "Скажи слово против Бога и умрешь". Вы

видите, какие ужасные вещи внезапно возбуждаются: готы, вооруженные люди, язычники..... Вы видите, что было приказано: "Сдай базилику!", то есть скажи слово против Бога и умри..... Итак, мы подготовлены императорскими повелениями, но укреплены словами Писания, которое отвечает: "Ты говорил, как один из глупых". Это искушение не из легких, ибо мы знаем, что те искушения, которые возникают через женщин, более серьезны. Ведь и Адам был соверщен Евой, в результате чего он отступил от божественных заповедей..... Зачем мне рассказывать, что Иезавель также кровожадно преследовала Илию? Или что Иродиада побудила Иоанна Крестителя быть убитым?... У женщин перемены следуют за переменами, их ненависть сменяет друг друга, их ложь меняется, старейшины собираются вместе, зло, причиненное императору, делается притворством".

За этим гомилетическим наказанием императрицы бесстрашным святым как нельзя более кстати последовало открытие некоторых святых и мощных реликвий. С их помощью исцелялись больные и восстанавливались слепые, и таким образом народ убеждался, что Бог на его стороне. Императрица высмеивала эти чудеса с недоверием, достойным нынешнего времени; но она была вынуждена последовать мудрому совету Феодосия и отказаться от своей цели. Однако она отомстила, издав указ о том, что арианское богослужение должно быть законным во всех владениях ее сына, Валентиниана II.

В течение всего этого времени Максим, узурпатор Галлии, относился к императрице и ее слабоумному сыну с видимым дружелюбием, но в действительности он не ставил границ своим амбициям. В 377 году начались его первые враждебные действия. Юстина не была готова к войне. Вместе с императором и своей дочерью Галлой она бежала к Феодосию, великому правителю Востока, который сначала женился на Галле, а затем успешно выступил в защиту ее матери и брата. От этого брака родилась Плацидия, о странных приключениях которой мы вскоре расскажем. Вероятно, Юстина умерла во время войны, которую Феодосий вел против Максима. О ее характере не сохранилось ничего уничижительного, за исключением ее ереси. Вряд ли стоит удивляться тому, что в церковном споре она не смогла справиться с человеком, у которого впоследствии хватило сил и мужества закрыть двери собора перед лицом великого Феодосия после его преступления в Фессалониках.

События развивались так, что к 394 году Феодосий стал единственным правителем империи, но через четыре месяца он умер в Милане, оставив владычество над Востоком и Западом своим сыновьям Аркадию и Гонорию соответственно. Гонорий был слабого телосложения и слишком молод, чтобы принимать участие в государственных делах. Флавий Стилихон, вандал и самый искусный человек при дворе и в лагере, которого породили те времена, защищал империю от нападений варваров, которые хлынули через Дунай и Рейн.

Стилихон женился на красивой и искусной Серене, любимой племяннице Феодосия. Клавдиан в поэме, посвященной восхвалению Серены, изобразил ее умственные и личные достоинства как самые привлекательные. Современный историк отдает должное ее преданности мужу: "Искусство клеветы могло бы быть успешным, если бы нежная и бдительная Серена не защищала своего мужа от домашних врагов, в то время как он побеждал в поле врагов империи".

Дочь Серены, которую звали Мария, стала женой Гонория, когда императору шел четырнадцатый год. Клавдиан написал по этому случаю эпифаламию и несколько фесценциальных стихов, в соответствии с древней манерой; ничто другое в этом роде не могло быть столь нелепо условным, поскольку, согласно Зосиму, мы узнаем, что Мария умерла девственницей после того, как десять лет была женой. Слабое телосложение ее мужа сделало непрерывность, которой так восхищались церковники того времени, необычайно

легкой. Гонорий пробыл на римском троне двадцать восемь лет, оказав на историю своего времени не больше влияния, чем если бы его место занимало деревянное изображение.

Тем временем в глубине Азии происходили те волнения, которые должны были привести к наводнению и свержению Римской империи ордами мигрирующих варваров. Самыми грозными из них были гунны - монгольская раса, которая кочевала по степям с незапамятных времен. Гунны были тем страшнее, что отличались крайней уродливостью. Их появление наводило ужас на женщин цивилизованных народов, которые они завоевывали. Эти выносливые и злобные дикари внезапно вырвались из своей страны и, оттеснив остготов, с разрушительным упорством покатались, точно человеческая волна, на запад. Готы оказались между "дьяволом и глубоким морем". Но если гунны представляли собой непреодолимую силу, то римляне не были неподвижным телом. Готы неуклонно продвигались на запад, а гунны устремлялись за ними. Рим был обречен. Сладострастные искусства цивилизации готовили добычу для мужественного варварства. Храбрый правитель вроде Феодосия, не принадлежавший к изнеженной римской расе, мог бы на время остановить ход событий, но распад империи был так же неизбежен, как распад груды пиломатериалов в половодье реки.

В 402 году Аларих Гот впервые ворвался в Западную империю. Он пронес свои завоевательные руки в Италию, распространяя повсюду разрушения и несчастья. В наше время невозможно оценить страдания, которые принесло вторжение жителям этой роковой страны. Старых и недостаточно привлекательных грабили и, что вполне вероятно, убивали; молодых и красивых оскорбляли и обращали в рабство. Все эти несчастья и многое другое варвары обрушили на Рим; но первый подвиг Алариха был завершен в Поллентии храбрым полководцем Стилихоном, хотя доброжелательность варвара была куплена данью. Как только эта опасность была на время устранена, на империю обрушилось новое, не менее страшное нашествие. Орда за ордой вандалы, аланы, бургунды и алеманны пересекали границы в поисках грабежа и приключений. Их тоже сдерживал умелый министр, но благодарность за оказанную государственную услугу никогда не бывает столь потенциальной, как зависть к высокому положению того, кто ее оказывает, и единственный защитник империи пал жертвой политических махинаций именно в тот момент, когда опасность для Рима была наибольшей.

Когда Аларих колотил по воротам столицы, римляне с согласия Гонория убили единственного человека в мире, который доказал, что может сравниться с варваром. Смертью Стилихона они не ограничились; как говорит Гиббон: "Возможно, в лице Серены римляне могли бы уважать племянницу Феодосия, тетку, а может быть, даже приемную мать царствующего императора; но они отвращались от вдовы Стилихона и с доверчивой страстью слушали клеветнические рассказы, обвинявшие ее в ведении тайной и преступной переписки с готским захватчиком". Под влиянием или под влиянием того же народного бешенства сенат, не требуя никаких доказательств ее вины, вынес приговор о ее смерти. Серена была позорно задушена, и восхищенная толпа с удивлением обнаружила, что этот жестокий акт несправедливости не привел к немедленному отступлению варваров и освобождению города". Одно из преступлений, в котором обвиняли Серену, заключалось в том, что она взяла ожерелье со статуи Весты - в то время была мода одевать и украшать статуи, в интересах ли скромности или показухи, мы не можем сказать.

Описание осады, которую пережил Рим в то время, полностью соответствует нашей теме, приведенное великим знатоком древней истории. "Этот несчастный город постепенно испытывал бедствия от нехватки продовольствия, а в конце концов и ужасные бедствия от голода. Ежедневная норма в три фунта хлеба была сокращена до половины, до трети, до

ничего..... Более бедные граждане, не имевшие возможности купить самое необходимое, обращались к скудной благотворительности богатых; и на некоторое время общественные страдания были облегчены гуманностью Ласты, вдовы императора Грациана, которая поселилась в Риме и посвятила в пользу неимущих те большие доходы, которые она ежегодно получала от благодарных наследников своего мужа. Но этих частных и временных пожертвований было недостаточно, чтобы утолить голод многочисленного народа, и голод вторгся в мраморные дворцы самих сенаторов. Представители обоих полов, воспитанные в наслаждении легкостью и роскошью, обнаружили, как мало нужно для удовлетворения потребностей природы; они расточали свои бесполезные сокровища из золота и серебра, чтобы получить грубую и скудную пищу, которую раньше они отвергли бы с презрением".

К ужасам голода вскоре добавилась вспышка моровой язвы. Рим снова лишился тысяч своих граждан из-за болезней. Хотя масштабы этого бедствия были меньше, чем во время Великой чумы за полтора века до этого, траур, тем не менее, был почти всеобщим. Гиббон утверждает, что "многие тысячи жителей Рима умерли в своих домах или на улицах, не имея средств к существованию". Но почти непрерывные похоронные процессии прежнего периода теперь отсутствовали, так как общественные усыпальницы без стен находились в пределах досягаемости вторгшейся орды.

ГОЛОД И МОР

По картине А. Хиршля.

К ужасам голода вскоре добавилась эпидемия моровой язвы. Рим снова потерял тысячи своих граждан из-за болезней. Хотя масштабы этого бедствия были меньше, чем во время Великой чумы за полтора века до этого, траур, тем не менее, был почти всеобщим. Гиббон утверждает, что "многие тысячи жителей Рима умерли в своих домах или на улицах, не имея средств к существованию". Но почти непрерывная похоронная процессия прежнего периода теперь отсутствовала, поскольку общественные усыпальницы без стен находились в зоне действия вторгшейся орды.

Облегчения не было. Когда послы умоляли Алариха о великом множестве людей, против которых он сражался, он отвечал только одно: "Чем толще сено, тем легче его косить". Когда он назначил выкуп, с помощью которого только и можно было спасти город, а министры сената смиренно поинтересовались, что он намерен им оставить, он надменно ответил: "Ваши жизни". Обещание пяти тысяч фунтов золота, тридцати тысяч фунтов серебра, четырех тысяч одеяний из шелка, трех тысяч кусков тонкой алой ткани и трех тысяч фунтов перца на время приостановило месть, которую столетия притеснений со стороны Рима копили в сердцах варваров.

Однако у римских придворных не хватило ни мудрости, ни честности, чтобы сохранить доверие к врагу, которому они не могли противостоять и от благосклонности которого зависела их безопасность. Терпение Алариха истощилось. Он отбросил всякую сдержанность, решив взять судьбу, а также ресурсы империи в свои руки. В 410 году город, который на протяжении тысячелетия был гордой владычицей мира, был захвачен и отдан на милость варварских народов, которые на протяжении многих веков поставляли ему богатства и рабов.

Завоеватель заявил, что ведет войну с римлянами, а не с апостолами. Поэтому, призывая своих солдат воспользоваться возможностью обогатиться и насладиться плодами победы, он отдал приказ соблюдать святость церквей. Церковные писатели рассказывают о случаях, казалось бы, удивительной защиты, оказанной святым девам, которые находились во власти развратных солдат. Однако есть все основания полагать, что обычная участь завоеванных в те дикие времена была уготована в изобилии. Известно, что многие христианские женщины, чтобы спастись от того, чего они боялись еще больше, искали смерти в водах Тибра. Другим повезло больше - они смогли найти защиту в бегстве. "Самой знаменитой из этих беглянок, - пишет Гиббон, - была благородная и благочестивая Проба, вдова префекта Петрония. После смерти своего мужа, самого могущественного подданного Рима, она осталась во главе семьи Аницианов и последовательно обеспечивала из своего личного состояния расходы на консульство трех своих сыновей. Когда город был осажден и взят готами, Проба с христианской покорностью перенесла потерю огромных богатств, села на небольшое судно, с которого она видела в море пламя своего горящего дворца, и бежала со своей дочерью Летой и внучкой, знаменитой девственницей Димитрией, к берегам Африки. Благотворительная щедрость, с которой матрона раздавала плоды или стоимость своих владений, способствовала облегчению несчастий изгнания и плена. Но и род Проба не избежал алчного гнета графа Гераклиана, который подло продавал в брачную проституцию благороднейших девиц Рима похоти или алчности сирийских купцов."

Аларих умер вскоре после своего завоевания, и скипетр готского королевства перешел в руки Адольфа, его шурина. Последний был храбрым и умелым полководцем и, похоже, обладал характером, не порочащим то время, в которое он жил. Он предложил - это предложение имело все последствия приказа - договор о союзе с Гонорием. Практически это было равносильно аннексии, но римский император был не в том положении, чтобы отказаться от любого предложения, которое гот мог счесть нужным сделать. Римляне также не могли помешать Адольфу укрепить свои интересы, а также удовлетворить свою страсть, взяв в жены сводную сестру Гонория, Плацидию, дочь Феодосия и Галлы.

Плацидия только созревала, когда Аларих впервые появился в Риме. Готский завоеватель взял ее в заложницы и, хотя ей пришлось стать пленницей в лагере варваров, относился к ней с большим вниманием. Ее красота и умственные способности привлекли внимание Адольфа, и не успел он вступить на престол, как попросил у Гонория ее руки. Такой союз был противен римлянам, но, как и в других вопросах, просьба была лишь вежливой формой

повеления. Сама Плацидия, судя по всему, не отказалась принять положение, и ее бракосочетание было отпраздновано в пышном виде. Подвиги его армии в Италии позволили Адольфу преподнести невесте великолепный свадебный подарок. Историк Олимпиодор рассказывает, что для переноски этого подарка были наняты пятьдесят красивых мальчиков. Они предстали перед невестой, неся в каждой руке по чаше. Одна чаша была наполнена кусочками золота, другая - драгоценными камнями. Адольф всегда проявлял сильную и нежную привязанность к своей жене; он не упускал случая почтить ее рождение, сажая ее выше себя на государственных праздниках.

Однако этому союзу суждено было быть недолгим. Адольф был убит рукой убийцы, на его трон был посажен его враг, а Плацидия, жестоко и намеренно превращенная в одну из простых пленниц, была вынуждена бежать двенадцать миль перед конем варварского вождя, убийцы мужа, которого она искренне любила. Возможно, именно ее страдания возбудили народ; однако ее гонитель был убит через несколько дней после своего убийства, и Плацидия была возвращена брату, а ее выкуп составил шестьсот тысяч мер пшеницы.

Плацидия могла бы, согласно христианскому учению того времени, оплакивать потерю Адольфа в постоянном вдовстве. Но без ее согласия для нее был устроен другой брак: ее отдали в качестве награды Констанцию-полководцу за его заслуги перед Гонорием. Результатом этого брака стало рождение Онории и Валентиниана III, а также, вероятно, благодаря планам Плацидии, возведение ее мужа в титул Августа. Но прошло совсем немного времени, и принцесса снова оказалась вдовой; и хотя злые языки превозносили детские ласки Гонории до признаков более теплых, чем можно было бы предположить по их родству, ссора между ними заставила Плацидию уехать с детьми в Константинополь.

После смерти Гонория Валентиниан, хотя ему было не более шести лет, был наделен пурпуром. Но его мать была императрицей; политика империи определялась ею, и в течение двадцати пяти лет она сохраняла свою власть. Гиббон свысока отзывается о ее способностях; но они не могли быть незначительными, иначе как бы ей удалось удержать власть, которую мог бы захватить любой случайный военный авантюрист? Историк ссылается на Кассиодора, который сравнивает правления Плацидии и Амаласунты в ущерб первой.

Жизнь римской императрицы была наполнена большим количеством приключений и перемен судьбы, чем обычно выпадало на долю женщины даже в те смутные времена, но ее история менее странная и, безусловно, более счастливая, чем история ее дочери Онории. Сохранилась медаль с ликом Онории, лик которой прекрасен; на ней есть надпись Augusta. Юную принцессу наделили этой честью и званием, чтобы она была выше чаяний подданных. Однако уже на шестнадцатом году жизни она начала бороться с изоляцией, на которую была обречена. Отвергнутая законной любовью, она предалась незаконной связи с одним из домашних слуг дворца, о чем вскоре стало известно благодаря ее беременности. Мать сослала ее в Константинополь, где она провела несколько лет в строгости и большом несчастье. В то время гунн Атила был тем самым варваром, который терзал империю, и вдруг он объявил, что получил обручение принцессы Онории и требует ее в невесты. Тогда ее изумленные родственники узнали, что она действительно состояла в переписке с Атилой и просила его взять ее в жены. Вполне вероятно, что в этом случае Онория руководствовалась духом злобы, ведь ни одна образованная женщина не могла бы желать сочетаться браком с гунном, если бы не мотивы, совершенно отличные от любви. Царь поначалу презрел ее ухаживания и был готов принять их только тогда, когда это соответствовало политике, продиктованной его честолюбием. Но Плацидия упорно не желала мириться с действиями дочери, и Онорию, выданную сначала замуж за человека низкого происхождения, чтобы

вопрос о ее брачном распоряжении никогда больше не становился источником проблем, до конца дней заточили в тесной тюрьме. Не исключено, что ее несчастья проистекали скорее из ее положения, чем из характера. В то, что ее жизнь с Атилией, если бы она достигла своей цели, оказалась бы более желанной, чем вечное заточение, верится с трудом. О его уважении к женщине можно судить по тому, что он был многоженцем, а также по тому, что он наблюдал, как его солдаты развлекались ужасными предсмертными муками двухсот девиц, которых они разрывали на части дикими лошадьми и раздавливали под колесами тяжелых повозок.

Плацидия умерла в 450 году. Она была похоронена в Равенне; с некоторой долей двусмысленности говорится, что там ее труп, сидящий в кресле из кипарисового дерева, был сохранен на века. Ее сын погиб от руки мстителя сенатора, чью жену он вероломно обманул. Он был последним императором из дома Феодосия, а его мать - последней женщиной, чье имя вошло в историю и было достойно упоминания в записях погибающей Западной империи.

Со смертью Плацидии мы подошли к концу цикла в эволюции человеческой расы. Она совпала с завершением древней арийской цивилизации - это был кульминационный момент в истории человечества. Мир снова должен был вернуться к грубости, неизбежно сопутствующей энергичной силе, которая характеризует становление новой расы. Мир начинался заново - отполированные манеры и социальный порядок уступали место напористости и индивидуализму. Сильная рука снова стала единственной необходимой вещью. Литература умолкла, а искусство было забыто. От славы классической цивилизации осталось лишь воспоминание, да и оно померкло, поскольку борьба за существование стала обременительной. Тем не менее, от всего, что сделал и чем был Рим, остался нетленный след. На руинах одной цивилизации закладывается фундамент для последующей. Среди прочих вкладов в абсолютный прогресс Рим оставил идею национальности и веру в необходимость народного права. В этих двух аспектах женщина участвовала в решительном прогрессе мира. Римлянка продемонстрировала способность своего пола твердо держать руку на штурвале государства; она отвоевала для себя некоторые из тех юридических прав, на которые, по крайней мере, в силу своей человечности, она имеет неоспоримое право.

VIII

ЖЕНЩИНЫ ФРАНКСКОЙ ЦЕРКВИ

Теперь мы можем считать, что почти прошли переходный период между классическим и средним веками и начали вступать в ту неопределенную область истории, которая известна как средневековье - неопределенную скорее по характеру, чем по продолжительности периода. Перед нами открывается новый мир; мир, который мы изучаем скорее под влиянием романтика, чем под влиянием философа. В эпоху, к которой привели нас наши исследования, жизнь женщины полностью изменилась. Эволюция взяла новое начало. На смену государству как символу и объекту власти и прогресса пришел и заявил о себе индивидуализм. В настоящее время все больше людей играют в личную инициацию.

Деятельность индивида более непосредственно связана с его личными мотивами и более полно соответствует его собственным желаниям. Следовательно, хотя женщина все еще находится на более низком уровне и ей мешают неравные законы, у нее больше возможностей для самоутверждения, и она играет более сильную роль в исторических событиях. Практически, хотя и не теоретически, ее все еще выдают замуж без ее согласия; но она больше не рассматривается как простое имущество. Ее окружение также претерпело значительные изменения. Вместо виллы с портиком, мраморным полом и прекрасными статуями, украшенным атриумом и сверкающими фонтанами, она теперь предстает перед нами в рудименте замка с башнями, грубым залом и грязным полом. Она утратила ту образованность, которая позволяла ей наслаждаться в свободные часы классической поэзией и греческой философией; если она вообще умеет читать, то это редкое достижение, и самым сильным стимулом для ее воображения являются песни неграмотных бардов, повествующие о героических достижениях ее расы. В этом она вернулась к литературе в ее эмбриональном состоянии. Ее религия приобрела мораль, хотя и в большей степени в теории, чем на практике, но она явно потеряла в поэзии. Элегантность исчезла из всех сфер ее жизни. Когда она едет за границу, то уже не в великолепно оборудованной коляске, а, по более жесткой моде, верхом на лошади. Хотя возглавить вооруженную силу для нее - большая редкость, она гораздо чаще добивается власти, чем в условиях утонченной цивилизации прежних времен. У франков, однако, верховное правление женщины каким-либо прямым способом было невозможно из-за древнего салического закона, который предписывал, что "ни одна часть истинно салической земли (то есть находящейся в полном территориальном владении главы семьи) не должна переходить во владение женщин, но должна полностью принадлежать мужественному полу".

Жизнь раннего Средневековья кажется нам более далекой и менее понятной, чем классическая эпоха. Мы чувствуем себя более уютно на виллах Рима, чем в замках Карла Великого. Отчасти это объясняется тем, что литература последней эпохи не дала столь удовлетворительной картины, как бессмертные произведения первой; но в большей степени это объясняется тем, что гений современной цивилизации нашел свое отражение в социальных идеях классических времен, а не в индивидуалистических мотивах средневековья.

Период, охватываемый этой главой, длится более четырехсот лет, с конца пятого века по десятый. Выбирая персонажей из сменяющих друг друга поколений в течение этого периода, мы будем ориентироваться на их полезность как представителей женского типа, даже больше, чем на их способность иллюстрировать какое-либо особое развитие цивилизованных привычек. Эволюция в те времена шла медленно, и, следовательно, столетие или два не сильно меняли социальные привычки.

Где-то в середине пятого века франкский вождь по имени Чилдерик был изгнан из своего народа из-за переменчивой военной судьбы. Он нашел убежище у тюрингов и в награду за их доброту соблазнил Базину, жену их короля. После его возвращения она оставила мужа и присоединилась к своему любовнику, став его признанной женой. Вина Чилдерика в этом деле несколько смягчается духом Базины, которая заявила, что выбрала франка только потому, что не знала мужчины мудрее, сильнее и красивее, что, безусловно, является откровенным признанием естественных чувств. Потомством этого свободного союза стал Хлодвиг, основатель королевства франков и средство, благодаря которому оно стало христианским.

Еще будучи юношей, хотя и утвердившимся на посту вождя благодаря своей доблести в мародерских походах, Кловис услышал о красоте и привлекательном характере Клотильды,

племянницы Гондебо, короля бургундов. Она воспитывалась среди самых варварских сцен, какие только могли быть в те времена. Ее отец и два брата были преданы смерти ее дядей, а мать Агриппину бросили в Рону с камнем на шее и утопили. Клотильде и ее сестре Хроне он разрешил жить. Последняя стала монахиней, а Клотильда, не менее религиозная, жила в Женеве, где, как говорят, все свое время посвящала делам благочестия и благотворительности. Кловис послал к Гондебо просить руки его племянницы, но, судя по всему, поначалу его предложение не встретило благосклонного отклика, так как франк прибег к необычным мерам, благодаря которым добился своего и дал материал для интересной истории. Фредегайр в своем комментарии к истории Григория Турского рассказывает об этом следующим образом: "Поскольку ему не разрешали видеться с Клотильдой, Хлодвиг поручил некоему римлянину по имени Аврелиан использовать всю свою смекалку, чтобы приблизиться к ней. Аврелиан отправился на место в одиночку, одетый в лохмотья и с кошельком на спине, подобно нищему. Чтобы быть уверенным в себе, он взял с собой кольцо Кловиса. По прибытии в Женеву Клотильда приняла его как паломника, и пока она омывала ему ноги, Аврелиан, наклонившись к ней, сказал под дых: "Госпожа, у меня есть великие дела, которые я должен сообщить тебе, если ты соизволишь открыть мне тайну". Она согласилась и ответила: "Говори". "Хлодвиг, король франков, - сказал он, - послал меня к тебе: если будет на то воля Божья, он хотел бы возвести тебя в свой высокий сан посредством брака; и чтобы ты могла удостовериться в этом, он посылает тебе это кольцо". Она приняла это кольцо с великой радостью и сказала Аврелиану: "Возьми в возмещение своих трудов эти сто су золотом и это мое кольцо. Возвращайся скорее к своему господину; если он желает соединить меня с ним браком, пусть без промедления пошлет гонцов требовать меня у моего дяди Гондебо, и пусть пришедшие гонцы поспешат увезти меня, как только получат разрешение; если они не поспешат, я боюсь, как бы не вернулся из Константинополя некий мудрец, некто Аридий; если он прибудет раньше, все это дело по его совету сойдет на нет".

Аврелиан вернулся и рассказал Хлодвигу обо всем, что произошло, и об указаниях, которые он получил от Клотильды. "Хлодвиг, довольный своим успехом и мыслью Клотильды, тотчас же послал к Гондебоду депутацию, чтобы потребовать его племянницу в жены. Гондебо, не смея отказать и польщенный мыслью сделать друга Хлодвигу, обещал отдать ее ему. Тогда депутация, предложив, по обычаю франков, отрицателя и су, обручилась с Клотильдой от имени Хлодвигу и потребовала выдать ее замуж. Без промедления в Шалоне был собран совет и начались приготовления к бракосочетанию. Франки, прибыв со всей скоростью, приняли ее из рук Гондебо, посадили в крытую повозку и сопроводили к Хлодвигу вместе с большим количеством сокровищ. Она же, узнав, что Аридий уже возвращается, сказала франкским владыкам: "Если вы хотите принять меня в присутствии вашего господина, позвольте мне сойти с этой повозки, сесть на лошадь и увезти вас как можно быстрее, ибо в этой повозке я никогда не доберусь до вашего господина".

Аридий очень быстро вернулся из Марселя, и Гондебо, увидев его, сказал: "Ты знаешь, что мы подружились с франками и что я отдал свою племянницу в жены Хлодвигу". "Это, - отвечал Аридий, - не узы дружбы, а начало вечной вражды; ты должен помнить, государь, что ты убил отца Клотильды, утопил ее мать, отрубил головы ее братьям и бросил их тела в колодец. Если Клотильда станет могущественной, она отомстит за обиды своих родственников. Немедленно отправь в погоню отряд, и пусть она вернется к тебе. Тебе будет легче вынести гнев одного человека, чем вечно враждовать со всеми франками". И Гондебо немедленно отправил отряд в погоню за Клотильдой с каретой и всеми сокровищами; но она, подъехав к Виллеру (где ее ждал Хлодвиг) на территории Труа и не доезжая до бургундской границы, велела сопровождавшим ее людям разойтись направо и налево на

расстояние двенадцати лиг по той стране, откуда она уезжала, чтобы грабить и жечь; И когда это было сделано с разрешения Хлодвиг, она громко воскликнула: "Благодарю тебя, всемогущий Бог, за то, что я вижу начало отмщения за моих родителей и братьев!"

Королевство, в которое Хлодвиг пригласил свою королеву, было невелико. Оно включало в себя не более острова Батавиан и епархий Турне и Арраса. Тем не менее, этот брак имел огромное значение для истории Европы, ведь в силу своих качеств Хлодвигу было суждено далеко продвинуться в завоеваниях и положить начало великой нации, а на вопрос о его обращении в арианство или католицизм вполне определенно должен был ответить его брачный союз. Наступило время, когда политическая мудрость стала самым действенным аргументом против язычества.

Однако Клотильда не сразу смогла добиться обращения своего мужа. Максимум, чего ей удалось добиться, - это получить его согласие на крещение после рождения первого сына. Ребенок умер через несколько дней после этого, и у короля возникли серьезные сомнения, не поступил ли он неразумно, разрешив христианский обряд. Второй сын Клотильды также был крещен и заболел. Кловис сказал: "С ним не может быть иначе, чем с его братом; крещенный во имя твоего Христа, он умрет". Ребенок выжил, и таким образом Клотильда получила возможность с большей пользой для себя атаковать разум мужа своими христианскими аргументами. Он был поставлен перед необходимостью принять решение, когда во время битвы при Толбиак с алеманнами, когда казалось, что день уже потерян, Аврелиан воскликнул: "Господин мой король, веруй только в Господа небесного, которого проповедует королева, моя госпожа!" Кловис воскликнул: "Христос Иисус, Ты, Которого моя королева Клотильда называет Сыном Бога Живого, я обращался к своим богам, и они отступили от меня; я верю, что они не имеют силы, поскольку не помогают тем, кто их призывает. К Тебе, Богу и Господу, я взываю; если Ты дашь мне победу над этими врагами, если я найду в Тебе силу, о которой люди говорят, я уверю в Тебя и крещусь во имя Твое". Удача в битве сразу же повернулась в пользу франков.

По возвращении домой Клотильда, чтобы убедиться, что ее муж исполнит свой обет, пока его благодарность горяча, послала за святым Реми, святым епископом Реймским, чтобы он довел до совершенства ее собственные наставления и принял его в Церковь. Кловис был крещен, как и большинство его подданных. О том, насколько доктрины христианства завладели его разумом, можно судить по анекдоту, в котором рассказывается, как, услышав из уст епископа историю о страданиях Христа, он воскликнул: "Если бы я был здесь во главе моих доблестных франков, я бы отомстил за его страдания!". Как говорит Гиббон: "Дикарь, завоеватель Галлии, был неспособен изучить доказательства религии, которая зависела от кропотливого исследования исторических свидетельств и спекулятивного богословия. Он был еще более неспособен ощутить мягкое влияние Евангелия, которое убеждает и очищает сердце искренне обращенного. Его честлюбивое правление было постоянным нарушением моральных и христианских обязанностей: его руки были запятнаны кровью как в мире, так и на войне". Он принял участие в синоде Галликанской церкви и тут же хладнокровно убил всех князей из рода Меровингов. В какую яму упало христианство тех времен, можно понять, когда мы видим, как Григорий Турский, спокойно перечислив убийства Хлодвиг, завершает рассказ такими словами: "Ибо Бог ежедневно низлагал врагов его под руки его и увеличивал царство его, потому что он ходил перед ним с праведным сердцем и делал то, что было приятно в очах его". Кловис был единственным строго ортодоксальным государем того времени - дня, когда ортодоксальность позволяла покрывать множество грехов.

Став единственным монархом франкского рода, Хлодвиг умер в 511 году и был похоронен в церкви, возведенной Клотильдой. Королева пережила своего мужа на много лет, но не

оказала на него заметного влияния. Она даже не смогла спасти двух своих маленьких внуков от честолюбивой жестокости своих сыновей - Клотира и Чилдеберта. Они отправили Клотильде послание со словами: "Пришлите детей к нам, чтобы мы посадили их на трон". Отправив их, вскоре к ней прибыл другой гонец с мечом и ножницами. У франков нестриженные локоны были обязательным признаком королевского рода; поэтому гонец сказал: "Славнейшая королева, твои сыновья, наши господа, желают знать твою волю относительно этих детей; хочешь ли ты, чтобы они жили с обрезанными волосами или чтобы их предали смерти?" Клотильда, в изумлении и отчаянии, отвечала: "Если их не посадят на трон, я предпочту знать, что они мертвы, а не обриты". Гонец поспешил обратно к двум королям и, с роковой и умышленной неточностью, сказал: "Заканчивайте ваши дела, ибо королева, благосклонная к вашим планам, желает, чтобы вы их осуществили". После этого двое детей были убиты самым хладнокровным образом. Эта история становится еще более шокирующей, если учесть, что Гунтеуке, мать мальчиков, стала женой того дяди, который их убил.

Меровинги позволяли себе столько же вольностей в любви, сколько и свободы в отношении более суровых страстей. Хотя они были номинальными христианами, они не испытывали угрызений совести по поводу многоженства, когда капризы их фантазии могли быть удовлетворены только его практикой. Григорий Турский рассказывает, как: "Король Клотарь I. взял в жены Ингонду, и он любил только ее, когда она обратилась к нему со следующей просьбой: "Мой господин, - сказала она, - сделал из своей служанки то, что кажется ему хорошим; а теперь, чтобы увенчать его благосклонность, пусть мой господин соизволит услышать, чего требует его служанка. Молю вас, будьте милостивы, найдите для моей сестры Арегонды, вашей рабыни, человека способного и богатого, дабы я тем самым скорее возвысилась, чем понизилась, и смогла служить вам еще более верно". При этих словах Клотер, который от природы был слишком сладострастен, воспылав любовью к Арегонде, отправился в загородный дом, где она жила, и заключил с ней брачный союз. Когда союз состоялся, он вернулся к Ингонде и сказал ей: "Я трудился, чтобы добиться для тебя милости, о которой ты так сладко просила, и, подыскивая человека богатого и способного, достойного соединиться с твоей сестрой, не нашел ничего лучшего, чем я сам: знай же, что я взял ее в жены, и думаю, что это не будет тебе неприятно". "Что покажется хорошим в глазах моего господина, то пусть и будет", - ответила Ингонда; "только пусть слуга твой остается в милости у короля".

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что подневольная манера речи по отношению к своим мужьям была привычной для франкских женщин того времени. Не исключено, что это было не более чем жеманство. Несомненно, женщины с характером и силой, как и всегда, не были лишены возможности держать себя в руках. Чилперик, король Суассона, который был сыном Клотера, добавил к недолгому списку своих жен - можно не сомневаться, что они были современницами, - Гальсуинту, дочь короля Испании. Ее привлекательность в немалой степени заключалась в богатстве, которое она ему принесла. Но он полюбил Фредегонду. Гальсуинта не могла с этим смириться и предложила добровольно отказаться от своего приданого, если он отошлет ее обратно к отцу. Чилперик принял решение проблемы, которое было ему больше по душе. Королева была найдена мертвой в своей постели. Ее задушил раб. Чилперик погоревал некоторое время, которое было более примечательно своей краткостью, чем его печаль - своей интенсивностью, а затем взял в жены Фредегонду. Эта королева оказывала влияние на дела своего времени, как политические, так и церковные. В ее жизни и характере в полной мере проявилась та

сильная смесь порочности и напускного благочестия, которая служит столь печальным комментарием к христианству ее времени. Она была дочерью крестьян и возвысилась исключительно благодаря своей красоте и умственным способностям. Среди ее многочисленных убийств - пасынок, король и архиепископ Руанский. О том, насколько она дорожила своим личным целомудрием, можно судить по тому факту, что она публично поклялась, с тремя епископами и четырьмя сотнями дворян в качестве поручителей, что ее сын - истинный потомок ее мужа Чилперика. Состояла ли ценность этой массы свидетельств в личном отказе от ответственности всех людей, чье положение и характер могли бы нанести ущерб отцовству Чилперика, не ясно. И все же, несмотря на все это, ей приписывается следующий благочестивый поступок: ее ребенок был болен; "он был маленьким братом, когда на его старшего брата, Хлодобрта, напали те же симптомы. Его мать, Фредегонда, видя, что ему грозит смерть, и тронутая запоздалым раскаянием, сказала королю: "Долго терпело божественное милосердие наши проступки; оно предупреждало нас лихорадками и другими болезнями, а мы не исправлялись, и теперь теряем наших сыновей; теперь слезы бедных, причитания вдов и вздохи сирот приводят их к гибели и не оставляют нам надежды на то, что мы сможем кого-нибудь приютить. Мы накапливаем богатства и не знаем, для кого. Наши сокровища, отягощенные грабежом и проклятиями, как будто остаются без хозяев. Разве наши погреба не полны вина, а амбары - зерна? Разве наши сундуки не были полны до краев золотом и серебром, драгоценными камнями, ожерельями и другими императорскими украшениями? И все же мы теряем то, что было нашим самым прекрасным достоянием! Так приди же, если хочешь, и сожги все эти нечестивые списки! Сказав так и бия себя в грудь, царица принесла к себе списки, которые Марк приписал ей от каждого из принадлежавших ей городов, и бросила их в огонь. Затем, снова обратившись к королю: "Что! - воскликнула она, - ты колеблешься? Поступай так же, как я; если мы потеряем наших дорогих детей, то, по крайней мере, избежим вечного наказания!" Можно считать само собой разумеющимся, что "дела Фредегонды, достойные покаяния" по этому случаю, не пострадали в пересказе Григория Турского. Возможно, она увещевала мужа к актам милосердия; тем не менее она спланировала и осуществила убийство Чилперика, опасаясь, как бы он не обнаружил виновную связь, возникшую между ней и офицером ее дома. Этим поступком она стала суверенной опекуной своего младенца и сохраняла это потенциальное положение в течение последних тринадцати лет своей жизни. Гизо так описывает ее характер: "Она представляла собой истинный тип волевой, хитрой и порочной женщины варварских времен; она начинала с низкого уровня и поднималась очень высоко без соответствующего возвышения души; она была дерзка и вероломна, столь же совершенна в обмане, как и в наглости, переходя к злодеяниям либо из холодного расчета, либо из духа мести, предаваясь всем видам страстей и, для их удовлетворения, не уклоняясь ни от одного вида преступления". Однако она тихо умерла в Париже в 597 или 598 году, могущественная и грозная, оставив на нейстрийском троне своего сына, Клотаря II, который через пятнадцать лет стал единоличным королем всех франкских владений".

Современницей Фредегонды, оказавшей более сильное и даже более благотворное влияние на свою эпоху, хотя и едва ли превосходившей ее по моральному облику, была Брунехаут, королева франков Австрии. Она была младшей сестрой Гальсуинты, убийство которой открыло Фредегонде путь к постели и трону Чилперика. Королем Австрии был Сигеберт, брат Чилперика. Среди этих свирепых Меровингов родство самой близкой степени не оказывало сдерживающего влияния на их страсти. Во время войны между этими двумя братьями Сигеберт был убит в своем шатре посланцами Фредегонды. Брунеха попалла во власть последней, и только то, что ей удалось пробраться в Парижский собор и таким образом получить право на убежище, спасло ей жизнь. Затем ее отправили в Руан, где она встретила и вышла замуж за сына Чилперика от прежней жены. Это так разгневало Фредегонду, что она

преследовала пасынка до тех пор, пока он, отчаявшись, не уговорил верного слугу лишить его жизни. Тем временем австразийцы, которым принадлежал младенец Брунехот, потребовали от Чилперика свою королеву; она была выдана им и назначена королевой-опекуншей своего сына.

Брунехот была во всех смыслах прирожденной правительницей. Принцесса по рождению, она обладала умом, способным разрабатывать планы, которые объединяли ее народ с ней самой в наслаждении плодами успеха, а также в труде свершений. Недостатков у нее было в избытке. Будучи столь же бессердечной в отношении кровопролития и столь же свободной в своих нравах, как и варвары ее времени, она не была лишена совести в отношении возможностей своего положения и во многом трудилась на благо общества. Брунехот приехала из Испании, где вестготы сохранили многое из римской цивилизации. Она попыталась привнести некоторые из этих преимуществ в Аустразию, которую населяли наименее культурные франки; но, хотя она настаивала на своих реформах силой воли и интеллекта, результатом стало ее изгнание из страны. История ее правления описана Гизо следующим образом: "Она упорно держалась за эффективное осуществление королевской власти; она проявляла практический интерес к общественным работам, шоссе, мостам, памятникам и прогрессу материальной цивилизации; римские дороги в короткое время получили и долгое время сохраняли в Австрии название Брунехотских проездов; в лесу близ Буржа показывали Брунехотский замок, Брунехотскую башню в Этампе, Брунехотский камень близ Турне и Брунехотскую крепость близ Каора. В королевских владениях и везде, куда бы она ни приезжала, она проявляла обильную благотворительность по отношению к бедным, и спустя много веков после ее смерти жители тех мест все еще говорили о милостыне Брунехот. Она любила и покровительствовала литераторам, редким и посредственным в то время, но единственным существам, каковыми они были, имевшим понятие о поиске и предоставлении любого вида интеллектуального удовольствия; а они, в свою очередь, с удовольствием прославляли ее имя и ее заслуги. Самый знаменитый из всех в ту эпоху Фортунат, епископ Пуатье, посвятил почти все свои маленькие поэмы двум королевам: одной - Брунехот, погруженной в мир борьбы и удовольствий; другой - святой Радегонде, бывшей жене Клотаря I, которая в спешке бежала с трона, чтобы похоронить себя в Пуатье, в основанном ею монастыре. Вдобавок к этому, Брунехот была ненавистна большинству австразийских вождей, тем самым Леудам, землевладельцам и воинам, с чьей крепкой и буйной независимостью она постоянно боролась. С несгибаемым мужеством она поддерживала против них королевских офицеров, дворцовых слуг, своих агентов, а часто и своих фаворитов".

Брунехот сохраняла свою власть при сыне и внуке в Австрии, столицей которой был Мец. Однако в 599 году она была изгнана из этого королевства и перешла в Бургундию, где царствовал ее другой внук, Теодорих II, со столицей в Орлеане. В письме, написанном Григорием Великим Теодориху, последний говорит: "И этого в тебе, помимо всего прочего, достаточно, чтобы вызвать похвалу и восхищение, что в таких вещах, о которых ты знаешь, что наша дочь, твоя превосходнейшая бабушка, желает из любви к Богу, в них ты самым искренним образом спешишь оказать свою помощь, чтобы таким образом ты мог счастливо царствовать и здесь, и в будущей жизни с ангелами". Из этого видно, что в Бургундии королеве-ветерану не отказывали в возможности проявить тот исполнительный талант, от которого устали австразийцы. Если верить рассказам франкских историков, влияние Брунехот на ее внука не во всех отношениях было рассчитано на то, чтобы подготовить его к жизни среди ангелов. Они обвиняют ее в том, что она поощряла его к развратной жизни, чтобы ее собственная власть не была подорвана появлением при дворе законной королевы.

Сохранилось несколько писем, написанных ей папой Григорием. Все они, в той вежливой манере, в которой церковные сановники обращаются с мирскими властителями, говорят о ее добродетельных поступках и игнорируют все упоминания о ее слабостях. Брунехо была бы весьма достойной женщиной, если бы о ней не было известно больше того, что можно почерпнуть из этих посланий. Григорий был суровым моралистом, но осуждение многих недостатков он позволил заглушить благодарностью за благочестие королевы, воздвигнувшей "церковь Святого Мартина в пригороде Августодунума (Autun) и монастырь для служительниц Божьих, а также больницу в том же городе". Существует также письмо к Талассии, первой настоятельнице этого монастыря, предписывающее, что подаренное имущество никогда не будет отчуждено от нее и ее преемников, а также, что "после смерти настоятельницы вышеупомянутого монастыря никакая другая не должна быть рукоположена с помощью какого-либо коварства или тайной интриги, но такая, которую король той же провинции с согласия монахинь изберет в страхе Божьем и обеспечит ее рукоположение". Это также свидетельствует о внутренней политике женских монастырей того времени.

Брунехо прожила бурную жизнь. Мягкость и скромность, качества, наиболее почитаемые в женском характере, были наименее заметны в ее натуре; они не соответствовали ни ее амбициям, ни ее методам. Она постоянно враждовала с вождями своего королевства, пытаясь, без особого успеха, заставить их независимость подчиниться царской власти. С духовенством у нее тоже были свои раздоры. Святой Дидье, епископ Вьеннский, был жестоко убит по ее наущению. Даже святой Колумба подвергся ее неудовольствию за то, что отказался потворствовать ее недостаткам, удостоив своим благословением. В 614 году, после тридцати девяти лет самой напряженной политической жизни и самых крайних превратностей личной судьбы, которые когда-либо выпадали на долю любой королевы, она погибла от рук Клотера II, сына ее старого врага Фредегонды. По его приказу почтенную королеву, которой уже исполнилось восемьдесят лет, провезли перед войском на спине верблюда, а затем привязали за волосы, одну руку и одну ногу к хвосту необъезженного коня, который лягнул ее и разбил на куски. Так жила и так умерла "христианская" королева, удостоившаяся высоких похвал от одного из величайших епископов истории.

Однако не стоит думать, что женская скромность, верная любовь и нежность, которые всегда почитались в женщинах, были совершенно неизвестны тому грубому и развратному веку. Что может быть приятнее, чем романтическая история Теоделинды, королевы лангобардов? В 584 году Аутари стал наследником этого королевства. Он попросил в жены красивую и благочестивую дочь Гарибальда, короля баварцев. Чтобы убедиться в том, что привлекательность этой девушки действительно соответствует ее репутации, а также чтобы поторопить события в случае, если он будет удовлетворен в этом вопросе, Аутари выдал себя за собственного посла и в таком обличье посетил двор Гарибальда. Там он заявил, что является доверенным другом лангобардского короля и что Аутари поручил ему привезти подробный отчет об очаровании его ожидаемой невесты. Теоделинда согласилась на осмотр, и мнимый посол, сразу же очарованный ее грацией и красотой, приветствовал ее как королеву лангобардов и попросил, чтобы она, по обычаю его народа, преподнесла ему, своему первому подданному, чашу вина. Пока она это делала, он лукаво коснулся ее руки, а затем и своих губ. Такая фамильярность удивила девицу, но, по совету кормилицы, она ничего не сказала, и Аутари, прежде чем покинуть двор, сумел завоевать ее расположение. Уходя домой, он открыл ей свой ранг, сказав, вбивая свой огромный боевой топор в ствол дерева: "Так бьет король лангобардов". После отъезда Гарибальд под влиянием франков отозвал свое согласие на брак дочери, после чего Теоделинда взяла дело в свои руки, бежала через Альпы к своему возлюбленному и сочеталась с ним браком в Вероне. Хотя она рано осталась вдовой, она настолько завоевала любовь и доверие лангобардов, что они

доверили ей привилегию возводить на трон того, кого она сочтет нужным пригласить на брак. Ее выбор пал на красивого тюрингца по имени Агилульф. Он не знал о своей судьбе, пока королева не объявила ему о ней так: однажды, когда он склонился, чтобы поцеловать ее руку в знак верности, она смущенно сказала: "Ты имеешь право целовать мою щеку, ведь ты - мой король!" Влияние Теоделинды на свой народ было столь велико, что по ее просьбе весь народ одновременно принял христианство; и в связи с этим событием неудивительно, что она была в самых дружеских отношениях с папой Григорием Великим, чьи письма к ней можно прочитать и сейчас. Во время ее счастливого правления королевство Ломбардия укрепилось, а его конституция утвердилась. Агилульф умер, а его сын и преемник Адельвальд, оказавшись несносным, был убит некоторыми из своих подданных; чтобы загладить свою вину, лангобарды посадили на трон мужа ее дочери Герберги. Боккаччо, сделав Теоделинду темой одной из своих любовных историй, позволил себе неоправданную и предосудительную вольность по отношению к доброй королеве, которой по праву гордилась ее эпоха.

Именно к этим временам относится и патетическая история святой Женеьевы. Она была женой графа Зигфрида Андернахского. Отправляясь в поход против мавров, которые в то время захватывали землю, он поручил ее заботам Голо, своего главного слуги. Этот человек, потерпев неудачу в своих неоднократных покушениях на ее супружескую верность, обвинил ее в проступке, в котором хотел бы ее убедить, и добился ее осуждения на смерть. Палачи, будучи милосердными, сохранили ей жизнь, отвезя далеко в глубь леса. Там она вместе со своей маленькой дочерью прожила несколько лет в абсолютном одиночестве. Их укрывала пещера, а лань, чья послушность считалась чудесным провидением, снабжала их молоком. Не меньшим божественным провидением считалось и то, что в конце концов Зигфрид, преследуемый погоней, пришел к гроту; ее невиновность была доказана, она была счастливо восстановлена в правах жены и с тех пор почитается как святая, которой она, несомненно, и была.

Христианство во второй половине первого тысячелетия могло продемонстрировать триумфы освящения личного характера; у него были свои герои морали, но следует признать, что обращение варварских народов не сопровождалось значительным улучшением их нравов. Милман говорит: "Трудно представить себе более мрачное и отвратительное состояние общества, чем то, в котором находилась Франция при королях Меровингах, потомках Хлодвига, описанное Григорием Турским. В конфликте или коалиции варварства с римским христианством варварство привнесло в христианство всю свою свирепость, но не великодушие или великодушие; его энергия проявляется в зверствах, жестокости и даже чувственности. Христианство дало варварству едва ли больше, чем его суеверие и ненависть к еретикам и неверующим. Повсюду убийства, отцеубийства и братоубийства перемежаются с прелюбодеяниями и изнасилованиями.....

"Что касается общения полов, то завоевательные войны, в которых женщины находятся во власти победителей, особенно если женская добродетель не в большом уважении, будут сурово испытывать более строгие нравы завоевателя. Сила тевтонского характера, когда он однажды вырывался за пределы привычных или традиционных ограничений, могла показаться презрением к легким и женоподобным порокам, а в потакании похоти искала некую дику изюминку, смешивая ее со всеми другими жестокими страстями, хищничеством и бесчеловечностью. Брак был узами, которые заключались и разрывались по самому легкому поводу. Некоторые короли из династии Меровингов брали столько жен, вместе или по очереди, сколько соответствовало их страстям или политике. Христианство

почти не вмешивается, даже чтобы запретить кровосмешение". Клотер и Шарибер женились на двух сестрах. Последнего сурово упрекнул святой Германус, но (так сообщает нам историк), поскольку у короля уже было много жен, он перенес упрек с величайшим терпением. Существовали законы против этих нарушений; но, как ни строги были их условия, они полностью аннулировались из-за неисполнения. Эти законы также являются примером неравенства, существовавшего между полами. Когда предписывается наказание за прелюбодеяние, всегда подразумевается, что оно относится исключительно к жене. Мужчина не был обременен никакой юридической ответственностью в этом вопросе. Свободным женщинам не разрешалось выходить замуж за рабов: это приводило их к подневольному положению. Это не распространялось на мужчин, за исключением тех, кто был слишком беден, чтобы совершить преступление вместе с хозяином похищенного раба. Короли были свободны в этом вопросе.

При династии Карловингов нравы были несколько менее свирепыми, чем при Меровингах; но это скорее результат того, что первые были более уверены в своей безопасности, чем свидетельство реального улучшения нравов. Карл Великий был искренним защитником церкви и очень почитал религию, но записи о его личной жизни и жизни его семьи являются примерами такого либидинозного поведения, которому редко найдется равных в истории.

Пять женщин сочетались браком с великим императором. Первой была Дезире, дочь лангобардского короля, против которого так яростно выступал папа Стефан. Однако этот союз оказался недолговечным: лишь в течение одного года Дезире удерживала блуждающие привязанности крепкого монарха. Затем он взял в жены Хильдегарду, швабскую принцессу, но столь же безразлично расторг эту связь, будучи подстрекаем к этому заявлениями слуги по имени Таланд, разгневанного презрением, с которым королева принимала его преступные ухаживания. Карл Великий не стал разбираться в этом деле; подобно Сезарю, он считал, что его жена должна быть вне подозрений. Существует приятная история о Хильдегарде, которая после развода отправилась в Рим и посвятила себя религиозной жизни. Своими благотворительными делами и благочестивыми поступками она приобрела большую и заслуженную славу святой. Рассказывают, что однажды она встретила Таланда, который дожил до жизни слепого нищенствующего. Силой своей святости она вернула ему зрение, и он, преисполненный раскаяния, признался в своем преступлении и добился примирения Хильдегарды с королем. Не менее наивна легенда об одной из дочерей Карла Великого. Среди его детей было несколько девушек, все красивые; но по политическим причинам отец отказал им в праве на брак. Он считал, что если их соединить с крупными вельможами страны, это приведет к расколу и последующему ослаблению империи. Но любовь смеялась над политикой. "Его секретарь, молодой Эгинхарт, сильно увлекся его дочерью Эммой, и юные влюбленные, опасаясь его гнева, если он обнаружит их привязанность, встречались только по ночам. Случилось так, что однажды ночью, когда Эгинхарт находился в апартаментах принцессы, выпал снег. Возвращение через дворцовый двор должно было привести к неизбежному обнаружению по следам его шагов. Момент требовал решения; женская смекалка пришла на помощь растерявшемуся влюбленному, и верная и благоразумная Эмма, взвалив возлюбленного на спину, перенесла его через двор. Император, случайно наблюдавший из окна за этим странным зрелищем при свете ясной луны, на следующее утро послал за молодой парой, которая стояла перед ним в ожидании смертного приговора, когда великодушный отец даровал Эгинхарту руку своей дочери и Одинвальд в придачу. Гробницу Эммы и Эгинхарта до сих пор можно увидеть в Эрбахе". Другая дочь, Берта, названная в честь своей бабушки - матери Карла Великого, вела аналогичную интригу с Энгельбертом; и, хотя ей не посчастливилось получить от отца санкцию на брак с подарком в виде земли, она стала матерью Нитхарта, знаменитого

историка своего времени. Характер Карла Великого позволял ему понимать, а справедливость побуждала его снисходительно относиться к тем инстинктам, которые его политика не позволяла удовлетворить законным и обычным способом.

ЛЕГЕНДА О РОЗАХ

По картине Х. Ногалеса.

Мы видели, что, за исключением истории Хильдегарды, женщины из семьи Карла Великого не являли собой примеров христианского благочестия и преданности, но здесь будет уместно упомянуть, что святая Розалия, покровительница Палермо, была из семьи, которая, как говорят, происходила из семьи Карла Великого. Святая Розалия, преисполнившись духа преданности, удалилась в грот на горе Пелегрино, где в уединении проводила время в молитвах и покаянии. О ней рассказывают легенду, что, тайком передавая хлеб, спрятанный в фартуке, чтобы накормить голодных, без согласия отца, она была обнаружена им и попросила открыть фартук, когда обнаружилось, что хлеб был превращен в великолепные розы.

Карл Великий умер в 813 году. С тех пор и до конца десятого века не было женщин, которых можно было бы с наибольшей гибкостью, свойственной этому термину, назвать христианками и которые в то же время были бы хоть чем-то примечательны в истории. Мрак темных веков еще не начал рассеиваться. Не было ничего, что могло бы побудить женщину обычного происхождения к проявлению каких-либо способностей, кроме самых низменных. Расширяющее влияние литературы было неизвестно. Карл Великий поощрял учебу среди своих придворных, но не смог оживить тлеющие угли. В последующие века греческая литература была забыта в западном мире. Нравы, даже среди самых благородных дам, были немыслимо грубыми. Каждая женщина, за исключением дочерей императора, работала руками в общих делах по дому. Каковы были нравы того времени, мы уже видели. Повсюду

возникали монастыри, приютившие огромное количество женщин, как высокого, так и низкого сословия.

Они были убежищем от варварства, сопровождавшего военные действия, и, в меньшей степени, защитой от искушений мира, плоти и дьявола. Былое фанатичное увлечение безбрачием значительно поутихло; епископы и священники нередко были женаты, и даже женские монастыри давали повод для оживленных историй, ставших традиционными. Это была эпоха, когда две сестры, Марозия и Феодора, обе проститутки, могли решить вопрос о наследовании папской тиары. Первая обеспечила ее своему внебрачному сыну, а также внуку, печально известному Иоанну XII, во время понтификата которого, по словам Гиббона, "Латеранский дворец был превращен в школу проституции, а его изнасилования девственниц и вдов удерживали женщин-паломниц от посещения гробницы Святого Петра, чтобы, совершая благочестивый акт, они не подверглись насилию со стороны его преемника". Это была эпоха, во всех отношениях подходящая для создания такой истории, как история папы Джоана, которая, хотя, вероятно, и не была основана на фактах, является достойной иллюстрацией морального состояния правителей Церкви того времени.

Мы видели, что, за исключением истории Хильдегарды, женщины из семьи Карла Великого не являли собой примеров христианского благочестия и преданности, но здесь уместно упомянуть, что святая Розалия, покровительница Палермо, была из семьи, которая, как говорят, происходила от семьи Карла Великого. Святая Розалия, преисполнившись духа преданности, удалилась в грот на горе Пелегрино, где в уединении проводила время в молитвах и покаянии. Сицилийцы приписывали этой святой чудодейственную силу, и о ней рассказывают легенду, согласно которой, тайно передавая хлеб, спрятанный в фартуке, чтобы накормить голодных, без согласия отца, она была обнаружена им и попросила открыть фартук, когда обнаружилось, что хлеб был превращен в великолепные розы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЖЕНЩИНЫ ВОСТОЧНОЙ ИМПЕРИИ

ИМПЕРАТРИЦА ЕВДОКСИЯ

От истории христианской женщины в Старом Риме на Тибре мы естественно переходим к истории христианской женщины в Новом Риме на Босфоре, где Константин Великий основал императорский город, которому суждено было стать центром религиозной и политической жизни цивилизованных народов Востока на протяжении более тысячи лет и поддерживать в темные века факел цивилизации.

Победы кесарей в обширных владениях, эллинизированных Александром Македонским, были превзойдены только победами Христа, и в Константинополе власть церкви и государства слилась в единый неразрывный союз и определила судьбы миллионов мужчин и женщин в Европе, Азии и Африке.

Поскольку греческая культура всегда была важным фактором в восточной половине Римской империи, история христианских женщин Востока является лишь продолжением истории греческих женщин. Поэтому наша задача - рассмотреть, как на эллинизированную женственность повлиял новый принцип, вошедший в мир.

Христианство с его акцентом на привязанностях, естественно, обратилось к женщинам, которые, по словам Аристотеля, "являются созданиями страстей, в отличие от мужчин, способных жить разумом". И со времен Марии, Матери Иисуса, женщины древности в большом количестве приняли новое учение. Они обнаружили, что жизнь их возвысилась, деятельность расширилась, влияние среди мужчин усилилось.

В результате статус женщины среди восточных народов значительно изменился. Столь медленно завоеванное признание того, что женщины обладают бессмертной душой, уравнивало их с представителями другого пола, а с проникновением христианства в жизнь язычества началась настоящая эмансипация женского пола. Женщине были переданы функции, выходящие за рамки домохозяйства и материнства. Златоуст в письме к одной римлянке, рассказав о разделении обязанностей, возложенных природой на мужчин и женщин, говорит, что христианская жизнь расширила сферу деятельности женщины за пределы домашних обязанностей и отвела ей важную роль в работе и борьбе Церкви за возвышение человечества. Ее главная функция, по его мнению, - утешительница и ангел-служитель. Таким образом, было признано, что у женщины есть миссия - мнение, которое преобладало на протяжении всех христианских веков. Следуя этой идее, многие из самых прекрасных и высокоодаренных женщин древности посвятили себя облегчению болезней и страданий и расширили влияние Церкви, проявив таким образом дух человечности.

Христианство постепенно преображало дух античного мира. Но первые века христианской эры были временем сумерек, в которых смешались свет и тьма. Язычество и христианство вели тихую, но решительную войну, и последнее, поглощая все лучшее, что было в первом, оставляло от него лишь пустую оболочку, коннотацию мирской жизни и неверия. Этическая философия греков и моральные учения стоиков и эпикурейцев нашли свое логическое завершение в философских доктринах христианства и подготовили почву для принятия последнего. Христианство продолжило идею соответствия божественному управлению миром, которой учили стоики, и настойчивую идею дружбы и братской любви, которую подчеркивали эпикурейцы, и дало жизнь этим доктринам, представив божественный пример. Эта эволюция высочайших этических идей древних в более благородном духе христианства получила свое логическое завершение в преобладающих институтах христианского мира. Стоицизм развился в аскетизм, который так сильно привлекал многих

посвященных мужчин и женщин, а христианский эпикуреизм проявился в многочисленных братствах и сестричествах, которые трудились на благо человечества, заботясь о больных и несчастных.

Одним из следствий стоической идеи в сочетании с новой концепцией миссии женщины стало распространение безбрачия. Многие женщины предпочитали посвящать свое время добрым делам, а не заботам о семейной жизни. Кроме того, "ужас перед безбрачием - осквернением тела, храма души, - который овладел эпохой с некой болезненной чрезмерностью, привел к обетам вечной девственности".

Этот акцент на незамужней жизни был неблагоприятен для расы, так как привел к вырождению и обезлюдению; но он породил множество примеров освященных и преданных женщин, которые заслужили почтение, оказанное им последующими эпохами.

Что касается отношений между полами, то наибольший контраст заключался в христианском представлении об очищенной духовной любви по сравнению с плотской и чувственной любовью языческих народов. Об этом свидетельствует популярность знаменитой легенды о Киприане и Иустине, которую впоследствии пересказала императрица Евдоксия.

Юстина была юной и прекрасной девой из Коринфа, которую страстно полюбил красивый языческий юноша Аглаид. Все попытки завоевать расположение девы, которая была отдана Христу, оказались безуспешными, и Аглаид решил привлечь к своему делу силы тьмы. Для этого он прибег к услугам могущественного мага, по имени Киприан, который был сведущ во всех магических премудростях халдеев и египтян. Чародей придумывал всевозможные искушения, но демоны, призванные погубить девицу, бежали при крестном знамении, которое она совершила, и Иустина вышла из испытания чистой и непорочной, незапятнанной всеми искусствами лукавого. Киприан, пораженный красотой, невинностью и безграничной верой девы, проникся к Иустине самой чистой и сильной любовью и, отрекшись от всех своих искусств, обратился в христианство. Преданная пара приняла мученическую смерть во время гонений Диоклетиана.

Такие христианские идеалы, противостоящие всему самому низменному в язычестве, естественным образом развивали новый и чрезвычайно высокий тип женственности. О женщинах провинций мы почти ничего не знаем, поскольку все записи Восточной империи сосредоточены вокруг столицы. Однако мы можем быть уверены, что на всем Востоке христианская женственность проявляла характерные черты благочестия и бескорыстия. В Константинополе, хотя он и был очень религиозным городом, язычество на протяжении веков продолжало оказывать заметное влияние, и тип женщины там варьировался в зависимости от пропорций двух составляющих - христианства и язычества - в умственном и духовном складе отдельной женщины. Одни, чтобы избежать суеты и соблазнов мира, вели уединенную жизнь в монастырях; другие, часто занимавшие видное общественное положение, не участвовали в шумной жизни города, а посвящали себя добрым делам, служа больным, обеспечивая бедных, возвышая падших; третьи, в основном в придворных кругах, умели сочетать с преданностью всем суетам и легкомыслию светской жизни строгое внимание к внешним обязанностям христианства. Религиозные сестры того времени были важным фактором в константинопольском обществе, и выполнение ими своих духовных обязанностей часто выводило их на публику в противоречии с преобладающими представлениями о женском уединении. Популярный священник или епископ становился объектом восхищения со стороны восторженных женщин, которые собирались вокруг него и

поддерживали его дело, что зачастую было скорее неудобно, чем полезно. Как Иероним в Старом Риме, так и Златоуст в Новом Риме были центром такого духовного круга.

Эти различные типы христианской женственности проявляются в правление Аркадия, первого независимого императора так называемой Восточной империи, и мы обязаны проповедям патриарха Хризостома за многие пробы их жизни. Гораздо больше, чем в Древнем Риме, влияние женщин ощущалось в правительстве Константинополя, и почти при каждой династии и на протяжении всех веков его существования мы видим замечательных дам императорского дома, играющих заметную роль как в политике, так и в религии.

Ключевую роль в этом новом движении сыграла Евдоксия, императрица Аркадия, и влияние ее личности и ее примера на преемников было заметным. Таким образом, ее карьера и карьера женщин ее времени представляют собой начальную стадию выдающегося положения христианских женщин на Востоке.

Из-за интеллектуальной слабости Аркадия, унаследовавшего восточную половину империи после смерти Феодосия Великого в 395 году, управление попало в руки его министра Руфина, порочного и скупого человека. Имея полный контроль над армией и неограниченное влияние на императора, Руфинус лелеял надежду, что и сам сможет стать носителем пурпура, как коллега Аркадия. Для достижения этой цели он разработал план женитьбы Аркадия на своей единственной дочери; став тестем императора, он мог бы стать обладателем пурпура.

Пока Руфин тайно от своих доверенных лиц вынашивал эту идею, хитрый глава противоположной партии двора, получив представление о ней, привел в движение все, чтобы обратить взор неопытного юноши на другую деву. Евнух Евтропий, главный камергер дворца, смелый старик с восточной хитростью, решил, что император должен быть связан с ним, а не с Руфином. Поэтому, пока старый воин отправился в Коринф, чтобы отомстить за нанесенную ему обиду, Евтропий обратил внимание императора на Евдоксию, девушку необыкновенной красоты, дочь Баута, выдающегося франкского полководца, воспитывавшуюся после смерти отца в семье сыновей Промота, древнеримского патриция. В то время Евдоксия находилась на заре совершенной женственности. Образование она получила под покровительством своих богатых и знатных покровителей, а по природным дарованиям, как и по красоте, ей, казалось, было предначертано судьбой стать супругой императора. Евтропий, показав ему ее портрет и восторженно описав ее прелести, воспылил в сердце молодого правителя первой страстью, и тот с готовностью включился в планы Евтропия сделать Евдоксию своей женой.

Тем временем Руфинус вернулся и подготовил церемонии королевского бракосочетания, как ему казалось, своей дочери. "Великолепный поезд евнухов и офицеров вышел в торжественной пышности из ворот дворца, неся диадему, мантию и неоценимые украшения будущей императрицы. Торжественная процессия прошла по улицам города, которые были украшены гирляндами и заполнены зрителями; но когда она достигла дома сыновей Промота, главный евнух (Евтропий) почтительно вошел в особняк, облачил прекрасную Евдоксию в императорские одежды и с триумфом проводил ее во дворец и к ложу Аркадия". Подробности церемонии показывают, что гименеальные обряды древних греков, в которых невесту насильно приводили в дом мужа, все еще практиковались, хотя и без идолопоклонства, ранними христианами.

Секретность и успех заговора привели к большому огорчению самоуверенного Руфинуса. Он остро ощущал оскорбление, нанесенное ему и его дочери, и боялся растущего могущества

Евтропия и новой императрицы. Однако он лишь крепче сжимал власть и продолжал оставаться грозным фактором в дворцовых интригах.

Императрица Евдоксия быстро приспособилась к новой жизни и продемонстрировала превосходство ума и духа, что позволило ей сохранить за своим влюбленным и молодым мужем то превосходство, которое вначале создала ее красота. Вскоре она дала понять, что не будет находиться в подчинении у интриганов, а сама станет доминирующим фактором в жизни двора. Руфин продолжал строить козни против трона Аркадия, но императрица постоянно мешала ему, помогая Евтропию, и в конце концов их контригра привела к убийству министра.

После убийства Руфина императрица пыталась удержать баланс сил между тремя политическими партиями того времени: германской партией во главе с Гайнасом Готом, которая в значительной степени охватывала военные силы империи; партией Евтропия, под контролем которого находились гражданские чиновники государства; и сенаторской партией под руководством префекта Аврелиана, который одинаково ненавидел как растущее влияние готов, так и постельное правление Евтропия. Евдоксия, естественно, склонялась к третьей из этих партий: она упорно противостояла германцам, которые под предводительством Гайнаса требовали свободы для арианского культа, и стремилась преодолеть влияние своего закадычного благодетеля Евтропия, чтобы самой иметь абсолютную власть над своим императорским мужем. Таким образом, эти трое, императрица, Евтропий и Гайнас, как замечает Ходжкин, "вели яркую игру в придворные интриги и с переменным успехом оспаривали главное место в той пустой палате, которая представляла ум императора".

Сначала Евдоксия объединилась с Гайнасом, чтобы избавиться от их могущественного соперника Евтропия, хотя своим положением она была обязана махинациям хитрого камергера. Гайнас подстрекал остготов к восстанию под предводительством их военачальника Трибигильда, а когда был послан против них, не принял никаких активных мер для подавления их набегов; готы, по наущению Гайнаса, в конце концов послали императору весть с требованием смерти Евтропия как условия их отставки. Евдоксия из дворца присоединилась к этому требованию и, представив отцу своих малолетних детей Флациллу и Пульхерию, с потоком принужденных слез умоляла его о справедливости за какое-то реальное или воображаемое оскорбление, которое она приписывала дерзкому евнуху. Слезы императрицы увенчались успехом там, где требования Трибигильда вызвали лишь колебания, и Аркадий подписал смертный приговор своему фавориту. Народ радовался падению министра, чья продажность и несправедливость вызывали ненависть народа. Евтропий бежал в церковь Святой Софии, где его защищал патриарх Хризостом. Однако нельзя было упускать столь благоприятную возможность напомнить о тщетности человеческого величия, и пока трусливый камергер лежал в унижении перед алтарем, Хризостом читал проповедь перед переполненной паствой на основе текста: "Суета сует, все суета", иллюстрируя каждый аргумент своей проповеди указанием на павшего Евтропия - вчерашнего премьер-министра императора, а сегодня затравленного преступника. В конце концов Хризостом отступился от него при условии, что он не будет предан смерти, и Евтропия сослали на Кипр; но императрица и его враги не удовлетворились ничем меньшим, чем его смерть, и впоследствии он был отозван и казнен в Халкидоне в 399 году н. э.

Вскоре после этого такая же злая судьба постигла Гайнаса, и Евдоксия осталась без соперника, который мог бы оспаривать ее власть над императором. Слабому Аркадию было позволено провести оставшиеся годы жизни в спокойствии и безмятежности под ее мягким, но абсолютным контролем. Отныне императрица была самой заметной фигурой при дворе.

Обладая безграничной властью, она, естественно, стала надменной и хищной. Наделенная редкой красотой и удивительным умом, она задавала тон придворному обществу времен правления Аркадия. К сожалению, она увлекалась всеми фриivolностями жизни и стремилась в одно и то же время пропагандировать мирскую жизнь и религию. Поэтому ее влияние на придворных дам было таково, что вызвало осуждение со стороны строгого Константинопольского патриарха Хризостома, которому мы обязаны многими взглядами на жизнь и нравы V века.

В царском дворце императрицу окружало великолепие, соперничавшее с персидским. Восточное богатство и роскошь характеризовали все его убранство. В придворной жизни того времени мы видим смешение сладострастия Востока с утонченностью греков и роскошью римлян. Тысячи евнухов, паразитов и рабов исполняли желания императрицы. В ее царских апартаментах "двери были из слоновой кости, потолки облицованы золотом, полы инкрустированы мозаикой или устланы богатыми коврами; стены залов и спален были из мрамора, а там, где использовался более простой камень, поверхность была украшена золотыми пластинами. Кровати были из слоновой кости или чистого серебра, а в менее дорогих случаях - из дерева, покрытого серебром или золотом. Стулья и табуреты обычно были из слоновой кости, а самые обычные сосуды - из самого дорогого металла; полукруглые столы или сигмы были настолько тяжелыми, что два юноши с трудом могли поднять один. Нанимались восточные повара; на банкетах царила атмосфера, наполненная ароматами Востока, а арфы и трубы музыкантов услаждали слух пирующих".

Не меньшее внимание уделялось и деталям одежды. Императрица славилась роскошью своих туалетов, которые подчеркивали ее личное обаяние и делали ее самой очаровательной дамой при дворе. Ее императорские одеяния были богатейшими, состояли из пурпурных тканей, украшенных золотом и драгоценными камнями.

Таково было внешнее великолепие двора. Епископ Синезий порицает сложный придворный этикет, который окружал императора и императрицу, ограждая их от знания внешних дел и делая жертвами евнухов и придворных. Он сурово критикует чувственное уединение, в котором они жили, и объясняет это желанием казаться полубожественными.

Некоторое представление о значении императрицы в государственных делах и о придворном этикете, соблюдавшемся при аудиенции у нее, можно получить из сохранившегося рассказа Марка Диакона, который повествует о событиях, связанных с визитом Порфирия, епископа Газы, когда он и другие прибыли в Константинополь, чтобы добиться от императора возмещения ущерба, нанесенного язычниками христианам в Палестине. Зная, что реальной властью обладает императрица, епископ обратился к ней, и повествование рассказывает о его аудиенции с ней и о том, как она добилась для него положительного ответа на его прошение. Поскольку ничто так эффективно не передает представление о нравах и укладе эпохи, как подлинные слова писателя-современника, я привожу довольно вольный перевод повествования Маркуса.

По прибытии в Византию епископ и его спутники были с почестями приняты патриархом Иоанном Златоустом, который выразил сожаление, что не может лично представить их императору, поскольку императрица возбудила против него царское негодование. Но он заручился услугами евнуха Амантия, камергера императрицы, который устроил для них аудиенцию у Евдоксии.

Амантий взял двух епископов и представил их императрице, а та, увидев их, первым делом поприветствовала и сказала: "Благословите меня, отцы", и они повиновались ей. Теперь она сидела на золотом диване и сказала им: "Простите меня, священники Христовы, по причине

моего положения, ибо мне не терпелось встретиться с вашей святостью в прихожей. Но молитесь Бога за меня, чтобы я счастливо избавилась от ребенка, который находится в моем чреве". И епископы, удивляясь ее снисходительности, сказали: "Пусть Тот, Кто благословил чрево Сарры, Ревекки и Елизаветы, благословит и укрепит дитя в твоём". После дальнейшей назидательной беседы она сказала: "Я знаю, зачем вы пришли, как объяснил мне кастрен Амантий. Но если вы желаете наставить меня, отцы, я к вашим услугам". Они рассказали ей об идолопоклонниках, о нечестивых обрядах, которые они безбоязненно совершали, и об их притеснениях христиан, которым они не позволяли исполнять общественные обязанности и обрабатывать свои земли, "с которых они платят подати твоему императорскому государству". И императрица сказала: "Не унывайте, ибо я уповаю на Господа Христа, Сына Божия, что уговорю императора сделать то, что причитается за вашу святую веру, и уволить вас отсюда с хорошим обращением. Итак, удалитесь в свое уединение, ибо вы утомлены, и молитесь Бога, чтобы Он содействовал моей просьбе". Затем она велела принести деньги и дала по три дарики святейшим епископам, сказав: "А пока возьмите это на свои расходы". И епископы взяли деньги, и обильно благословили ее, и удалились. Выйдя, они отдали большую часть денег дьяконам, стоявшим у дверей, оставив себе немного.

Когда же император вошел в покои императрицы, она рассказала ему обо всем, что касалось епископов, и просила его, чтобы языческие храмы Газы были разрушены. Но император, услышав это, пришел в ярость и сказал:

"Я знаю, что этот город посвящен идолам, но он лоялен в вопросах налогообложения и платит большую сумму в доход. Если мы внезапно навлечем на них ужас, они обратятся в бегство, и мы потеряем большую часть дохода. Но если это необходимо, то давайте наложим на них частичный удар, лишив идолопоклонников их сана и других государственных должностей, а их храмы пусть будут закрыты и больше не используются. Ибо, когда они будут со всех сторон стеснены и стеснены, они признают истину; но крайняя мера, принятая внезапно, тяжела для подданных". Императрица была очень раздосадована таким ответом, так как она была горяча в вопросах веры, но она лишь сказала: "Господь может помочь своим слугам, христианам, независимо от того, согласны мы или нет".

Эти подробности мы узнали от камергера Амантия. На следующий день Августа послала за нами и, поприветствовав по своему обычаю святых епископов, велела им сесть. И после долгой духовной беседы она сказала: "Я говорила с императором, и он был весьма огорчен. Но не унывайте, ибо, с Божьей помощью, я не смогу остановиться, пока вы не будете удовлетворены и не уйдете, преуспев в своей святой цели". И епископы совершили послушание. Тогда святой Порфиний, уязвленный духом и вспомнив слово трижды блаженного анхиерея Прокопия, сказал императрице: "Усердствуй ради Христа, и в воздаяние за твои труды Он может даровать тебе сына, жизнь и правление которого ты будешь видеть и наслаждаться долгие годы".

При этих словах императрица преисполнилась радости, и лицо ее покраснелось, и новая красота, превосходящая ту, что у нее уже была, перешла в ее лицо, ибо внешний вид показывает, что происходит внутри. И сказала она: "Молитесь, отцы, чтобы, по вашему слову, по воле Божьей, я родила ребенка мужского пола, и если это случится, я обещаю вам сделать все, о чем вы просите. И еще одно, о чем вы не просите, я намерен сделать с согласия Христа: я основал церковь в Газе, в центре города. Итак, удалитесь с миром и отдыхайте спокойно, непрестанно молясь о моем счастливом избавлении, ибо время моего заточения близко". Епископы предали ее Богу и покинули дворец, а сами стали молиться о том, чтобы она родила ребенка мужского пола, ибо мы верили в слова святого Прокопия анхиерея.

И каждый день мы приходили к святейшему Иоганну, архиепископу, и вкушали от его святых слов, более сладких, чем мед и соты. А камергер Амантий приходил к нам, иногда с посланиями от императрицы, а иногда просто с визитом. Через несколько дней императрица родила ребенка мужского пола, и его назвали Феодосием, в честь его деда Феодосия, испанца, который царствовал вместе с Грацианом. Ребенок Феодосий родился в пурпуре, поэтому при рождении он был провозглашен императором. И была в городе великая радость, и были посланы люди в города империи с благой вестью, с дарами и щедротами.

Императрица же, только что освободившаяся и вставшая с кресла своего заточения, послала к нам Амантия с таким посланием: "Я благодарю Христа, что Бог даровал мне сына благодаря вашим святым молитвам. Молитесь же, отцы, о его жизни и о моей скромной персоне, чтобы я могла исполнить то, что обещала вам, с нового согласия самого Христа, вашими святыми молитвами". И когда исполнилось семь дней ее заключения, она послала за нами и встретила нас у дверей палаты, неся на руках младенца в пурпурном одеянии. Склонив голову, она сказала: "Приблизьтесь, отцы, ко мне и к младенцу, которого Господь даровал мне по вашим святым молитвам". И она дала им ребенка, чтобы они запечатали его Божьей печаткой. И святые епископы запечатлели и ее, и ребенка печатью креста и, вознеся молитву, сели. И когда они произнесли много слов, полных сердечной боли, госпожа сказала им: "Знаете ли вы, отцы, что я решила сделать в отношении ваших дел?" (Здесь Порфирий рассказал сон, который приснился ему накануне вечером; затем Евдоксия продолжила). "Если позволит Христос, то через несколько дней ребенок будет иметь честь принять святое крещение. Тогда вы уходите и составьте прошение, вложив в него все просьбы, которые вы хотите высказать. И когда ребенок выйдет из обряда святого крещения, отдайте прошение тому, кто держит ребенка на руках; я же буду указывать ему, что делать. И я уповаю на Сына Божьего, что Он может устроить все дело по воле Своей любящей доброты". Получив эти наставления, мы благословили ее и младенца и вышли. Затем мы составили прошение, включив в него многое, не только о низвержении идолов, но и о том, чтобы святой церкви и христианам были дарованы привилегии и доходы, ибо святая церковь была бедна.

Проходили дни, и наступил день, в который юный император должен был быть освещен (*то есть* крещен). И весь город был увенчан гирляндами и облачен в одежды из шелка и золотых драгоценных камней и всевозможных украшений, так что никто не мог описать украшение города. Можно было бы увидеть жителей, многочисленных, как волны, одетых во всевозможные наряды. Но мне не под силу описать блеск этой пышности; это задача для опытных писателей, а я перейду к своей настоящей истории. Когда юный Феодосий принял крещение и вышел из церкви во дворец, вы могли видеть совершенство множества магнатов и их ослепительные одеяния, ибо все были одеты в белое, и можно было подумать, что они покрыты снегом. Возглавляли процессию патриции с иллюстраторами и всеми остальными чинами, а также военные контингенты, все несли восковые свечи, так что казалось, что на земле сияют звезды. А рядом с младенцем, которого несли на руках, шел сам император Аркадий, лицо его было радостным и более сияющим, чем пурпурное одеяние, в которое он был облачен, а один из магнатов нес младенца в блестящем одеянии. И мы дивились, видя такую славу. Тогда святой Порфирий сказал нам: "Если исчезающие вещи обладают такой славой, то насколько же более славны небесные вещи, уготованные для избранных, которых ни глаз не видел, ни ухо не слышало, ни сердцу человеческому не приходило в голову!"

И мы стояли у портала церкви с документом нашего прошения, и когда он вышел из крещения, мы громко воскликнули: "Мы просим вашего Благочестия", и протянули бумагу. И тот, кто нес ребенка, видя это и зная о нашем беспокойстве, ибо императрица наставляла его, получив ее, остановился и приказал молчать, а развернув часть, прочел ее и, сложив,

положил руку под голову ребенка и воскликнул: "Его величество приказал ратифицировать просьбы, содержащиеся в прошении". И все, кто видел, поклонились императору, поздравляя его с тем, что ему выпала честь видеть своего сына императором при жизни; и он возрадовался этому. И объявили императрице о том, что произошло ради ее сына, и она радовалась и благодарила Бога на коленях. И когда ребенок вошел во дворец, она встретила его и приняла, и поцеловала, и, держа его на руках, приветствовала императора, сказав: "Благословен ты, государь, за то, что видели глаза твои при жизни твоей". И возрадовался император. А императрица, видя его в хорошем настроении, сказала: "Прошу вас, давайте узнаем, что содержит это прошение, чтобы его содержание было исполнено".

И император приказал прочитать бумагу; и когда она была прочитана, он сказал: "Просьба трудна, но отказать в ней еще труднее, поскольку это первый наказ нашего сына". Таким образом, прошение было удовлетворено, и императрица сама проследила за тем, чтобы все его положения были исполнены; епископы вернулись в Палестину, хорошо обеспеченные средствами, получив все, что хотели, благодаря суеверию императрицы и ее умению управлять императором.

Это повествование весьма поучительно и интересно тем, что дает представление об императрице, ее внешнем благочестии, радости по поводу рождения сына, суеверном принятии пророчества анхорета и ее ловкости в уловке, которую она придумала, чтобы получить согласие императора. Это в целом приятная картина религиозной царицы и преданной матери, и мы могли бы пожелать, чтобы все ее поведение соответствовало этим высоким идеалам. Мирская сторона характера Евдоксии проявилась в открытой войне между императрицей и патриархом, которая потревожила последние годы правления Аркадия.

Иоанн Златоуст был строгим и красноречивым прелатом, изучавшим искусство риторики у Либания и привезенным Евтропием в Константинополь из Антиохии, где он уже достиг большой популярности и завидной репутации святого и красноречивого. Он был человеком святой жизни и апостольского рвения, но опрометчивым и неосмотрительным как в словах, так и в поступках. Его милосердие и красноречие сделали его кумиром народа, но его вольные высказывания оскорбляли придворные круги, а строгие манеры и автократические методы вызывали неприязнь духовенства. Он громогласно выступал против вырождения богатых классов и подробно рассказывал о пороках аристократов, к смятению императрицы и ее придворных дам и к восторгу народных масс.

О мирской жизни и плотских устремлениях Евдоксии можно судить по проповедям Златоуста, и она, естественно, задавала тон придворным дамам. Она не была лишена подозрений в преступных интригах, о чем можно судить по распространенному слуху о том, что граф Иоанн, придворный вельможа, был отцом ее сына Феодосия; но был ли это просто придворный скандал, сегодня выяснить невозможно. Учитывая, что императрица была склонна к мирскому тщеславию, мы можем представить себе характер общества, в котором она председательствовала. "Одна любопытная черта манеры достаточно ясно указывает на тон двора. У христианских дам был обычай носить вуали или ленты на лбу, чтобы скрыть волосы. Женщины, ведущие скромный образ жизни, отличались тем, что носили волосы подстриженными и зачесанными над бровями, подобно современным бахромам. Дамы при дворе Евдоксии были настолько нескромны и имели такой дурной вкус, что переняли эту моду у куртизанок. Следующим шагом, вероятно, стало то, что пример придворных повлиял на респектабельных христианских матрон, которые стали носить отвратительную бахрому". С другой стороны, актрисы и публичные проститутки в ответ стали подражать одежде освященных девственниц, и это злоупотребление пришлось пресекать законодательно. В аристократическом обществе Евдоксии особенно выделялись три дамы - Марса, вдова

Промота, дальнего родственника императрицы, Кастриция, вдова Сатурнина, и Эуграфия, также потерявшая мужа. Эти дамы, хотя уже не были молоды, были богаты и модны и старались сохранить вид молодости, уделяя неумеренное внимание цвету лица и одежде. Упоминается, что Еуграфия пользовалась румянами и белым свинцом, чтобы сохранить цвет лица, и эта привычка сурово осуждалась строгим Хризостомом. Трудно было простить проповедника, который обличал женскую склонность скрывать косметикой и одеждой свой возраст и уродство.

Кроме того, развлечения театра и светская жизнь привлекали внимание этой модной группы не меньше, чем посещение религиозных служб и внешние проявления благочестия. Христианство не подавило разврат на сцене и не улучшило нравственность в значимых местах. Златоуст жалуется на беззаконие в театре и непристойность песен, восхищавших зрителей; особенно его шокировали представления с купанием женщин. Профессиональная куртизанка, со всеми достижениями актрисы, была центром притяжения для *посетителей* театра; ей даже разрешалось загрязнять своим присутствием модные свадьбы.

Интересны и другие типы современного общества, особенно примеры амбициозных и модных дам, не принадлежащих к аристократии, которые хотели пробиться в придворный круг. Синезий дает нам образ такой дамы в знаменитой аллегории, представляющей карьеру благородного и высокоумного Аврелиана, главы партии патрициев, и его беспринципного противника, который хотел сместить его. Темой аллегории является поединок между двумя сыновьями Тельца, Осивисом и Тифосом. Осивис представляет Аврелиана, образец всего доброго и похвального; антагонист Аврелиана - Тифос, порочный, грубый и невежественный человек, сторонник германской партии. Это был распутный римлянин, который был виновен в злоупотреблениях на посту и надеялся с помощью своего нового союза вернуться к власти. У него была активная, хотя и не очень осмотнительная союзница в лице его жены, которую Синезий изображает в беременных фразах. Из-за своего тщеславия она была сама себе "шиномонтажницей", что говорит о ее чрезмерном внимании к деталям своего туалета. Она любила появляться на рынке в пышном наряде, полагая, что все взоры обращены на нее. Из-за желания иметь заполненные гостиные и быть объектом дурной славы она не закрывала двери даже перед профессиональными куртизанками, из чего можно сделать вывод, что избранное византийское общество не желало с ней знакомиться. Синезий противопоставляет ей жену Аврелиана, которая никогда не выходила из дома, и напоминает Фукидида в его сентиментальном выражении о том, что величайшей добродетелью женщины является то, что ни ее тело, ни ее имя никогда не переступают порога. Аврелиану удастся завоевать политические почести, несмотря на враждебность Тифоса и его жены, к отвращению последней, которая видела, что ее интриги ради социальных лавров потерпели поражение.

Придворные дамы и те, кто хотел ими стать, были в значительной степени преданы похотям плоти, похотям очей и гордости жизни. Строгий дух Златоуста, естественно, был оскорблен жизнью такого двора и модных и честолубивых матрон, и в своих пастырских визитах к этим великим дамам он, несомненно, обличал их в мирской суете. Более того, на своей кафедре он с доблестью проповедовал против роскоши и мирской жизни и часто дополнял свои речи, обращая свой взор на ту часть галереи, где сидела Евдоксия и придворные дамы. Его возмущало открытое осуждение их пороков, мелких и иных, и его ненавидели, как злая Иродиада ненавидела Иоанна Крестителя. Наибольшего оскорбления он достиг в проповеди, в которой императрица была открыто названа Иезавелью - заявление, которое привело к распространению необоснованного скандала о том, что она ограбила вдову с виноградником, как Ахав ограбил Навота.

Народные массы с огромным удовольствием принимали эти нападки на аристократов, и что больше всего уязвляло знатных дам, так это то, что они становились объектом порицания толпы, поскольку их совесть была достаточно закалена, чтобы глубоко проникнуть в нее под ударами проповедника. Поэтому унижение их гордости заставило их организовать заговор против Хризостома, центром которого стал дом Евграфии. Эти дамы легко нашли себе союзников. Строгость жизни и жесткая дисциплина архиепископа нажили ему немало врагов среди епископов, монахов и монахинь, поскольку он боролся с развращенностью духовенства, равно как и с коррупцией при дворе. Чувственность, скупость и эгоизм духовенства открыли им дорогу. Женщины принимались в монастыри или жили в домах священников в качестве "духовных сестер" - обычай, вызвавший большой скандал. Еще более скандальным было поведение ордена диаконисс, которые, не следуя придворной моде, украшали свои строгие одежды "с нескромным кокетством, которое делало их более пикантными, чем обычные куртизанки". Особенно сурово Хризостом относился к монахам, которые задерживались в Константинополе ради его развратных удовольствий, вместо того чтобы заниматься своими естественными делами.

Хотя у Хризостома были враги среди представительниц прекрасного пола, у него был и свой круг поклонников, которые были еще более горячими в своем внимании из-за гонений, которым он подвергался. Самой выдающейся и самой преданной из них была аристократка Олимпия, чья мать была обручена с императором, но была выдана замуж за царя Армении, а затем стала женой римского аристократа. Олимпия была известна своей благосклонностью к бедным и постоянством по отношению к Хризостому в его бедах, а ее сердечная доброта и душевная мягкость позволили ей занять место среди "хороших" женщин того времени. Другой постоянной подругой была мавританская принцесса Сальвина, которую отец отдал в заложницы Феодосию и выдал замуж за племянника императрицы. В отличие от беспокойной деятельности дам, окружавших Евдоксию, она вела тихую и мирную жизнь, посвящая себя добрым делам, и Златоуст в "Письме к молодой вдове" противопоставляет безмятежность и счастье, которыми она наслаждалась, бурной жизни своего отца.

Резкие обличения Хризостома в адрес мирских людей, его тесная дружба с Олимпией и другими дамами, которых он иногда принимал в одиночестве в своей епископской резиденции, и его уединенная, аскетическая жизнь давали повод для необоснованных обвинений. Его враги даже дошли до того, что утверждали, будто под прикрытием своих необщительных привычек он устраивал в своем доме "циклопические оргии".

Официальное путешествие, которое он совершил для регулирования дел церковью, во время которого он сместил многих недостойных епископов, вызвало много негодования против него и дало его врагам на родине возможность навредить ему. Севериан, которого он оставил на своем месте, был особым любимцем императрицы и присоединился к придворной лиге против своего начальника. По возвращении Хризостом действовал со свойственной ему решительностью. Услышав о неблагоприятном поведении своего подчиненного, он сурово и открыто обрушился на его временные отношения с императрицей и, когда Севериан стал проявлять непокорность, быстро отлучил его от церкви. Однако благодаря мольбам императрицы и императора он снял запрет и восстановил Севериана в должности.

Вскоре после этого разразилась еще более громкая буря, причем с новой стороны. Феофил, мирской прелат Александрии, был побужден придворными дамами выступить против патриарха. Он прибыл в Константинополь и поселился во дворце Плацидии, и из этого центра, а также из дома Евграфии, против Хризостома велась ожесточенная словесная война.

Императора убедили созвать синод для суда над патриархом, который был проведен за городом, благодаря силе приверженцев последнего. Хризостом был осужден собранным собранием, известным как "Дубовый синод", и официально низложен. В городе начались волнения. Хризостом удалился в Вифинию, но народ потребовал его возвращения, и он был отозван из изгнания и восстановлен в должности. Если бы он теперь придерживался политики спокойной терпимости, все было бы хорошо, но очень скоро появился повод, который заставил его предпринять новую атаку на Евдоксию. В сентябре 403 года императрице была воздвигнута серебряная статуя на колонне из порфира у пределов Святой Софии. Хризостом воспользовался случаем, чтобы сурово порицать поклонение народа, и своими замечаниями он, должно быть, смертельно оскорбил гордость императрицы, так как отныне даже мягкий император отказывался иметь какие-либо сношения с патриархом.

На следующий год состоялся новый синод, и решение Дубового синода было подтверждено. Император ратифицировал приговор, а Хризостом спокойно покорился неизбежному и удалился из города. Как только народ узнал о случившемся, последовали новые волнения, которые привели к поджогу Святой Софии и других зданий, а также к преследованию многих сторонников изгнанного патриарха. Олимпия и многие другие были приговорены к изгнанию. "Среди тех, кто избежал приговора бегством, была старая дева по имени Никарета, которая заслуживает упоминания как любопытная фигура того времени. Она была филантропом, посвящавшим свои средства делам милосердия, и всегда ходила с сундуком лекарств, которые она раздавала безвозмездно и которые, по слухам, всегда оказывались действенными".

Тем временем Хризостома перевезли в отдаленный город среди хребтов горы Тавр в Малой Армении. Он перенес много трудностей, но его поддерживало сочувствие друзей, особенно Олимпии, с которой он переписывался и которая никогда не рассказывала ему о гонениях, которым сама подвергалась за него. Однако последние годы ее жизни были омрачены ее страданиями, и Златоуст старался облегчить ее тоску своими утешительными письмами. Ее святая жизнь создала ореол вокруг ее памяти после кончины, и в более поздние времена бытовало предание, что ее обмороженное тело, по ее же указанию, было брошено в море в Никомидии, откуда его перевезли в Константинополь, а оттуда в Брехти, где оно покоится в церкви святого Фомы.

Последние годы жизни Хризостома были, пожалуй, самыми полезными: он занимался регулированием дел церквей с помощью писем. Римский папа никогда не ратифицировал его осуждение, и он был всеми любим как человек, подвергшийся несправедливым гонениям. Безжалостная императрица преследовала его в изгнании из-за его неизменной роли во всех церковных делах, и был послан приказ перевезти его в Питиус, пустынное место на юго-восточном побережье Эвксинского моря; но по пути туда он скончался от истощения на шестидесятом году жизни. Он был последним из патриархов, кто выступил против разврата и легкомыслия двора, и отныне архиепископы были лишь покорными приверженцами императора и императрицы.

Его невиновность и заслуги были признаны последующим поколением, и через тридцать лет, по настоятельной просьбе народа, останки Хризостома были привезены в Константинополь. Император Феодосий дошел с ними до Халкидона и попросил прощения у пострадавшего святого от имени его виновных родителей, Аркадия и Евдоксии.

Менее чем через четыре года после рождения сына, Феодосия, Евдоксия, в расцвете молодости и могущества, скончалась в результате выкидыша, и эта безвременная смерть опровергла пророчество Порфирия Газского, который предсказывал, что она доживет до

царствования своего сына. Благочестивые католики видели в ее безвременной кончине месть Небес за гонения на святого Хризостома; и лишь немногие, кроме императора и ее детей, оплакивали потерю мирской и честолубивой императрицы.

Х

ИМПЕРАТРИЦЫ-СОПЕРНИЦЫ - ПУЛЬХЕРИЯ И ЕВДОКИЯ

У смертного одра нежного Аркадия, которого судьба вырвала из жизни в полном расцвете сил, стояли четыре плачущие сироты самых юных лет, три девы и отрок - все слишком юные, чтобы осознать величие своей утраты. Это были семилетняя Феодосия, наследница престола, девятилетняя Пульхерия и две ее младшие сестры, Аркадия и Марина. В условиях сиротства старшая дочь, естественно, должна была чувствовать, что на ней лежит ответственность за выполнение роли матери для своих братьев и сестер, а Пульхерия обладала умственными способностями и быстро развивающейся натурой, которые как нельзя лучше подходили ей для этой задачи. К счастью, управление империей находилось в руках префекта претория Антемия, мудрого и способного советника, который выступал в качестве опекуна юного принца и его сестер и руководил их воспитанием. Вместе с патриархом Аттиком, который был их религиозным наставником и духовным советником, он предоставил им все возможные преимущества для интеллектуального и духовного роста. Пульхерия рано проявила искренний и почти мужской интеллект. Наряду с сочувственным и мистическим темпераментом святой, она обладала сильным, практическим чувством своего деда, Феодосия Великого. Поэтому она быстро обратила свое внимание на проблемы государственного управления и проявила недюжинные способности к администрированию. Обязанности опекуна брата и сестер также развили в ней врожденную любовь к властвованию, так что еще в детстве она постепенно прониклась стремлением к обязанностям и ответственности императорской власти.

В нежном возрасте четырнадцати лет Пульхерия начала завоевывать влияние в государственных делах. Гордая и честолубивая, как ее мать Евдоксия, она стремилась как можно быстрее утвердить свой авторитет; и по мере того как росли ее власть и влияние, власть Антемия постепенно переставала проявлять себя. Никакой другой гипотезой нельзя объяснить, почему Антемий в это время отошел от активных действий и не сохранил за собой пост регента, по крайней мере, до двух лет спустя, когда Феодосий, которому шел пятнадцатый год, должен был достичь совершеннолетия.

4 июля 414 года Пульхерия, дочь императора, вопреки всем прецедентам, приняла титул Августы, ранее предназначавшийся исключительно для жен императоров, и официально взяла на себя честь и обязанности регента от имени своего брата, который был еще несовершеннолетним. Она настолько прочно завоевала превосходство над юным принцем, что даже после того, как два года спустя он стал Августом, она сохранила свой титул и

продолжала оставаться реальной властью в императорском дворце; более того, в течение сорока лет она фактически была правительницей Восточной империи.

Дети Аркадия и Евдоксии унаследовали скорее религиозный темперамент отца, чем мирские склонности матери. Поэтому двор Феодосия Младшего составлял большой контраст с двором Аркадия. Пульхерия решила вести безбрачную жизнь. Решив остаться девственницей, она побудила своих сестер дать обет вечной девственности. В этом шаге их утвердил духовный отец Аттікус, написавший для принцесс книгу, в которой рассказывал о красоте холостой жизни. В присутствии духовенства и собравшегося константинопольского народа три дочери Аркадия посвятили свое девство Богу; их торжественные обеты были начертаны на скрижали из золота и драгоценных камней, которая была публично предложена в церкви Святой Софии. Благочестивые души видели в этом обете Пульхерии лишь естественный результат ее строгого благочестия и бескорыстной любви к брату, но светские историки приписывали его ее необычайному благоразумию, которое было у нее природным даром, и беспредельному честолобию - на том основании, что таким образом она могла навсегда сохранить свое превосходство над молодым принцем и, контролируя его брак, разделить его власть.

Однако своим образом жизни Пульхерия подчеркивала подлинность своего благочестия. Императорский дворец, по словам современника, приобрел характер монастыря. Все мужчины, кроме святых людей, забывших о различии полов, были отстранены от святого порога. Пульхерия и избранная группа христианских девиц образовали своего рода религиозную общину. Духовные практики проводились со строгой пунктуальностью с утра до вечера. Если раньше во дворец входили и выходили богато одетые сенаторы и офицеры в роскошных одеждах, то теперь у входа можно было увидеть черные одеяния священников и темные капоты монахов, а вместо радостных песен пиров и праздников слышалось монотонное пение псалмов. Тщеславие в одежде, которое скандализировало при дворе Евдоксии, было отброшено, и во дворце преобладала простая одежда монахинь. Принцессы не занимались личными украшениями или многочисленными суетами королевского положения, а проводили большую часть времени за ткацким станком, изготавливая одежду для бедных и нуждающихся. Они придерживались экономной диеты, но даже она прерывалась частыми постами. Таким образом, Пульхерия и ее девы не уставали в своей святой жизни и в совершении дел милосердия.

Эти внешние упражнения благочестия сопровождались роскошными благодеяниями для распространения христианской религии. На средства Пульхерии в разных частях империи были построены великолепные церкви; в Константинополе и других местах были учреждены благотворительные фонды в пользу бедных и несчастных, а на вечное содержание монашеских обществ ею были сделаны значительные пожертвования. Эта императорская святая, посвятившая значительную часть своего времени и сил исполнению религиозных обязанностей и благотворительным начинаниям, естественно, пользовалась особой благосклонностью Божества. Существует предание, что знания о местонахождении священных реликвий и предчувствия будущих событий были сообщены ей в снах и откровениях. Простые люди приписывали ей целительную силу. Добродетели Пульхерии вызывали в народе чувство восхищения, а святая жизнь дворца пробуждала и распространяла глубокое духовное влияние по всей империи.

Религия, однако, сопровождалась культурой, и Пульхерия с помощью лучших мастеров обучила своих брата и сестер всем различным отраслям знаний, приобретенных к тому времени. Под ее руководством Феодосий стал изучать естественные науки; его мастерство в письме и иллюстрировании рукописей было столь велико, что он получил имя Каллиграф.

Пульхерия приобрела изящное и привычное владение греческим и латинским языками; она демонстрировала свою интеллектуальную дисциплину и дар выражения в различных случаях, когда ей приходилось говорить или писать по государственным делам.

Однако преданность Пульхерии религии и учебе никогда не отвлекала ее неукротимого внимания от государственных дел. Она укрепляла влияние сената и поддерживала его в реформировании многих злоупотреблений, которые появились во время возвышения евнухов во дворце и борьбы с германской партией; но ее энергия была направлена главным образом на то, чтобы выступать в качестве советника императора и защищать его от интриг придворных чиновников, для которых его слабый характер делал его легкой жертвой. Она обучала брата искусству управления, но нежность ее дисциплины, похоже, делала его скорее послушным орудием в ее руках, чем независимым монархом. Возможно, она понимала, что в его характере не хватает тех элементов, которые формируют великого правителя; возможно, собственная любовь к власти ослепила ее в отношении правильного образа действий по отношению к своему доверчивому подопечному. Во всяком случае, "ее наставления могут вызвать некоторые подозрения относительно масштабов ее способностей или чистоты ее намерений". Она учила его сохранять серьезную и величественную осанку; ходить, держать мантию, сидеть на троне в манере, достойной великого князя; воздерживаться от смеха; слушать со снисхождением; давать подходящие ответы; принимать поочередно то серьезное, то спокойное выражение лица; словом, с изяществом и достоинством изображать внешнюю фигуру римского императора".

Несмотря на столь тщательное и систематическое обучение юного принца, Пульхерия не лишила его детства тех товарищей, которые придают изюминку юношеским занятиям и отдыху и стимулируют рост мужественных качеств. Она дала ему в товарищи двух ярких и энергичных юношей, Паулинуса и Плацита, с которыми он поддерживал открытую близость и которым суждено было сыграть важную роль в его правлении. Паулин стал его самым верным другом, и на долгие годы их объединили узы, напоминающие узы Дамона и Пифия. В таком окружении и под таким влиянием рос Феодосий. Однако результатом обучения Пульхерии стал правитель, который опустился даже ниже слабости ее отца и дяди. Целомудренный, умеренный, милосердный, суеверный, благочестивый, он был богат отрицательными качествами; но, будучи слабым в энергии и лишенным всякой инициативы, он стал просто добросердечным и благонамеренным, а не активным и мужественным правителем. Поэтому во всех официальных делах именно Пульхерия давала мудрость и энергию, благодаря которым первые годы правления Феодосия были такими счастливыми и мирными. Пульхерия, однако, оставалась на заднем плане и приписывала гению императора плавность, с которой вращались колеса управления, а также мягкость и процветание его царствования.

Выбор жены для Феодосия, естественно, находился в руках Пульхерии. Молодой принц, под влиянием примера отца, высказал сестре свое предпочтение в выборе супруги редкому физическому совершенству и высоким интеллектуальным способностям, а не возвышенному положению и царской крови; и Пульхерия вместе с другом детства Паулином взяла на себя задачу найти в столице или в провинциях идеал, соответствующий желаниям императорского юноши. Но пока они занимались поисками, по счастливой случайности удивительное стечение событий в языческом городе Афины определило судьбу девятнадцатилетнего правителя.

В истории Афинаиды мы имеем прекрасный роман скромной девы, вознесенной судьбой к возвышенному достоинству трона. Она была любимым ребенком Леонтия, афинского философа, который посвящал большую часть своего времени обучению дочери религии и

философии родного города и стремился воспитать в ней все то очарование манер и богатство темперамента, которые отличали греческих женщин в лучшие времена древних Афин. По преданию, старый философ был настолько уверен, что благодаря ее красоте и интеллектуальным дарованиям его дочь ждет высокая судьба, что завещал ей в наследство всего сто золотых, а основное имущество разделил между двумя своими сыновьями, Валерием и Генеzieм. Братья, будучи скупыми от природы и завидуя превосходным качествам своей сестры, обращались с ней пренебрежительно и жестоко, когда она попала в беду. Афинаис умоляла их исправить явную несправедливость и предоставить ей ее права, объясняя им, что она не заслуживает такого позора и что нищета сестры будет для них если не причиной горя, то уж точно постоянным упреком; но братья не слушали ее призывов и в конце концов выгнали ее из отцовского дома. К счастью, в Афинах жила тетка по материнской линии, которая приняла лишенную наследства девицу в своем доме и горячо поддержала ее. Она привезла Афинаис в Константинополь, где жила другая тетка, и договорилась, чтобы девица подала иск против жестокосердных братьев. Чтобы повлиять на решение, Афинаис и ее тетка добились аудиенции у Пульхерии, и так образовалась связь, соединившая судьбы молодого императора и незадачливой сироты.

Юная истица была сама себе защитником, и она так эффектно доказывала свою правоту, что Августа, очарованная проникновенностью и умением, которые обнаруживала ее речь, а также дивной красотой и скромным поведением девицы, была непреодолимо убеждена, что именно эта девушка воплощает идеалы и чаяния юного принца. И в самом деле, Афинаис была наделена физическими и интеллектуальными способностями, равных которым не было. Представьте себе девицу с высокой и стройной фигурой, редким совершенством форм, светлым цветом лица, темными и светящимися глазами, которые раскрывали сладость и тонкость духа внутри, в то время как идеальные очертания лица обрамлялись роскошными золотыми локонами, - и вы получите некоторое представление о незнакомке, которая с королевской грацией стояла перед гордой Августой. Более того, каждое слово, произнесенное ею, свидетельствовало о редкой тонкости понимания и теплоте чувств просительницы, которая во всех отношениях являла собой идеальный образ симметрично развитой девы. Как только Пульхерия убедилась, что Афинаис из хорошей семьи и до сих пор не замужем, она приступила к осуществлению своих планов в качестве царской свахи. Рассказом о прелестях греческой девы она возбудила любопытство брата, и этот рассказ вызвал у молодого принца живое нетерпение увидеть Афинаис. Он попросил сестру устроить так, чтобы он мог незаметно увидеть девицу, и Пульхерия с готовностью разработала план. Спрятав Феодосия и Паулину за гобеленами в своих апартаментах, она позвала Афинаис к себе для дальнейшей беседы. Афинаис вошла в комнату, и юноши были так очарованы ее видом, что Феодосий, очарованный девой с первого взгляда, захотел сделать ее своей невестой.

Каковы же были эмоции лишенной наследства сироты, когда Августа, вместо того чтобы удовлетворить ее прошение, сообщила ей, что она выбрана в невесты императора? Препятствие к союзу было только одно - языческая вера прекрасной афинянки. Завоевывая ее сердце для себя, благочестивый Феодосий стремился завоевать ее душу для Спасителя. Патриарху Аттику была поручена приятная задача - убедить прекрасную деву в заблуждениях язычества и направить ее дух на путь вечной истины. Чистое сердце нежной Афинаиды оказалось легко восприимчивым к красотам христианского учения; воды крещения должны были удалить из ее естества последние остатки языческого неверия; и в соответствии с пожеланиями своего суженого обращенная Афинаида получила при крещении имя Евдокия.

Наконец, 7 июня 421 года царские бракосочетания были отпразднованы с большой помпой, под всеобщее ликование. Однако благоразумная Пульхерия не давала невесте императора титул Августы, пока союз не был благословлен рождением дочери, которую назвали Евдоксией, в честь ее бабушки, и которая пятнадцать лет спустя стала женой Валентиниана III, правителя Западной империи.

Братья Евдоксии вполне заслужили негодование новой императрицы. Они бежали из Афин, узнав о возвышении своей презируемой сестры, но она разыскала их и привезла в Константинополь. Они вошли в ее присутствие дрожащими и смущенными; но вместо того чтобы наказать их, как они считали, что вполне заслуживают этого, Евдокия приняла их дружелюбно и простила им их низкое поведение. Рассматривая их как бессознательные инструменты своего возвышения, новая императрица предоставила им часть высших государственных должностей.

Став христианкой, Евдокия посвятила свои таланты чести религии и славе мужа. Она написала религиозные поэмы, которые стали предметом восхищения эпохи. Она написала поэтический пересказ пяти книг Моисея, Иисуса Навина, Судей и Руфи, а также пророчеств Даниила и Захарии. Три книги стихов она посвятила легенде о святом Киприане, который стал мучеником во время гонений, начатых Диоклетианом. Она написала панегирик на персидские победы Феодосия; из-под ее пера сохранилось cento гомеровских стихов, рассказывающих о жизни и чудесах Христа. Она также явно оказала сильное влияние на основание Константинопольского университета, если судить по преобладанию в нем греческих кафедр. Она также всячески поощряла развитие греческой письменности, а поддержка, которую она оказывала греческим поэтам и литераторам, вызывала возмущение узких религиоведов, считавших все греческое языческим.

Своей красотой и энергичностью Евдокия быстро одержала верх над слабым, но благородным сердцем императора, у которого теперь было два господина - его сестра и жена. Новая императрица, несмотря на свою преданность религии, все еще сохраняла некоторые языческие наклонности, и монастырская жизнь двора начала претерпевать изменения. И императрица-сестра, и императрица-жена были дамами с сильной волей, и Евдокия постепенно становилась все менее чувствительной к благодарности, которой она была обязана Пульхерии за ее возвышение. Поэтому, когда каждая из августейших особ пыталась добиться своего, в императорской семье начались раздоры. Интригирующие придворные и епископы знали, как воспользоваться разладом чувств в королевском доме, и, хотя публичных вспышек не было, колеса управления не работали так гладко, как при неоспоримом господстве Пульхерии. Соперничество и разногласия при дворе между двумя императрицами особенно ярко проявились в религиозных спорах того времени, и в первую очередь в так называемой несторианской ереси о двойственной природе Христа. Пульхерия на протяжении всей своей жизни выступала против несторианства, как и против любого учения с привкусом греческой метафизики, в то время как Евдокии приписывают роль сторонницы нового учения. Кирилл, епископ Александрии и главный противник Нестория, не оставлял попыток заручиться благосклонностью и поддержкой Пульхерии, в то время как церковники противоположной партии, несомненно, пытались сделать то же самое с Евдокией.

Результатом этого конфликта мнений между императрицами-соперницами стало то, что политика Феодосия постоянно колебалась; он не был последователен ни в ортодоксии, ни в гетеродоксии. Сначала он был приверженцем Нестория и довольно резко реагировал на призывы Кирилла, но затем полностью перешел на противоположную сторону - это свидетельствует о том, что влияние Пульхерии снова стало преобладать.

Так прошли первые полтора десятилетия правления Евдокии. Наконец в 438 году произошло событие, представлявшее огромный интерес для всего римского мира, - брак принцессы Евдокии с Валентинианом III, императором Запада. Поскольку казалось вероятным, что Евдокия никогда не родит Феодосию сына, союз двух царствующих домов означал возможное воссоединение империи под властью одного императора, если у новоиспеченной супружеской пары родится сын. Возможно, почувствовав себя одинокой после замужества и отъезда дочери, а возможно, устав от придворных интриг, Евдокия, с согласия императора, вскоре после этого предприняла торжественное паломничество в Иерусалим, чтобы исполнить свои обеты и воздать благодарность божеству за благополучие дочери.

В сопровождении царского кортежа, состоящего из придворных, евнухов и рабов, императрица Евдокия отправилась в путь. Ее показное продвижение по Востоку вряд ли соответствует духу христианского смирения. Одним из самых впечатляющих событий ее путешествия стало пребывание в Антиохии, метрополии Дальнего Востока. Здесь она произнесла перед сенатом с золотого трона, усыпанного драгоценными камнями, красноречивую греческую речь, которая считалась чудом эллинской риторики. В Антиохии, вероятно, гораздо больше, чем в Константинополе или Александрии, ценили греческую культуру и искусство, и многие знаменитые риторы того времени имели в этом городе свои лекционные залы, куда стекались восторженные студенты; а самой культурной аудитории метрополии было даровано присутствие императрицы, славящейся своим афинским происхождением, обученной всем видам греческого риторического искусства и сочетающей в своей личности все самое приятное, что было в языческой и христианской культуре. Последние слова речи Евдокии - цитата из Гомера - как говорят, вызвали продолжительные аплодисменты:

ταῦτ' ἐγὼ τοῖς γενεῇς τε καὶ αἵματι εὐχομαι εἶναι - Iliad Z 211.

"Я хвалюсь тем, что принадлежу к твоему роду и крови".

Евдокия также была щедра в своих дарах городу. Она побудила императора расширить его стены, а сама пожертвовала двести фунтов золота на восстановление общественных бань. Она милостиво приняла статуи, которые были поставлены ей в благодарность за ее щедрость: золотую статую, установленную в курии, и бронзовую - в музее. Для императрицы, с ее прежней любовью к священным традициям города фиолетовой короны, ее восторженный прием в самом эллинизированном городе Востока, должно быть, был самым приятным событием.

Из Антиохии императрица, вероятно, последовала по дороге паломников в Святую землю. Там с удвоенной целомудренностью души новообращенная посетила места, освященные страданиями и славой Спасителя. Из Вифлеема, где Мать нашла приют в хлеву, а там "в яслях положили" новорожденного Искупителя, чтобы принять поклонение пастухов, через страну, по которой Господь путешествовал в Своей миссии, пока, наконец, она не увидела гору Голгофу и не взглянула на место Гроба Господня, ныне отмеченное христианским храмом, воздвигнутым Еленой. Ее присутствие заставляет вспомнить о визите этой Елены, матери императора Константина, за сто лет до этого, но греческая матрона, должно быть, смотрела на это с совершенно другими чувствами. Она выросла в философских садах Афин, среди великолепия Парфенона и множества прекрасных произведений искусства, созданных греческим гением, и в своем новом доме в Константинополе она не совсем отвыкла от традиций своей юности. В ярком контрасте с древними Афинами она увидела город, чьими ценными памятниками были часовни, возведенные на местах, освященных следами Христа и

мощами святых и мучеников. В этот город она пришла как христианская паломница, и ее благочестие духа свидетельствовало о том, что ее языческая культура, которой она простиительно гордилась, была посвящена религии, которую она исповедовала, а ее стремление облегчить страдания бедных и несчастных доказывало, что она усвоила урок заботы о других на примере Учителя.

Ее милостыня и благочестивые фонды в Святой Земле превзошли даже милостыню великой Елены, и обездоленные жители страны имели основания быть благодарными императрице за ее беспредельную либеральность. В ответ на свое усердие она получила осознанное удовлетворение, вернувшись в Константинополь с некоторыми из самых священных реликвий Церкви - цепями святого Петра, мощами святого Стефана и портретом Девы Марии, предположительно, кисти святого Луки. Мощи первомученика были торжественно помещены в часовню святой Лаврентии, и благочестие императрицы снискало ей любовное восхищение благочестивого населения.

Но это паломничество в Иерусалим с многочисленными знаками привязанности ее подданных и триумфальное возвращение в столицу ознаменовали конец славы афинской девы как императрицы Востока. Затем начались соперничество и конфликты, которые в конце концов привели к падению Евдокии. Чтобы понять их, мы должны прежде всего принять во внимание разницу в темпераменте двух императриц. Пульхерия была по сути римлянкой, Евдокия - гречанкой. Пульхерия принадлежала к ортодоксальной партии, которая строго осуждала все, что хоть в малейшей степени напоминало язычество; Евдокия поощряла греческое искусство и литературу и доброжелательно относилась к ересям, которые были продуктом греческих спекуляций. Пульхерия была пуританкой и строгой в своем образе жизни, в то время как Евдокия любила наряды и невинное веселье, характерное для женщин ее расы. Было совершенно невозможно, чтобы две женщины с такой разницей в темпераментах жили в полной гармонии под одной крышей.

Кроме того, за время отсутствия Евдокии в жизнь дворца заметно вошел новый фактор. Влияние евнухов, столь заметное в правление Аркадия, в первые годы правления Феодосия не давало о себе знать из-за возвышения двух женщин, но с годами оно постепенно набирало силу. Антиох был первым камергером, который стал влиятельным, а после его падения евнух Хрисафий, благодаря своей красоте и привлекательным манерам, завоевал расположение Феодосия и овладел искусством склонять императора к своей воле. Хрисафий также знал, как настроить обеих императриц друг против друга, чтобы добиться своих целей.

Кажется вполне вероятным, что сразу после возвращения из Иерусалима супруга императора как никогда доминировала при константинопольском дворе. Важным свидетельством этого является выдающееся положение одного из ее фаворитов в 439-441 годах - Кира из Панополиса, известного поэта, "грека" по вере, изучавшего искусство и литературу. Он завоевал огромную популярность во время своего долгого пребывания на посту префекта города. Он восстановил Константинополь после разрушительного землетрясения с таким размахом, что люди однажды воскликнули в цирке: "Константин построил город, а Кир его обновил".

Тип культуры, представленный Киром и Евдокией, и явная симпатия между ними сильно оскорбляли строго ортодоксальных людей, которые считали христианским долгом разорвать все связи с язычеством, а всякую терпимость к музам и грациям более прекрасного прошлого считали отвратительным грехом. Эта религиозная партия нашла свой идеал и свое вдохновение в Пульхерии, и она, как следствие, стала их естественным лидером. Таким образом, как их природные склонности, так и рвение их последователей заставили двух

императриц вступить в соперничество, которое могло быть разрешено только отставкой или падением одной или другой из них.

Вскоре после своего возвращения Евдокия в союзе с Хрисафием, похоже, сумела ослабить влияние Пульхерии. Она так тщательно контролировала своего слабого, но любящего мужа, что Пульхерия удалилась из дворца в уединение на своей вилле в Хебдомоне, и даже утверждалось, что Феодосий по просьбе жены подумывал о том, чтобы сестра приняла сан дьяконицы, так что ей пришлось бы отказаться от светской власти. Так Евдокия на некоторое время испытала острое наслаждение от единоличной и неоспоримой власти. Но отставка Августы, которая столько лет пользовалась огромным влиянием при дворе, стала тем самым шагом, который пробудил ортодоксов и заставил их предпринять всевозможные интриги, чтобы погубить Евдокию и вернуть Пульхерию. В результате, после короткого периода единоличного господства, Евдокия упала с высочайших высот верховной власти в глубочайшие глубины унижения и печали.

Ортодоксальная партия, с ловкостью, которая сбрасывала со счетов цели знати, использовала ревность Феодосия как рычаг для свержения красивой и талантливой императрицы. Паулин был другом детства Феодосия, и их близость росла с годами. Он горячо одобрил решение принца сделать афинскую деву своей женой и выступил в качестве шафера на свадебном торжестве. Благодаря дружеским отношениям между этими двумя людьми Паулин свободно общался с императором и императрицей, не стесненный ограничительными узами придворного этикета, а его отношения с Евдокией всегда носили самый дружеский и открытый характер. Эти отношения враги Евдокии использовали для достижения своих целей, и их попытка увенчалась успехом. Уместно рассказать об этой истории словами Иоанна Малалы, самого раннего летописца, который ее зафиксировал:

"Случилось так, - рассказывает летописец, - что когда император Феодосий направлялся в церковь *In Sanctis Theophaniis*, начальник канцелярии Паулинус, будучи нездоров из-за болезни ноги, остался дома и оправдывался. Но некий бедняк принес Феодосию фригийское яблоко огромного размера, и император удивился ему и весь его двор. И сразу же император дал сто пятьдесят номисматов тому, кто принес яблоко, и послал его Евдокии Августе; а Августа послала его Паулину, начальнику канцелярий, как другу императора. Паулин же, не зная, что император послал его императрице, взял его и послал императору Феодосию, когда тот входил во дворец. И когда император получил его, он узнал его и спрятал. И, призвав Августу, он спросил ее, сказав:

"Где яблоко, которое я послал тебе?". И она сказала: "Я съела его". Тогда он заставил ее поклясться своим спасением, съела ли она его или послала кому-то; и она поклялась: "Я никому не посылала его, но съела его". Тогда император велел принести яблоко и показал ей. И возмутился он против нее, заподозрив, что она увлеклась Паулином, и, послав ему яблоко, отреклась от него. И за это Феодосий предал Паулину смерти. Императрица Евдокия была опечалена и считала себя оскорбленной, так как повсюду было известно, что Паулина убили из-за нее, ибо он был очень красивым юношей. И она попросила императора, чтобы он позволил ей пойти в святое место помолиться, и он позволил ей, и она спустилась из Константинополя в Иерусалим, чтобы помолиться".

По мнению Грегоровиуса, фригийское яблоко Евдокии ускользает от интерпретации так же, как и эдемское яблоко Евы, но Бьюри объясняет эту историю как пример восточной метафоры. Он вспоминает параллель с ней в "Арабских ночах" и предполагает, что ее зародышем мог быть аллегорический способ выражения, в котором кто-то тайно рассказывал историю предполагаемой интриги. В эллинистической романтике яблоко было

обычным любовным подарком и, будучи преподнесенным женщиной мужчине, означало признание в любви. Поэтому, поскольку в основе рассказа лежала любовная связь Паулина и императрицы, можно представить себе, как привыкший к восточным аллегориям человек скажет или напишет, что Евдокия отдала Паулину свое драгоценное яблоко, символизируя тем самым, что она отказалась от своего целомудрия.

Такова легенда о падении императрицы. Достоверно известно лишь то, что в это время между мужем и женой наметился разлад, а Паулин, друг детства и самый доверенный человек императора, был предан смерти по императорскому приказу в 440 году.

История, кажется, вправе сделать вывод, что, вероятно, обвинение, правдивое или ложное, в преступной связи между Евдокией и Паулином привело к опале императрицы и казни министра; однако все вероятности говорят в пользу невиновности Августы. Евдокии уже исполнилось сорок лет, когда произошел разрыв с ее мужем, а Паулин был чиновником зрелых лет. Поведение обоих всегда было безупречным, и практически невозможно представить, чтобы кто-то из них совершил неблагоприятный поступок в столь позднее время.

В течение двух или трех лет после казни Паулинуса императрица оставалась при дворе, но при каких обстоятельствах и в каком отношении к императору она находилась, нам неизвестно. Однако очевидно, что ее власть угасла. Чувствуя себя все более и более отодвинутой на задний план и постоянно находясь под наблюдением враждебных глаз, она, естественно, сочла жизнь в Константинополе невыносимой и стала стремиться туда, где, вдали от суматохи и интриг мира, она могла бы посвятить себя уединению и благочестивым занятиям. Поэтому она попросила у императора разрешения удалиться в Иерусалим и провести там остаток своей жизни. После того как нежные узы любви, двадцать лет соединявшие афинскую деву и царственного принца, были однажды жестоко разорваны, не было причин отказывать ей в просьбе, и Евдокия получила привилегию удалиться в священные места, уединение и религиозная атмосфера которых уже пришлись ей по душе.

Так, спустя несколько лет после первого посещения святого города, Евдокия удалилась туда на постоянное место жительства. Но какой контраст произошел за несколько лет! С какими разными чувствами она теперь посещала святыни! Тогда - любимая жена, счастливая мать, всепобеждающая императрица! Теперь - добровольная изгнанница, дискредитированная жена, императрица только по имени! Феодосий оставил ей царские почести и богатые средства для ее положения, так что она могла не только иметь умеренное учреждение в Иерусалиме, но и украсить город благотворительными учреждениями. Однако и здесь ее преследовали ненависть врагов и ревность императора. Несмотря на то, что она находилась далеко от Константинополя, придворные шпионы следили за каждым ее движением и докладывали императору о ее жизни и делах, и в своей злобе они донесли до него такие клеветнические сведения, что он в 444 году, с вновь пробудившейся ревностью, приказал казнить двух святых людей - пресвитера Севера и диакона Иоанна, которые были фаворитами Евдокии в Константинополе и последовали за ней в Иерусалим, - по приказу Сатурнина, ее камергера. Однако это жестокое деяние не осталось безнаказанным, так как Евдокия не вмешалась, когда Сатурнин во время монашеского бунта или от рук наемных убийц лишился жизни. Феодосий наказал ее за это с излишней суровостью, сместив всех офицеров, которые при ней состояли, и низведя ее до рядовой должности.

Остаток жизни Евдокии, шестнадцать долгих лет, прошел в затворничестве и святых упражнениях. На нее сыпались неприятности. Ее единственная дочь, чье будущее после брака с Валентинианом выглядело столь многообещающим, также лишилась своего царского положения и была уведена в плен из Рима в Карфаген. Ей пришлось вынести все

оскорбления, которые могли выпасть на долю той, кто из верховной власти был низведен до частного положения. Но в утешении религии и в самоотверженной преданности другим, более несчастным, Евдокия находила утешение в своей горе. Наконец, на шестьдесят седьмом году жизни, испытав все превратности человеческой жизни, дочь философа скончалась в Иерусалиме, предсмертным вздохом подтверждая верность своим брачным обетам и прощая всех, кто ее обидел.

В Константинополе падение и изгнание Евдокии вновь вывело Пульхерию и ортодоксальную партию на авансцену. Любящий поэзию Кир, глава греческой партии, был лишен своего поста и вынужден подчиняться приказам; в Константинополе возобновился аскетизм, характерный для первых лет господства Пульхерии. С этого времени Пульхерия и ортодоксы контролировали придворную жизнь и доминировали в империи. Наконец, в 450 году Феодосий был смертельно ранен на охоте, и после его кончины Пульхерия была единогласно провозглашена императрицей Востока. Ее первым официальным актом стало народное правосудие, а также личная месть - казнь хитрого и алчного евнуха Хрисафия. Повинуясь ропоту народа, который возражал против того, чтобы женщина была единоличной правительницей империи, она выбрала себе императорского супруга в лице Марциана, пожилого сенатора, который уважал девственные обеты и высшее положение своей жены. Он был торжественно облачен в императорский пурпур и во всех отношениях доказал, что соответствует требованиям своего возвышенного положения.

Через три года Пульхерия скончалась. Своей строгой жизнью, делами милосердия, отстаиванием ортодоксии она заслужила хвалебные отзывы Церкви, но главным ее качеством была любовь к власти, которая принесла много зла. Мы, естественно, сочувствуем прекрасной и одаренной Афинаис, гречанке по рождению, темпераменту и культуре, но христианке по религиозному пылу и благочестивой практике, чье личное обаяние давало ей власть, которую она вполне заслуживала, пока более сильная натура Пульхерии, используя подлые средства, не погубила ее.

В течение четырех лет после смерти Пульхерии Маркиан продолжал удерживать верховную власть; наконец, в 457 году он тоже пришел к своему концу, и вместе с Маркианом дом Феодосия Великого перестал царствовать в новом Риме.

XI

ИМПЕРАТРИЦА ФЕОДОРА

В истории литературы найдется немного более странных эпизодов, чем судьба Феодоры, знаменитой супруги императора Юстиниана. Для нас в наши дни она - Магдалина, вознесенная на трон Сезаров, красивая и развратная актриса, внезапно вознесенная причудой судьбы, чтобы управлять судьбами Римской империи. Все это связано с удивительным открытием, сделанным Николаем Алеманном, библиотекарем Ватикана, в конце семнадцатого века, "Тайной истории" Прокопия, работы, которая якобы раскрывает частную жизнь византийского двора во времена Юстиниана. До публикации этого труда

Феодора в общественном мнении была известна прежде всего тем, что занимала видное место в царствование Юстиниана. О ее ранней жизни ничего не известно, но с момента восшествия на престол она оказывала суверенное влияние на императора. В важных кризисных ситуациях она проявляла восхитительную твердость и мужество. Она принимала активное участие в придворных интригах и религиозных спорах той эпохи, и ее проницательности император приписывал многие из своих самых счастливых вдохновений в законодательстве. Церковные историки обвиняли ее в серьезных уклонениях в ересь и в том, что она наложила руки на священную особу папы; но при всей их язвительности никогда не было в ходу клеветы, затрагивающей ее личный характер. Таково краткое резюме истории Феодоры, дошедшей до нас в неизменном виде в течение тысячи лет.

И вдруг миру было сделано потрясающее открытие, касающееся ранее неизвестного периода жизни Феодоры. Алеманнус выкопал из архивов Ватиканской библиотеки, где она долгое время пролежала забытой, *Arcana Historia*, которая якобы принадлежит перу знаменитого историка войн и эдификаций Юстиниана. Отредактированная с помощью ученого комментария враждебного критика, работа сразу же получила широкое распространение и всеобщее доверие. Впервые характер прославленной императрицы был представлен в самых черных красках. Казалось, мир действительно заблуждался в своих оценках. Предшественники и ранняя жизнь Феодоры носили самый мерзкий характер, а ее общественная жизнь отличалась жестокостью, скупостью и чрезмерностью. С момента публикации этой *скандальной хроники* и благодаря язвительному пересказу Гиббоном самых гнусных ее частей Феодора была осуждена. Ее имя стало коннотацией для всех развратных пороков, известных в высшей жизни. Одиннадцать веков молчания были пропущены, и аляповатая картина "Тайной истории" сформировала представление современного мира о самой прославленной императрице Рима.

Поэтому важной проблемой становится попытка отличить Феодору историческую от Феодоры романтической. Мы должны выяснить, справедливо ли поразительные "анекдоты" "*Тайной истории*" вытесняют оценки и традиции столь давнего периода. Была ли Феодора великой куртизанкой, какой ее представляют в современной драме, или же она была великой императрицей, достойной уважения и восхищения Юстиниана и последующих эпох? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны сначала кратко рассмотреть легендарную историю Феодоры, а затем более подробно остановиться на подлинной истории императрицы. Она заслуживает отдельного рассказа, поскольку представляется личностью необычайно оригинальной и сильной, обладающей как качествами государственного деятеля, так и уникальными чертами женщины, персонажа весьма сложного и на редкость интересного в психологическом плане. В первые годы VI века в Константинополе жил бедняк по имени Акаций, уроженец острова Кипр, который ухаживал за дикими зверями, содержащимися зеленой фракцией города, и по роду своей деятельности носил титул "Хозяин медведей". Этот Акаций был отцом Феодоры. После смерти он оставил на милость мира вдову и трех беспомощных сирот - Комито, Феодору и Анастасию, старшей из которых не было еще и семи лет. На одном из торжественных праздников эти трое детей были отправлены своей обездоленной матерью в театр, одетые в одежды сторонников. Зеленая фракция презирала их, а голубая сжалилась и облегчила их страдания, и это различие в обращении произвело глубокое впечатление на ребенка Феодоры, которое отразилось на ее дальнейшем поведении. По мере того как девицы становились все старше и красивее, мать готовила их к театральной карьере. Сначала Феодора следовала за Комито на сцене, играя роль камеристки, но со временем она проявила свои таланты самостоятельно. Она не стала ни певицей, ни танцовщицей, ни флейтисткой, но играла в *вивантах*, где ее красота проявлялась в полной мере, и в пантомимах, где ее живость, грация и жизнерадостность

вызывали смех и аплодисменты во всем театре. Она была, если верить панегиристам, самой красивой женщиной своего века. Прокопий, лучший историк того времени, говорит, что "простому человеку было невозможно описать ее красоту словами или подражать ей в искусстве". "Черты ее лица были тонкими и правильными; цвет лица, хотя и несколько бледный, имел естественный оттенок; каждое ощущение мгновенно выражалось живостью ее глаз; ее легкие движения демонстрировали грации маленькой, но изящной фигуры; и любовь или преклонение могли бы провозгласить, что живопись и поэзия не в состоянии обрисовать безупречное совершенство ее форм". К сожалению, у нас нет ни одного изображения, передающего ее утонченную красоту. Знаменитая мозаика в Сан-Витале в Равенне - лучшее достоверное изображение императрицы, но мозаика может дать лишь небольшое представление об оригинале.

Но кроме красоты Феодора обладала и другими достоинствами: она была умна, полна *чувства*, остроумна. Однако при всех этих дарованиях в ней ощущался недостаток нравственного чувства и природная склонность к удовольствиям во всех их проявлениях. Как ни печально признавать, ее чары были порочны. Если верить "Тайной истории", ее похождения были многочисленны и скандальны; по пикантному выражению Гиббона, "ее благотворительность была всеобщей". Прокопий рассказывает о незабываемых ужинах после театра и *tableaux vivants*, которые были бы исключены из самых развратных современных сцен. После бурной карьеры в столице в качестве царствующей фигуры деми-монда Феодора внезапно исчезла. Она соблаговолила сопровождать в свою провинцию некоего Эцебола, назначенного правителем африканского Пентаполя. Но этот союз оказался скоротечным. Она то ли бросила своего возлюбленного, то ли была покинута им, и некоторое время прекрасная Киприана, настоящая жрица божественной Афродиты, совершала бесчисленные завоевания во всех великих городах Востока. Наконец она вернулась в Константинополь, к местам своих первых подвигов, будучи тогда в возрасте между двадцатью и двадцатью пятью годами. В самом горьком унижении некое видение нашептало ей, что ей суждена великая карьера.

Устав от любовных приключений и бродячей карьеры, она с этого момента начала вести уединенную и непорочную жизнь в скромном особняке, где разбавляла свою бедность женским занятием - прядением шерсти. Именно в этот момент счастливая случайность поставила на ее пути патриция Юстиниана. Очарованный ее красотой и женскими грациями, этот степенный, деловой и исключительно практичный человек, уже отмеченный как преемник империи своего дяди Юстина, пожелал сделать прекрасную Феодору своей женой. Но на пути к этому стояли препятствия. Императрица Евфимия наотрез отказалась принять исправившуюся куртизанку в качестве племянницы; собственная мать Юстиниана, Вигилантия, опасалась, что бойкая и красивая светская львица развратит ее сына. Говорили даже, что в это время законы Рима запрещали брак сенатора с женщиной подневольного происхождения или театральной профессии. Но Юстиниан остался непреклонен. Вскоре умерла императрица Евфимия, Юстиниан преодолел сопротивление своей матери, и Юстина убедили принять закон, отменяющий жесткие законы древности, и сделать Феодору патрицианкой.

Вскоре последовало торжественное бракосочетание Юстиниана и Феодоры; и когда в 527 году Юстиниан официально соединился со своим дядей на троне, Феодора также была торжественно коронована в Святой Софии руками патриарха как равная и независимая коллега в суверенитете империи, а епископы и чиновники принесли присягу верности от совместного имени Юстиниана и Феодоры; В то время как на Ипподроме, месте ее прежних триумфов, дочь Акакия принимала как императрица поклонение населения.

Таков, согласно "Тайной истории", роман о Феодоре. Причина, по которой ему было оказано всеобщее доверие, заключается в том, что это произведение якобы принадлежит перу современника, величайшего историка своей эпохи, который утяжелил свои обвинения акцентами и деталями, а также в том, что пересказ получил убедительное одобрение Алеманна и Гиббона. Принцип, которым руководствовался Гиббон, заключался в следующем: "В этих странных анекдотах часть может быть правдой, потому что вероятно, а часть - правдой, потому что невероятно. Прокопий должен был знать первые, а вторые он вряд ли мог придумать". Успокоенные этим аргументом и соблазненные мужским вкусом к приключениям, большинство историков благодушно приняли эту пикантную историю и наделили Феодору самыми мерзкими эпитетами. Но последние авторы, особенно Дебидур, Ранке, Маллет, Бьюри и Диль, не считают дело доказанным и путем тщательного анализа "*Тайной истории*" приводят убедительные аргументы против предполагаемого авторства этого произведения и подлинности его повествования.

Эти более поздние авторы обратили внимание на внутренние доказательства неправдоподобности изображения Феодоры. В изложении имеются вопиющие несоответствия с другими работами Прокопия, а также несоответствия внутри самих анекдотов. Многие истории, рассказанные о Юстиниане, явно передернуты и продиктованы изобретательским злым умыслом, и это портит все повествование. Кроме того, вопрос о брачном законодательстве триумфально отброшен. Эдикт, отменяющий древнеримский закон, был принят через семь лет после вступления Юстиниана на престол и соответствовал другим законодательным актам, вдохновленным Феодорой, направленным на улучшение положения женщины. Внешние свидетельства также были тщательно просеяны.

Юридическая максима: *Testis unus, Testis nullus* - применима как в истории, так и в праве. Одиноким свидетели рассказывают самые невероятные истории. Нигде у других историков нет ни малейшего свидетельства в пользу рассказов о разгульной жизни Феодоры. Эти истории не могли иметь под собой иного основания, кроме народной молвы; как же так получилось, что ни одна хроника не упоминает о них? Православные церковники яростно нападают на ересь Феодоры, говорят о ней как о враге Церкви, но ни слова не пишут против ее частной репутации. Историки без меры осуждают некоторые черты правления Юстиниана, останавливаются на других недостатках Феодоры, но ни слова не говорят о ее распутстве. Почему же все остальные авторы молчат о темных местах в истории Феодоры? Даже "*Тайная история*" не утверждает ничего безнравственного в отношении нее после замужества: почему же мы должны серьезно относиться к ее свидетельству о более раннем периоде жизни? Молчание всех других хроник о необычайных происшествиях, которые, если они правдивы, должны были быть общеизвестны, ставит под сомнение все повествование и выставляет его в свете позорной клеветы.

И вот последний аргумент. Юстиниан был не юнцом, когда женился, а трезвым тридцатипятилетним джентльменом, наследником престола, который должен был поддерживать доброе расположение народа. Стал бы он в столь ответственный момент устраивать столь позорный скандал? И разве могла бы женщина столь отъявленного распутства взойти на трон без протеста со стороны патриарха, епископа, сенаторов или населения? Внешняя жизнь византийского народа, благодаря влиянию христианства, обычно была правильной. Чуть позже один из императоров лишился трона из-за того, что развелся с одной женой и взял другую. Триумфальное восхождение Феодоры на трон без единого протестующего голоса - убедительное доказательство того, что никакой большой скандал не запятнал ее репутацию.

Однако, с другой стороны, панегиристы никогда не превозносили Феодору как святую. Она не была ни Пульхерией, ни Евдокией. Многие черты характера императрицы вполне согласуются с тем, что ее ранняя жизнь не прошла среди ложа роз и не была полностью свободна от искушений. Поэтому, если свести эту историю к минимуму, кажется вероятным, что Феодора была неясного и низкого происхождения, что какое-то время она была связана с византийской сценой и что, благодаря своей красоте, уму и сильной личности, она была поднята из нищеты, чтобы разделить трон Юстиниана. Но какой бы ни была ее карьера, ее жизнь была достаточно честной, чтобы сохранить видимость, и Юстиниан смог сделать ее своей женой без скандала.

Поворот судьбы, вознесший Феодору из скромного положения на императорский трон, сильно взволновал народное воображение, и вокруг ее имени сложился целый цикл легенд. Чужестранцу в Византии XI века показывали место, где стоял скромный домик, превращенный в величественную церковь, посвященную духу благотворительности, и рассказывали историю о том, как великая императрица, приехавшая с родителями из родного города на Кипре, содержала себя в почетной бедности прядением шерсти, и как именно здесь патриций Юстиниан, привлеченный славой ее красоты и образованности, сватался к ней и завоевал ее в качестве невесты. Как бы мало значения мы ни придавали этому преданию, оно показывает, что в Константинополе народная оценка Феодоры не была такой, как в *"Тайной истории"*. Славянские традиции двенадцатого и тринадцатого веков не только рассказывают о ее дивной красоте, но и повествуют о том, что она была самой царственной, самой культурной, самой ученой из женщин. Сирийские традиции еще более лестны. В своем благочестивом почитании благочестивой императрицы, поддержавшей их дело, эти монофизиты XIII века называют отцом Феодоры не бедняка, охранявшего медведей на Ипподроме, а благочестивого старого джентльмена, возможно, сенатора, приверженца монофизитской ереси, и утверждают, что когда Юстиниан, очарованный красотой и умом юной девы, потребовал ее руки, добрый отец не соглашался, чтобы она вышла замуж за законного наследника, пока тот не пообещал не вмешиваться в ее религиозные убеждения.

Однако западный летописец XI века, Аймоен де Флери, рассказывает легенду, которая имеет что-то от *"Тайной истории"*. Согласно этой истории, Юстиниан и Белисарий, два молодых человека и близкие друзья, однажды встретили двух сестер, Антонию и Антонину, происходивших из рода амазонок, которые, попав в плен к византийцам, оказались в тяжелом положении. В последнюю был влюблен Белисарий, в первую - Юстиниан. Антония, предвидя будущую судьбу своего возлюбленного, заставила его пообещать, что если он когда-нибудь станет императором, то возьмет ее в жены. Их отношения прервались, но не раньше, чем Юстиниан подарил Антонии кольцо в подтверждение своего обещания. Прошли годы, принц стал императором, и однажды у ворот дворца появилась, требуя аудиенции, женщина в богатом наряде и дивной красоты. Антония, представ перед государем, сначала не была узнана; но она показала кольцо и напомнила о своем обещании, и Юстиниан, вновь восплаив к ней любовью, сразу же провозгласил прекрасную амазонку своей императрицей. Народ и сенат выразили некоторое удивление по поводу импровизированного брака, но Антония без протестов разделила трон Юстиниана.

Таким образом, удивительная судьба Феодоры была приукрашена легендами и романами, и, будь она доброй или злой, сурово правильной или распутной, она стала одной из самых замечательных фигур истории и художественной литературы.

Вопросы ранней жизни Феодоры, однако, имеют второстепенное значение. Нас интересует не куртизанка, а императрица, и о происшествии и влиянии ее царствования мы, к счастью, располагаем другими сведениями, кроме тех, что содержатся в *"Тайной истории"*.

Драма Сарду "Феодора" представляет свою героиню как сохранившую на троне манеры куртизанки, как наслаждавшуюся театральной жизнью, как покидавшую по ночам дворец, чтобы гулять по улицам Константинополя, как затеявшую любовную интригу с прекрасным Андреасом, как фактически другую, но более низкую и сладострастную, Мессалину. Но даже *"Тайная история"* представляет Феодору, после того как она взошла на трон, как самую строгую, самую правильную, самую безупречную в супружеских отношениях женщину, со всеми ее недостатками.

Каково бы ни было ее происхождение и ранняя жизнь, Феодора легко приспособилась к статусу и обязанностям императорской государыни. Она любила и в полной мере пользовалась всеми удобствами, которые сопутствовали верховной власти. В своих апартаментах в царском дворце, в роскошных виллах и садах на Пропонтисе и Босфоре она пользовалась всеми роскошествами и изысками царского положения. Всегда женственная и тщеславная в отношении своих физических прелестей, она чрезвычайно заботилась о своей красоте. Чтобы сделать свой лик отдохнувшим и нежным, она продлевала сон до позднего утра; чтобы придать фигуре стройность и изящество, часто принимала ванны, за которыми следовали долгие часы отдыха. Не довольствуясь скудной пищей, которая удовлетворяла Юстиниана, на ее столе всегда были лучшие восточные блюда, которые подавались с изысканным и тонким вкусом. Любое желание немедленно удовлетворялось ее любимыми дамами и евнухами. Как истинная парвеню, она наслаждалась сложным придворным этикетом. Она заставляла высших сановников преклонять перед ней колена, навязывая желающим аудиенции долгие и унижительные задержки. Каждое утро в ее прихожей, словно отряд рабов, толпились самые выдающиеся персоны Византии, и, когда их допускали поцеловать ноги Феодоры, их прием полностью зависел от юмора момента. Эти детали показывают, с какой легкостью, с какой любезностью Феодора приспособилась к условиям своего положения.

Однако не следует думать, что Феодора из истории была женщиной, которую пленяла лишь внешняя пышность королевской власти. Она обладала всеми интеллектуальными и моральными дарами, которые должны сопутствовать абсолютной власти, а ее строгое следование восточному этикету было лишь для того, чтобы внушить окружающим свою верховную власть, и соответствовало требованиям ее эпохи. Ее отличительными чертами были деспотичный и непреклонный дух, сильная и страстная воля, ум и тонкий интеллект, холодный и сочувственный темперамент; благодаря этим дарам она безраздельно властвовала над Юстинианом с момента своего замужества до самой смерти и внушала всем окружающим, что она во всех смыслах абсолютная властительница.

Кроме того, она обладала спокойным мужеством, мужественной непреклонностью, которая проявлялась в самых сложных обстоятельствах. Невозможно забыть самый зловещий момент в истории Восточной империи, когда мужество и твердость Феодоры спасли трон Юстиниана. Это произошло во время знаменитого восстания 532 года, известного как "бунт в Нике". Фракции "синих" и "зеленых" на самом деле были политическими партиями того времени; раздраженные до безумия притеснениями некоторых чиновников, они в один момент объединили свои силы и подняли восстание против правительства, выбрав своим девизом "Ника" ("Завоевать!"), который стал техническим обозначением бунта. В течение пяти дней город был ареной конфликта и стал свидетелем всех ужасов уличной войны. Юстиниан уступил настолько, что сместил несносных чиновников, но тайные махинации фракции "зеленых", желавших посадить на трон племянника Анастасия, бывшего императора, поддерживали конфликт. Роковым утром 19 января Ипатий, один из племянников Анастасия, был публично коронован на Константинопольском форуме, а затем

посажен в кафизму на Ипподроме, где мятежники и народ приветствовали его как императора. Тем временем Юстиниан затворился во дворце со своими министрами и фаворитами. Большая часть города была охвачена пламенем, беспорядки снаружи становились все громче, а мятежники готовились к нападению на дворец. Казалось, все потеряно. Шум победы и крики "Смерть Юстиниану!" донеслись до зала, где император, совершенно растерянный, совещался со своими министрами и генералами. Префект Каппадокии Иоанн и полководец Белисарий посоветовали бежать в Гераклею. В спешке, у садов, ведущих к морю, были загружены суда с императорскими сокровищами, и все было готово для мгновенного бегства императора и императрицы. Это был решающий момент. Бегство означало безопасность их лиц, но покинутый трон был наверняка потерян, и начатое гигантское движение рухнуло бы. Принц колебался, и все его советники разделяли его слабость. Императрица до сих пор ничего не говорила. В конце концов, возмущенная всеобщим вялым состоянием, Феодора призвала императора и министров, готовых пожертвовать всем ради личной безопасности, к исполнению своего долга:

"Нынешний случай, как мне кажется, слишком серьезен, чтобы пренебречь принципом, согласно которому женщине не подобает говорить среди мужчин. Те, чьи самые дорогие интересы находятся в условиях крайней опасности, вправе думать только о самом мудром варианте действий. На мой взгляд, природа - невыгодный воспитатель, даже если ее наставления принесут нам безопасность. Невозможно, чтобы человек, придя в мир, не умер; но для того, кто царствовал, невыносимо быть изгнанником. Пусть я никогда не буду существовать без этой пурпурной мантии, и пусть я никогда не доживу до того дня, когда те, кто встретит меня, не будут обращаться ко мне как к королеве. Если вы хотите, о император, спастись, то это нетрудно: у нас достаточно средств. Вон море, а там корабли. Однако подумайте, не предпочтете ли вы смерть безопасности, когда однажды выберетесь в безопасное место. Я согласен со старым изречением, что "империя - это прекрасная заводная доска"."

Этими мужественными словами Феодора спасла трон Юстиниана. Ее твердость победила слабость и слабование двора. Белисарий с триумфом повел свои войска против революционеров на Ипподроме. Последовала беспощадная резня, в которой погибло тридцать пять тысяч человек. Власть группировок была навсегда сломлена, и отныне Юстиниан пользовался абсолютным суверенитетом без единого протеста. Важные общественные здания, которые были разрушены во время пожаров, вызванных бунтом, были восстановлены с большим размахом, а до сих пор стоящая Святая София является памятником гению и великолепию правления Юстиниана и Феодоры.

Можно легко понять, какое доминирующее влияние оказывала такая женщина на нерешительного Юстиниана. Страсть, которой она вдохновляла принца, сохранялась до последнего момента ее жизни; его преданность и уважение постоянно росли, а после ее смерти приняли форму благоговейного трепета, настолько он был подвержен влиянию ее превосходных способностей. Она была для него, по словам современного историка, "сладчайшей прелестью", или, как он сам говорит в одном из законодательных актов, "даром Божьим" - игра слов в ее имени. После ее смерти, когда он давал торжественное обещание, он клялся именем Феодоры. Он не утаил от нее ни одной из привилегий, ни одной из реалий совместного и равного суверенитета: ее имя фигурировало вместе с его именем в надписях на фасадах церквей или воротах цитаделей; ее образ ассоциировался с его образом в украшениях королевского дворца, как в мозаиках Сан-Витале. Ее имя появилось рядом с его именем на императорской печати. Множество городов и вновь созданная провинция носили ее имя. Во всех отношениях она разделяла суверенитет с императором. Магистраты,

епископы, генералы, губернаторы провинций поклялись всем, что было свято, оказывать добрую и верную службу благочестивым и святым государям, Юстиниану и Феодоре.

Когда Феодора отправлялась в путешествие, ее сопровождал королевский кортеж, состоявший из патрициев, высших сановников и министров, а также эскорт из четырех тысяч солдат в качестве охраны. Ее приказы принимались с почтением по всей империи, а когда чиновники находили их в противоречии с приказами императора, они часто предпочитали инструкции Феодоры указаниям Юстиниана. Функционеры знали, что ее покровительство гарантирует быстрое продвижение по службе в царской власти, а ее добрая воля - гарантию от возможной немилости. Царственные особы стремились польстить ее тщеславию и завоевать ее благосклонность.

Все летописцы отмечают, что в государственных бумагах по важным делам Феодора сотрудничала с Юстинианом. Император с радостью признал свой долг перед ней, и мы читаем в одном из его указов: "На этот раз снова воспользовавшись советом священнейшей супруги, которую Бог дал нам....". Феодора также не раз подтверждала свою власть. Однажды она приказала Феодату передать ей просьбы, с которыми он хотел обратиться к императору, а в послании к министрам персидского царя Хосроя она заявила: "Император никогда ничего не решает, не посоветовавшись со мной". Она была регулирующей властью как в государстве, так и в церкви, назначала или позорила генералов и министров, ставила или снимала патриархов и понтификов, возводила в ранг фаворитов и расшатывала власть и положение своих противников.

Феодора прекрасно понимала все тонкости имперской политики, и мудрые шаги Юстиниана были во многом обусловлены ее советами. Однако, несмотря на то, что она была такой превосходной царицей, она была еще большей женщиной - непостоянной, страстной, жадной до власти и очень ревливой, чтобы сохранить ту власть, которая у нее была. По-видимому, без угрызений совести она избавлялась от любого влияния, которое угрожало ей в противовес, и без жалости отмахивалась от любой оппозиции, которая, казалось, посягала на ее власть. В дворцовых интригах она всегда выходила победительницей. Фавориты и министры, возомнившие себя незаменимыми, тщетно пытались подорвать ее доверие к императору. Секретарь Приск, которого благосклонность Юстиниана возвела в ранг графа постельной палаты, дорого заплатил за оскорбления, нанесенные Феодоре. Он был сослан, заключен в тюрьму и, наконец, вынужден выполнять приказы, а его огромное состояние было конфисковано.

История Иоанна Каппадокийского еще более значима: одновременно с тем, что она дает представление об интригах и заговорах византийского двора, она бросает яркий свет на честолюбивую натуру, беспринципную энергию, мстительный дух и вероломную хитрость императрицы Феодоры.

В течение шести лет Иоанн Каппадокийский занимал возвышенный пост префекта претория, который сделал его одновременно министром финансов и министром внутренних дел, а также первым министром империи. Своими пороками, суровостью и коррупцией он оправдывал пословицу:

"Каппадокиец плох от природы; если он достигает власти, он еще хуже; но если он стремится стать верховным, он самый отвратительный из всех". Но в глазах Юстиниана у него было одно искупительное достоинство: он удовлетворял все просьбы принца, предоставляя средства, которых требовали огромные расходы его правления. Ценой каких поборов, каких страданий своих подданных он добился этих восхитительных результатов, император не спрашивал, а может быть, и вовсе игнорировал эти соображения. Во всяком случае, префект был очень

любим принцем, а придворные помощники завидовали успехам его правления. Имея преобладающее влияние на императора, обладая богатством, превосходящим мечты скупого, Иоанн достиг самой вершины состояния. Суеверные по своей природе обещания волшебников пробудили в нем надежду на достижение верховной власти в качестве коллеги или преемника Юстиниана. В качестве шага к этому он попытался разрушить доверие Феодоры к императору. Это был проступок, который надменная императрица не могла простить. Префект не знал, какого могущественного противника он возбудил; но, сознавая свое влияние на императора и состояние финансов, которыми он один мог распоряжаться, он считал себя незаменимым. Но он не сумел правильно оценить хитрость Феодоры. Сначала она пыталась убедить императора в страданиях, которые префект причинял своим подданным, а затем возбудить его подозрения относительно опасности, которой угрожал трон из-за честолюбия Иоанна: но император, как и все слабые натуры, не решался отделить от себя советника, к которому он привязался по долгой привычке и ассоциации. Тогда Феодора задумала макиавелевский заговор.

Самой близкой подругой Феодоры была Антонина, жена Белисария, которую Прокопий описывает как женщину, "способную, как никто другой, управлять неосуществимым". Две умные женщины придумали беспринципную стратегию, которая, в случае успеха, должна была привести к падению столь порицаемого министра финансов. Антонина, по предложению Феодоры, завязала дружбу с дочерью Иоанна, Евфимией, и сообщила ей, что ее муж Белисарий серьезно недоволен императором из-за плохого вознаграждения, которое получили его выдающиеся заслуги, но что он не может попытаться сбросить императорское иго, если не будет уверен в сочувствии и поддержке кого-то из важных гражданских чиновников. Евфимия, естественно, рассказала эту новость отцу, который, увидев в этом обстоятельстве возможность взойти на трон с помощью могущественного полководца, легко попался в ловушку. Чтобы довести заговор до совершенства, каппадокиец устроил тайную встречу в Руфиниануме, одной из загородных резиденций Белизария. Императрица распорядилась спрятать на вилле двух верных чиновников, Марцелла и Нарсеса, с приказом арестовать Иоанна, если его измена станет очевидной, а если он будет сопротивляться, сразу же предать его смерти. Они подслушали предательский заговор, но министру удалось избежать ареста и бежать в неприкосновенное убежище Святой Софии. Однако его с позором сослали в Кизик, но беспощадная ненависть Феодоры преследовала его, и после конфискации всех его незаконно нажитых доходов он был сослан в Египет, где оставался до самой смерти императрицы. Наконец он вернулся в Константинополь, но Юстиниан больше не нуждался в услугах своего закадычного советника, и тот, облачившись в грубое одеяние священника, умер на месте своих былых триумфов.

В ее безжалостном преследовании своих противников, проиллюстрированном этим инцидентом, в этой замечательной женщине, кажется, было необыкновенное отсутствие нравственного чувства.

Верно, что она страстно любила власть, роскошь и богатство; верно, что временами она пользовалась своей властью безжалостно и беспринципно. Однако жесткость ее натуры компенсируется многими сочувственными качествами, которые показывают, что наряду с суровостью императрицы у нее было сердце женщины.

Она проявляла сочувственный интерес к благополучию собственной семьи. Свою сестру Комито она выдала замуж за Ситтаса, офицера высокого ранга. Ее племянница София сочеталась браком с племянником Юстина, законным наследником империи. Всю жизнь она сожалела, что у нее нет сына, который мог бы взойти на трон: она похоронила младенца-дочь, единственного отпрыска своего брака.

Одной из самых приятных черт ее характера была большая терпимость и глубокое сочувствие, которые она проявляла к падшим женщинам. Суровая к мужчинам, она проявляла к женщинам заботу, равной которой не было. На азиатском побережье Босфора она превратила дворец в просторный и величественный монастырь, известный как монастырь Метанойи, или Покаяния, и богато одарила его на благо своих менее удачливых сестер, которые были соблазнены или вынуждены заняться проституцией. В этом безопасном и святом убежище собрались сотни женщин, собранных с улиц и борделей Константинополя; и многие несчастные женщины были преисполнены благодарности к щедрой благодетельнице, которая спасла ее от греховной и несчастной жизни.

Видим ли мы в этой нежной заботе пример слов поэта "*Non ignara mali miseris succurrere disco*", или же ее старания были просто результатом религиозного возвышения чистой и благородной женщины, "естественно склонной помогать женщинам в несчастье", как говорит о ней византийский писатель? Во всяком случае, это практическое сочувствие оказало свое влияние и на постановления Кодекса Юстиниана, касающиеся женщин; например, на постановление, направленное на повышение достоинства брака и делающее его более нерасторжимым, или на то, чтобы дать соблазненным девицам средства защиты от их соблазнителей, или на то, чтобы избавить актрис от общественного порицания, связанного с их призванием. Все эти меры, несомненно, были приняты благодаря вдохновению Феодоры.

Свои строгие представления о святости брака она перенесла и в придворную жизнь, о чем свидетельствует то, как безжалостно она испортила роман, который должен был соединить одного из самых блестящих полководцев империи с племянницей Юстиниана.

Пржекта, племянница императора, попала в руки Гонтариса, узурпатора, убившего ее мужа Ареобинда. Она считала все потерянным, когда неожиданно появился спаситель в лице красивого армянского офицера Артабанеса, командующего в Африке, который сверг узурпатора и вернул ей свободу. Из благодарности Пржекта ни в чем не могла отказать своему избавителю и пообещала ему свою руку. Честолюбивый армянин видел в этом блестящем браке быстрое продвижение к вершинам власти. Принцесса вернулась в Константинополь, а граф Африканский поспешил сдать свой почетный пост и добился отзыва в Константинополь, чтобы соединиться со своей будущей невестой. В столице он был любим; его величественная манера поведения, горячее красноречие и беспредельная щедрость вызывали всеобщее восхищение. Чтобы устранить социальную дистанцию между ним и его невестой, его нагроулили почестями и достоинствами. Все шло хорошо, пока не возникло неожиданное и неприятное препятствие на пути к свадьбе. Артабанес упустил из виду или забыл о том, что много лет назад он женился на армянке. Они долгое время были в разлуке, и воин никогда не слышал о ней. Пока он был безвестным солдатом, его жена была довольна тем, что оставила его в покое; но не так после его неожиданного взлета к славе. Внезапно она появилась в Константинополе, предъявив права законной супруги, и как обиженная женщина обратилась за сочувственной помощью к Феодоре.

Императрица была непреклонна, когда на карту были поставлены священные узы брака, и она заставила неохотно согласившегося генерала отказаться от всех претензий на принцессу и вернуть оставленную им жену. В качестве меры предосторожности она быстро выдала Пржекту замуж за Иоанна, внука императора Анастасия, и красивому роману был положен конец.

В равной степени заботясь о святости брака, Феодора использовала множество средств, чтобы примирить прославленного полководца Белисария с его женой Антониной, которой

скандал "*Тайной истории*" приписывает серьезные промахи в нравственной чистоте, хотя это обвинение нельзя считать доказанным.

Портрет византийской императрицы был бы неполным, если бы в нем не говорилось о ее религиозных чувствах и о том, какое видное место она занимала в церковной политике. В религиозных вопросах мы видим не только лучшие стороны натуры Феодоры, но и высшее проявление ее влияния на дела империи. Как и все византийцы ее времени, она была набожной и преданной в своем образе жизни. Она отличалась милостыней и пожертвованиями в фонды, созданные Церковью. Летописцы упоминают основанные ею приюты, сиротские приюты и больницы; а Юстиниан в одном из своих постановлений говорит о бесчисленных дарах, которые она сделала церквям, больницам, приютам и епископствам.

Однако, несмотря на эти многочисленные проявления внутреннего благочестия, Феодора была сильно заподозрена ортодоксами в ереси. Она открыто исповедовала монофизитскую доктрину - веру в единую природу в лице Иисуса Христа. Она также пыталась привлечь Юстиниана на свою сторону и, заботясь об интересах государства, начала проводить политику, которая примирила раскольников, но вызвала отвращение у ортодоксальных католиков, которые были в единстве с Римом. Жители Сирии и Египта почти поголовно были монофизитами и сепаратистами. Феодора, обладавшая политической тонкостью, гораздо большей, чем ее супруг, видела, что недовольство на Востоке наносит ущерб императорской власти, и попыталась своей политикой примирить враждующие стороны и восстановить религиозный мир в империи. Она признавала, что центр тяжести власти навсегда перешел от Рима к Константинополю и что, следовательно, наилучшей политикой было поддержание мира между народами Востока.

С другой стороны, Юстиниан, введенный в заблуждение величием римских традиций, хотел установить в восстановленной империи кесарей строгую ортодоксию через унию с Римским престолом. Феодора, обладавшая большей проницательностью, заметила непримиримые линии различий между Востоком и Западом и поняла, что запрет ученой и влиятельной партии раскольников на Востоке приведет к отторжению важных провинций и станет роковым для авторитета монархии. Поэтому она бросила все свое влияние на борьбу с ересью. Она принимала во дворце лидеров монофизитов и сочувственно выслушивала их советы, жалобы, уговоры. Она поставила людей этой веры на самые видные патриаршие кафедры - Северия в Антиохии, Феодосия в Александрии, Антимия в Константинополе. Дворец на Ормисдасе она превратила в монастырь для гонимых священников Сирии и Азии. Когда Северий подвергся гонениям, она предоставила ему возможность бежать из Константинополя; а когда Антимий был низложен с митрополичьей кафедры, она, вопреки императорским приказам, оказала ему открытую защиту и предоставила убежище во дворце. Однако самым смелым ее переворотом было возведение на папский престол в Риме папы, выбранного ею самой и обязавшегося действовать заодно с монофизитами.

Для этой роли она нашла подходящего человека в лице римского дьякона Вигилия, несколько лет бывшего апостольским легатом в Константинополе. Вигилий был честолюбивым и умным священником, вошедшим в доверие к Феодоре, и императрица думала найти в нем, когда он будет возведен на понтификальную кафедру, готовое орудие для своих целей. Рассказывают, что в обмен на императорскую защиту и покровительство Вигилий согласился восстановить Антимия в Константинополе, вступить в союз с Феодосием и Северием и аннулировать Халкидонский собор. После смерти папы-председателя Агапета Вигилий отправился в Рим с письмами к Белисарию, находившемуся тогда на пике своего могущества в Италии, и письма эти были таковы, что не допускали

возражений. По-видимому, в этом деле Юстиниан втайне согласился с планами императрицы, видя, возможно, в этом движении решение, которое привело бы к желанному единству и поставило бы римского понтифика в согласие с восточными народами. Но Вигилий был поставлен не без труда. Сразу же после смерти Агапета римская партия нашла себе преемника в лице Сильверия; чтобы посадить Вигилия на кафедру святого Петра, нужно было сначала заставить Сильверия спуститься. Эта неприятная задача была поручена Белисарию. С явной неохотой он взялся за участие в сомнительной интриге. Сначала он предложил Сильверию достойный способ уладить дело, сделав уступки, которых император желал от Вигилия. Сильверий с негодованием отказался идти на такой компромисс. Тогда под надуманным предлогом измены он был жестоко арестован, низложен и отправлен в изгнание. Вместо него папой сразу же был назначен Вигилий. Казалось, Феодора одержала победу.

Но когда она была надежно установлена, Вигилий, несмотря на угрозы Белисария, откладывал выполнение своих обещаний. В конце концов, однако, он был вынужден пойти на важные уступки императрице. Это был последний триумф Феодоры; к концу жизни, в условиях растущего прогресса Восточной церкви и уменьшения влияния папы, она имела основания полагать, что мечты ее религиозной дипломатии осуществились.

То, что Феодора выступала в защиту раскольников, во многом объясняет ту ярость, которую обрушили на нее ортодоксальные католики. По мнению кардинала Барония, жена Юстиниана была "отвратительным созданием, второй Евой, слишком готовой слушать змея, новой Делилой, еще одной Иродиадой, наслаждающейся кровью святых, жительницей ада, охраняемой демонами, вдохновляемой сатаной, горящей желанием нарушить согласие, купленное кровью исповедников и мучеников". Примечательно, что это было написано до обнаружения рукописи *"Тайной истории"*. Что сказал бы ученый кардинал, узнай он о предполагаемых приключениях в юности этой женщины, которую благочестивые католики причисляют к злейшим врагам Церкви?

Возможно, в религиозном отступничестве Феодоры и кроется источник всего скандала, связанного с ее именем. Проклятая в глазах благочестивых церковников из-за своей религиозной веры в то, что природа Христа не была двойственной, она с легкостью дала повод для скандала, связанного с ее ранней жизнью. Если бы Феодора последовала за ортодоксами в вере в две природы, она могла бы совершить более тяжкие преступления, чем те, в которых ее обвиняли, и ни один член ортодоксальной церкви не произнес бы подобных ругательств; но ее позиция в религиозных спорах шестого века, несомненно, в двадцатом веке не принесет вреда ее памяти.

Здоровье Феодоры всегда было слабым. После этих лет бурных разногласий, когда ее силы стали подводить, ей было предписано использовать знаменитые пифийские теплые ванны. Ее проезд через Вифинию проходил со всей пышностью императорского кортежа, и на всем пути она раздавала милостыню церквям, монастырям и больницам с просьбой, чтобы благочестивые люди молили Небо о восстановлении ее здоровья. Наконец, в июне 548 года н. э., на двадцать четвертом году своего брака и двадцать втором году правления, Феодора умерла от рака. Юстиниан был безутешен ее потерей, которая справедливо казалась ему невозполнимой. В последние годы его жизни ему не хватало энергии и изящества, которые были присущи ему при ее жизни, и, несомненно, именно ее потеря омрачила его дух и лишила его главного вдохновителя его правления. Через несколько лет после смерти Феодоры один поэт, желая порадовать императора, вспомнил о прекрасной, красивой и

мудрой государыне, "которая умоляла у престола благодати Божьей о благосклонности к своему супругу".

Мы вряд ли можем считать Феодору прославленной святой, однако ее доброта сердца и милосердие могут искупить многие серьезные недостатки ее характера. Мы не знаем ни ее происхождения, ни истории ее ранней жизни, но, став императрицей, она проявила все недостатки своих качеств. Она была женщиной, отлитой в большой форме, и ее недостатки выделяются наравне с достоинствами. Временами она была жестокой, эгоистичной и гордой, часто деспотичной и жестокой, абсолютно беспринципной и безжалостной, когда речь шла о сохранении ее власти. Но она была находчивой, решительной, энергичной, мужественной; ее политическая хватка была поистине мужской; в критический момент она спасла трон для Юстиниана и в течение всей своей жизни была его мудрой Эгерией, своими советами помогая ему преуспеть в великих делах; когда ее влияние прекратилось, начался упадок, который продолжался в течение оставшихся лет правления Юстиниана.

Как женщина, она была капризной, страстной, тщеславной, своевольной, но сочувствующей несчастным и бесконечно соблазнительной. В своих пороках она была поистине императрицей, в своих достоинствах - королевой. Какой бы ни была ее молодость, ее карьера на троне является лучшим опровержением скандала "*Тайной истории*", и она заслуживает места в летописи истории как одна из самых великих, самых умных, самых очаровательных императриц мира.

XII

ДРУГИЕ САМОУТВЕРЖДАЮЩИЕСЯ АВГУСТЫ - ВЕРИНА, АРИАДНА, СОФИЯ, МАРТИНА, ИРЕНА

Примечательной особенностью истории Восточной Римской империи является то, что периоды, когда императрицы занимают видное место в государственных делах, чередуются с периодами, когда августейшие особы являются всего лишь шифрами. Евдоксия, жена Аркадия, отмечает ранний предел преобладания женского начала в независимой истории восточной части Римской империи. Императрица Ирина, которая сначала царствовала вместе со своим сыном Константином, а затем одна, отмечает поздний предел Римской, в отличие от сугубо Византийской империи, поскольку во время ее правления, в начале девятого века, Западная империя была полностью оторвана от связи с Константинополем благодаря коронации Карла Великого как императора Запада папой Львом. Таким образом, властная женщина была преобладающим влиянием в начале и в конце существования Восточной Римской империи как отдельного образования.

В промежутке между этими двумя пределами самым значительным было правление Юстиниана, а самой выдающейся женщиной, конечно же, была императрица Феодора. За Евдоксией последовали императрицы-соперницы Пульхерия и Евдокия, прославившиеся своей красотой, культурой и благочестием.

Когда дом Феодосия прекратил свое существование вместе с Пульхерией и Маркианом, Римская империя на Востоке была благополучно проведена через бурные времена, которые привели к ее исчезновению на Западе, тремя способными людьми - Львом I (457-474), Зеноном (474-491) и Анастасием (491-518). В этот период два Августа - Верина и Ариадна - принимали участие в имперской политике и восполняли в злодеяниях и интригах то, чего им не хватало в культуре и благочестии. Далее последовал дом Юстина, породивший двух замечательных женщин - Феодору и ее племянницу Софию, которая, хотя и не сравнялась с теткой по силе характера, все же оставила свой след в истории своего времени.

После смерти Софии почти на сорок лет наступил перерыв в преобладании самоутверждающихся Августов. О женах Тиберия, Маврикия и Фоки мы знаем только имена - Анастасия, Константина и Леонтия Августа. Памятное правление Ираклия разделили две императрицы, первая из которых, Евдокия, не сделала ничего, чтобы завоевать известность, а карьера второй - Мартины - напоминает о злодеяниях и интригах Верины и Софии. Но супруги преемников Ираклия не последовали благородному примеру Мартины, а были женщинами, о которых ничего не известно ни похвалы, ни порицания. Мы даже не знаем имени жены Константина II, который вступил в долгое царствование после изгнания Гераклеона, сына Мартины. Анастасия, супруга Константина IV, Феодора, царица второго Юстиниана, Мария, супруга Льва III Исаврянина, и Ирина, Мария и Евдокия, три жены Константина V, играли столь малую роль в политических делах, что едва ли известны лучше, чем безымянные жены императоров, заполнивших промежуток между вторым Юстинианом и Львом Исаврянином (695-716).

Это краткое резюме подводит нас к правлению императрицы Ирины, которая в энергии, в злобе и в амбициях восполнила все недостатки своих предшественниц. Посвятив отдельные главы самым знаменитым августам Восточной империи - Евдоксии, Пульхерии и Евдокии, Феодоре, - мы объединим в одну главу наше краткое рассмотрение жизни и характеров менее известных, но не менее ярких августов промежуточных периодов - Верины, Ариадны, Софии, Мартины и Ирины.

Верина и ее дочь Ариадна своей злобой и амбициями бросили мрачную тень на яркую в остальном историю дома Льва Великого. Верина, императорская супруга Льва, была женщиной малообразованной, но с большими природными данными, любила интриги, стремилась к власти и была непримирима в ненависти и мести. Из двух ее дочерей Ариадна вышла замуж за Зенона Исаврийского, одного из самых прославленных и способных чиновников империи. Лев, отпрыск этого союза, был выбран наследником и преемником Льва I. Но после смерти отрока, вскоре после его восшествия на престол, Зенон был возведен на трон, к большому неудовольствию императрицы-матери Верины. Она организовала заговор с целью низложения Зенона и возвышения Патриция, своего любовника, и в результате ее интриг Зенон был вынужден оставить трон и бежать в горные дали Исаврии, своей родной страны, вместе с женой Ариадной и матерью Лаллис. На трон претендовал брат Верины, Василиск, но она воспротивилась его притязаниям, чтобы завоевать пурпур для Патриция. Однако после бегства Зенона министры и сенаторы избрали Василиска его преемником, и новый император вступил в самое непопулярное и неоднозначное правление, которое продлилось всего двадцать месяцев. Его королевой стала Зенонис, молодая и красивая женщина, которая вскоре приобрела незавидную репутацию из-за своей явной привязанности к племяннику мужа Харматию, молодому гуляке, отличавшемуся приятной внешностью и нескладными манерами. Древний летописец так рассказывает об этой интриге:

"Василиск разрешил Харматию, поскольку тот был его родственником, свободно общаться с императрицей Зенонис. Их общение стало интимным, и, поскольку оба они были особами необыкновенной красоты, они необычайно увлеклись друг другом. Они обменивались взглядами, постоянно поворачивали лица и улыбались друг другу, и страсть, которую они вынуждены были скрывать, стала причиной горя и досады. Они доверили свою беду евнуху Даниилу и повитухе Марии, которые с трудом исцелили их недуг, сведя их вместе. Тогда Зенонис уговорила Василиска предоставить ее любовнику высшую должность в городе".

Однако эта дворцовая интрига вскоре закончилась падением Василиска и восстановлением Зенона в 477 году, несмотря на козни Верины. После возвращения Зенона его самый могущественный министр, исаврианин Иллус, стал объектом вражды и махинаций Верины. Она даже организовала заговор с целью его убийства, который ему посчастливилось раскрыть и сорвать. Понимая, что его власть не будет надежной, пока Верина на свободе, он попросил Зенона отдать ему опасную женщину, и император, несомненно, обрадованный избавлением от своей сомнительной тещи, отдал ее в его руки. Иллус сначала заставил ее принять обет монахини в Тарсе, а затем поместил ее в заточение в Далисандоне, исаврийском замке.

Но Иллус избавился только от одной женщины-врага, чтобы найти более злобного антагониста в лице дочери последнего, императрицы Ариадны. Она совершила второе покушение на его жизнь в 483 году и использовала все свое искусство интриг, чтобы отдалить от него императора Зенона. В конце концов, поняв, что его жизнь в Константинополе небезопасна, Иллус удалился от двора, а позже присоединился к делу мятежника Леонтия, который стремился свергнуть Зенона. В поддержку мятежника Иллус обратился к своему извечному врагу Верине, императрице-матери, которая из своего тюремного замка с радостью воспользовалась возможностью нанести удар своему неблагодарному зятю. Чтобы придать делу Леонтия видимость законности, Верину уговорили короновать его в Тарсе, а также выпустить письмо в его интересах, которое было разослано по разным городам и оказало заметное влияние на недовольных. Леонтий основал императорский двор в Антиохии, но был быстро свергнут Теодорихом Остроготом. Два лидера заговора вместе с Вериной укрылись в исаврийской крепости Папирий, где выдержали осаду в течение четырех лет, за это время Верина умерла. В конце концов крепость была взята благодаря предательству невестки Иллуса, а Иллус и Леонтий были убиты.

После смерти Зенона Анастасий в 491 году был провозглашен императором благодаря влиянию овдовевшей императрицы Ариадны, которая вышла за него замуж примерно через шесть недель и продолжала оказывать влияние на политику во время долгого и успешного правления Анастасия.

В Верине и Ариадне мы видим мать и дочь, очень похожих по характеру, но часто пересекающихся друг с другом из-за схожих черт. Обе были амбициозны, обе любили интриги и готовы были пойти на любое преступление, если оно отвечало их целям. Верина, обрадованная появлением на свет своего внука Льва, которым она могла управлять, была огорчена и разочарована, когда после смерти мальчика на трон взошел его властный отец; продолжая интриговать, она потеряла сначала царское положение, а затем свободу и жизнь, пытаясь навредить своему зятю. Ариадна быстро овладела властью, которую потеряла ее мать, и ей принадлежит необычная заслуга: она выбирала преемника своего мужа на троне и была императорской супругой двух правителей подряд.

Мы переходим к династии Юстинов и рассматриваем племянницу великой Феодоры, Софию, императрицу Юстина Младшего, племянника и преемника Юстиниана.

Поэт Корипп дает драматический рассказ о возвышении Юстина и Софии. Во время долгой болезни Юстиниана они оба были верными помощниками у его постели и удовлетворяли все его нужды. Наконец, однажды утром, еще до рассвета, Юстина разбудил один из патрициев и сообщил, что император умер. Вскоре после этого члены сената вошли во дворец и собрались в красивой комнате с видом на море, где нашли Юстина беседующим со своей женой Софией. Они приветствовали королевскую пару как Августа и Августу, и те с видимой неохотой подчинились воле сената. Затем они отправились в императорские покои и со слезами на глазах смотрели на труп своего любимого дяди. София тут же приказала принести вышитую ткань, на которой золотом и яркими красками был выписан весь ряд трудов Юстиниана, а сам император был изображен посередине с ногой, опирающейся на шею вандальского великана. На следующее утро Юстин и его императорская супруга отправились в церковь Святой Софии, где публично провозгласили православную веру.

Пойдя на этот шаг, София показала, что у нее есть амбиции, но нет политической хватки ее тети Феодоры. Как и последняя, она изначально была монофизиткой, но хитрый епископ предположил, что ее еретические взгляды мешают продвижению ее мужа к званию кесаря, и, как следствие, она сочла целесообразным присоединиться к ортодоксам. К сожалению, этим шагом было нарушено равновесие между религиозными партиями, которое Феодора так успешно поддерживала, и последние годы правления Юстина были опозорены гонениями на монофизитов, так что на всем Востоке возникло большое недовольство тронном.

За религиозной церемонией вскоре последовали аплодисменты народа на Ипподроме, которые стали еще более сердечными благодаря тому, что Юстин списал огромные долги своего дяди Юстиниана; и не прошло и трех лет, как его примеру подражала и превзошла императрица, избавившая многих неимущих граждан от тяжести долгов и ростовщичества - акт благодеяния, снискавший ей благодарность и обожание народа.

Так благоприятно началось царствование Юстина и Софии, которое, как провозгласила царственная чета, должно было стать новой эрой счастья и славы для человечества; но, хотя чувства императора были чисты и благожелательны, а амбиции императрицы заключались в том, чтобы превзойти свою тетю Феодору, ни та, ни другая не обладали интеллектуальными способностями, равными этой задаче, и во время их правления империя подверглась позору за границей и убогости внутри страны.

Во многом та же неблагодарность, которую Белисарий испытал от руки своей императорской любовницы, была оказана новой императрицей его выдающемуся преемнику Нарсесу. Она послала Лонгина в качестве нового экзарха, чтобы тот сменил завоевателя Италии, и в самых оскорбительных выражениях отозвала евнуха Нарсеса в Константинополь. "Пусть он оставит мужчинам, - сказала она, - упражнение с оружием и вернется на свое место среди фрейлин дворца, где в руки евнуха снова должна быть вложена дистаф". "Я спряду для нее такую нить, которую ей будет нелегко распутать!" - таков был возмущенный ответ героя, который один спас Италию для империи. Вместо того чтобы вернуться в византийский дворец, он вернулся в Неаполь, а затем поселился в Риме, где скончался, а вместе с ним и единственный военный гений, достаточно великий, чтобы отразить нашествие лангобардов.

После нескольких лет правления способности Юстина, ослабленные болезнью, начали отказываться, и в 574 году он стал безнадежным лунатиком. Единственный сын императорской четы умер в младенчестве, и теперь остро встал вопрос о преемнике. Дочь, Аравия, стала

женой Бадуария, управляющего дворцом, который тщетно стремился к чести быть принятым в качестве Сезара. Внутренняя вражда переключила императрицу на другие дела.

Хитрая императрица нашла подходящего преемника в лице Тиберия, молодого и красивого капитана гвардии, и в один из периодов своего здравомыслия Юстин, по ее просьбе, сделал его кесарем. В течение нескольких оставшихся лет жизни Юстина Тиберий проявлял себя по отношению к приемным родителям как сыновний и благодарный сын и безропотно подчинялся всем притязаниям своей императрицы-матери. Опираясь на Тиберия в суровых обязанностях императорской власти, София сохраняла всю свою власть и суверенитет как Августа и не желала мириться с присутствием во дворце другой королевы. Тиберий уже был мужем и отцом. В здравом уме Юстин, с мужским добрым характером и слепотой к женским слабостям, легкомысленно предложил Ино, жене кесаря, жить с Тиберием во дворце, поскольку, добавил он, "он еще молод, а плотью трудно управлять". Но София тут же встала на ноги. "Пока я жива, - сказала она, - я никогда не отдам свое царство другому" - слова, которые, возможно, были реминисценцией знаменитого изречения Зенобии, царицы Пальмиры: "Я царица, и пока я жива, я буду царствовать". Таким образом, при жизни Юстина Ино и две ее дочери жили в полной тишине в скромном домике неподалеку от дворца. Ее социальное положение вызывало большой интерес у дам придворного круга, которые затруднялись решить, стоит ли им обращаться к жене кесаря. За столами и у камина этот вопрос обсуждался всерьез, но никто не брался посетить Ино, не посоветовавшись предварительно с Софией. Наконец, когда одна из дам с немалой долей трепета решилась спросить об этом императрицу, ее отругали за ее занудство: "Уходи и молчи, - ответила властная София, - это не твое дело".

Однако когда за несколько дней до смерти Юстина Тиберий был провозглашен императором, он, к огорчению императрицы-матери, сразу же поселил свою жену во дворце и добился ее признания фракциями Ипподрома. Возник конфликт по поводу того, каким должно быть ее христианское имя как императрицы: синие хотели изменить ее языческое имя на "Анастасия", а зеленые настойчиво требовали принять имя святой "Елена". Тиберий принял решение в пользу синих, и как Анастасия Ино была коронована как императрица Востока.

Во время долгого ученичества Тиберия София держала в руках кошелек и содержала молодого Цезаря на пособие, которое казалось слишком маленьким, чтобы соответствовать его императорским перспективам. Однако, став императором, Тиберий быстро избавился от диктата своей покровительницы. Он выделил ей роскошный дворец, окружил ее многочисленной свитой евнухов и придворных, наносил ей торжественные визиты по официальным поводам и всегда приветствовал вдову своего благодетеля титулом матери. Но София не могла преодолеть разочарование от того, что ее лишили власти, и затеяла многочисленные заговоры, чтобы свергнуть Тиберия и возвести на престол того, кого она могла бы контролировать. Главный из этих заговоров был связан с молодым Юстинианом, сыном Германа из дома Анастасий. После смерти Юстина одна из группировок заявила о своих притязаниях на Юстиниана, но Тиберий милостиво простил юношу за стремление к пурпуру и дал ему командование восточной армией. Воспользовавшись славой его побед, София организовала заговор в его интересах, но Тиберий вовремя узнал о готовящемся восстании и своими личными усилиями и твердостью подавил заговор. Он еще раз простил Юстиниана, но осознал необходимость сдерживать активность быстро стареющей, но все еще умной и интригующей экс-императрицы. Софию лишили всех императорских почестей и низвели до скромного положения, а заботу о ее персоне поручили верному стражу,

который должен был пресекать любые дальнейшие попытки с ее стороны сыграть свою роль в игре имперской политики. Так честолюбивая племянница Феодоры сошла со сцены после карьеры, которая, начавшись с обещанием блестящего успеха и высокой славы, после многих превратностей закончилась унижением и позором.

Долгое и незабываемое правление Ираклия, с 610 по 641 год, характеризовалось большим количеством бытовых неурядиц. В день своей коронации он отпраздновал свадьбу с нежной Евдокией, которая родила ему двоих детей - дочь Епифанию и сына Константина Ираклия, естественного наследника престола. Второй женой Ираклия стала его родная племянница Мартина, причем этот брак ортодоксы считали кровосмесительным и он стал причиной большого скандала. Казалось, что и на этот союз легли проклятия Неба: из детей Флавий имел искривленную шею, Феодосий был глухонемым; третий, Гераклеон, не имел выраженных физических уродств, но был лишен интеллектуальных способностей и нравственной силы. Физические страдания Ираклия в последние годы его жизни также рассматривались как возмездие за грех.

Влияние Мартины на своего престарелого мужа в последние годы его жизни было безграничным. Полная честолюбия и интриг, она побудила его на смертном одре объявить своего сына Гераклеона совместным наследником с Константином, надеясь таким образом самой получить императорскую власть. "Когда Мартина впервые появилась на троне с именем и атрибутами царской власти, ей противостояла твердая, хотя и уважительная оппозиция; и умирающие углы свободы были разожжены дыханием суеверных предрассудков. "Мы почитаем, - воскликнул голос одного из граждан, - мы почитаем мать наших принцев; но только этим принцам мы должны повиноваться; а Константин, старший император, уже в том возрасте, чтобы держать в своей руке тяжесть скипетра. Ваш пол исключен природой из процесса управления. Как вы сможете бороться с варварами, которые с враждебными или дружественными намерениями приближаются к царскому городу? Да отвратит Небо от Римской республики этот национальный позор, который вызвал бы терпение рабов Персии!" Мартина с негодованием сошла с трона и укрылась в женских покоях дворца".

Но, лишившись внешних прерогатив верховной власти, она тем не менее твердо решила овладеть скипетром через силу своего сына. Правление Константина III продлилось всего сто три дня, и в раннем возрасте тридцати лет он скончался. Распространено было мнение, что его бесчеловечная мачеха использовала яд, чтобы привести его к безвременной кончине. Мартина сразу же приказала сыну провозгласить себя единоличным императором. Но общественное отвращение к кровосмесительной вдове Ираклия от этого поступка только усилилось, ведь у Константина остался сын Констанс, естественный наследник. Сенат и народ поднялись в негодовании и заставили Гераклиона подчиниться их требованию сделать Константина своим коллегой. Покорность спасла его лишь на год. В 642 году он был низложен сенатом, а его самого и его мать Мартину отправили в изгнание. Народная ярость была столь сильна, что матери отрезали язык, а сыну - нос, что стало первым случаем применения варварского восточного обычая к членам царского дома.

Благочестивые люди ее возраста всегда считали Мартину "проклятой". Она интригами добилась руки овдовевшего дяди, интригами оказывала влияние на императора вплоть до его предсмертных минут, интригами пыталась определить судьбу своего сына и пасынка. Но вдова-интриганка в общественном отвращении пожинала закономерные плоды своих проступков. Некоторое время народ терпел мерзость ее противоестественных преступлений, но в конце концов понес заслуженное наказание.

Правление императрицы Ирины примечательно тем, что она восстановила изображения, изгнанные Львом Исаврянином и его преемниками, а также тем, что оно знаменует собой конец союза между Восточной и Западной империями и начало Византийской империи, так называемой Византии. Поэтому она заслуживает более пристального внимания, чем другие царствования, о которых мы вкратце рассказали, и необходимо упомянуть об истории религиозного движения, с которым так тесно связано имя Ирины.

Лев III, Исаврянин, самый выдающийся из византийских императоров со времен великого Юстиниана, сделал свое долгое правление с 717 по 740 год незабываемым благодаря победам над сарацинами и долгой и ожесточенной борьбе с поклонением изображениям и мощам, которое быстро развилось по всей империи и приняло вид фетишизма.

Первые христиане, в силу своих иудейских наклонностей, испытывали непреодолимое отвращение к использованию изображений, и их религиозное поклонение было неизменно простым и духовным. Однако по мере распространения греческого влияния в Церкви возникло почитание Креста и мощей святых. Тогда было решено, что если почитаются мощи, то тем более должны быть почитаемы точные копии лиц святых, переданные в искусстве живописи и скульптуры. Со временем, в силу естественного развития событий, почести оригинала были перенесены на копию, и молитва христианина перед образом святого перестала отличать подделку от святого, которого она должна была изображать. Поскольку многим изображениям и картинам приписывалась целительная сила, народное поклонение им росло. Таким образом, к концу шестого века поклонение изображениям прочно укоренилось, особенно среди греков и азиатов. Многие благочестивые души начали видеть, что это идолопоклонство христиан почти не отличается от идолопоклонства греков, и что у них нет весомых аргументов против утверждений иудеев и магометан о том, что греческое христианство было продолжением греческого язычества. Вследствие этого началась реакция, достигшая кульминации в правление Льва Исаврянина, который за свою активную враждебность к изображениям получил прозвище Лев Иконоборец. Его меры были суровыми, и он ввел движение, которое вовлекло Восток в грандиозный конфликт, длившийся сто двадцать лет.

Сын Льва, Константин V, Копроним, был более жестоким и решительным иконоборцем, чем его отец; но в его семейном кругу было суждено ввести члена, который должен был свести на нет усилия отца и сына и вернуть поклонение образам в их прежнее цветущее состояние. У самого Копронима было три жены, самой выдающейся из которых была варварка, дочь хана из племени хазар; но в жены своему сыну и наследнику Льву IV он выбрал афинскую девственницу, сироту семнадцати лет, единственным достоинством которой были ее красота и личное обаяние. Как и в случае с Афинаидой, о происхождении Ирины ничего не известно. Кто были ее родители, каково было ее образование, сколько лет она прожила в родном городе - все это вопросы досужих домыслов... Ее императорская карьера показывает, что она была женщиной удивительной красоты и очарования, с высокоразвитыми интеллектуальными способностями и эллинским темпераментом, и из этого можно сделать вывод, что в юности она получила лучшее образование, которое мог дать ее родной город.

Бракосочетание Льва и Ирины было отпраздновано с внушительной пышностью, и новая принцесса быстро стала играть важную роль в жизни дворца, завоевав уважение своего свекра и получив неоспоримое превосходство над своим слабым мужем. Ирина, хотя и была христианкой, унаследовала идолопоклонство и любовь к изображениям и ритуалам своих предков; но в течение оставшихся лет правления Копронима и четырех коротких лет, когда ее муж занимал трон, она подавляла свое рвение и с помощью ловкой маскировки скрывала свою преданность делу поклонников изображений.

Лев оставил империю своему сыну Константину VI, отроку десяти лет, с императрицей-вдовцом Ириной в качестве единственного регента и опекуна римского мира. Во время несовершеннолетия сына Ирина с энергией и усердием исполняла все обязанности по управлению государством и в полной мере пользовалась безответственной властью своего регентского сана. Она воспользовалась своей властью, чтобы восстановить поклонение образам, и тем самым завоевала расположение значительной части населения и духовенства. Она старалась воспитать своего сына так, чтобы он продолжал подчиняться ей, и когда он приблизился к возрасту, в котором должен был взять бразды правления в свои руки, Ирина не проявила ни малейшего желания уступить свою власть.

Даже когда Константин достиг совершеннолетия, он был отстранен от государственных дел. Он был обручен с Ротрудой, дочерью Карла Великого, но Ирина, ради собственной власти, разорвала этот союз и заставила его жениться на одной из своих фавориток, которая была ему неприятна. Материнское иго, которое он так терпеливо сносил, в конце концов стало тяготить, и Константин с жадностью слушал фаворитов своего века, призывавших его отстаивать свои права. В конце концов его убедили сделать это, и ему удалось захватить государственный штурвал. Его мать энергично сопротивлялась, но была побеждена и вынуждена на время удалиться в уединение; однако Константин в конце концов помиловал ее и вернул ей прежнее достоинство. Однако Ирина отнюдь не отказалась от стремления к единоличной власти и использовала любую возможность, чтобы дискредитировать принца и повысить собственную популярность.

Константин влюбился в одну из фрейлин своей матери, Теодоту. С коварной целью сделать его одиозным для духовенства, которое не одобряло разводы и вторые браки, Ирина подговорила его бросить свою жену Марию и жениться на Теодоте. Патриарх Тарасий, креатура императрицы-матери, согласился с желанием императора и, хотя сам не стал проводить церемонию, приказал одному из своих подчиненных отпраздновать непопулярный запрет. Это дело вызвало большой скандал среди монахов и нанесло ущерб престижу императора.

Втайне был организован мощный заговор с целью восстановления императрицы. В конце концов император, подозревая о своей опасности, бежал из Константинополя с целью возбудить провинции и армии, чтобы вернуться в город с достаточными силами для победы над заговорщиками и бесспорного утверждения своей власти. В результате этого бегства императрица оказалась в опасности из-за возможного раскрытия заговора и возмущения населения. Она действовала со свойственной ей проницательностью и двуличностью. Среди приближенных императора были и те, кто был замешан в заговоре, поэтому, делая вид, что готова молить о милости и возвращении сына, она отправила этим людям тайное сообщение, в котором завуалированно угрожала, что если они не предпримут никаких действий, то она раскроет их измену. Опасаясь за свою жизнь, они сразу же начали действовать с дерзостью отчаянных преступников. Схватив императора на азиатском берегу, они переправили его через Геллеспонт в порфиновые апартаменты дворца - палату, в которой он родился. Теперь сын был полностью во власти матери, в которой честолюбие подавляло все материнские чувства. На кровавом совете, созванном предателями, она настояла на том, чтобы лишить Константина возможности занимать трон. Ее эмиссары ослепили молодого принца и замуровали его в монастыре. Как слепой монах Константин пережил пятерых своих преемников; но память о нем возродилась среди людей только благодаря браку его дочери Евфросинии с императором Михаилом Вторым.

В течение пяти лет Ирина наслаждалась всеми прелестями и испытала всю горечь абсолютной власти. Ее преступление вызвало осуждение всех лучших представителей

человечества, но страх перед ее жестокостью предотвратил открытое выступление против нее. Она продолжала движение за восстановление образов и своим внешним благочестием заставляла людей не замечать чудовищности ее преступлений. Ее правление отличалось внешним великолепием и сильным влиянием, которое она оказывала на все государственные дела. Она предложила брак императору Запада Карлу Великому, но тот с отвращением отверг все предложения противоестественной матери и напомнил ей, что ее интриги помешали союзу его дочери с императором Константином. Фактически ее воцарение привело к окончательному разрыву всех уз союза между восточной и западной частями римского мира. Папа Лев считал женщину-государя аномалией и мерзостью в глазах всех истинных римлян, и он положил конец всем притязаниям византийской династии, по крайней мере, на Италию, сделав Карла Великого императором Запада.

Эти годы правления были нелегкими для злой королевы из-за восстаний за границей и дворцовых интриг дома. Она окружила себя подневольными патрициями и евнухами, которых обогатила и возвела на высшие государственные посты; но ее собственный пример воспитал в них неблагодарность и двуличие, и, хотя внешне они выказывали ей всяческое почтение, втайне они замыслили ее падение и собственное возвышение. Великий казначей Никифор склонил ведущих евнухов и придворных к персоне императрицы, и было принято решение, что он должен быть наделен пурпуром. Никогда еще Ирина не была столь царственна, как в том, как она восприняла известие о своем падении. Когда заговорщики сообщили ей, что она должна удалиться дворца, она обратилась к ним с подобающим достоинством, поведав о поворотах своей жизни и смирившись со своей участью. Она мягко упрекнула Никифора в вероломстве и напомнила ему, что своим возвышением он обязан ей, а также потребовала должного признания своего императорского положения и попросила о безопасном и почетном отступлении. Но жадность Никифора не позволила удовлетворить эту просьбу; он лишил ее всех достоинств и богатства и сослал на остров Лесбос, где она терпела все лишения и добывала скудное пропитание трудом над своей прялкой. Ирина пережила перемену судьбы всего на один год, а в 803 году умерла от горя - обездоленная, покинутая и одинокая.

Из-за своего нечестия имя Ирины увековечено в истории среди Мессалин и Лукреций Борджиа. За свою религиозную ортодоксальность она была канонизирована как святая - яркий пример того, как внешнее соответствие религии покрывает множество грехов.

XIII

ВИЗАНТИЙСКИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ - ФЕОДОРА II, ТЕОФАНО, ЗОЯ, ФЕОДОРА III.

Иконоборческая полемика была далека от того, чтобы угаснуть с падением (в лице Ирины) дома Льва Исаврянина. Ему суждено было продолжаться еще более полувека и быть окончательно разрешенным другой императрицей, чья карьера имела заметное сходство с карьерой Ирины; и он так и остался разрешенным, потому что вторую царицу-изобразительницу сменил царский дом, происходивший из одной из европейских тем,

который, соответственно, сочувствовал скорее церкви Запада, чем религиозным настроениям народов Востока.

Но еще большие перемены произошли в Восточной империи после изгнания и смерти Ирины. Ее возвышение, как мы уже видели, разорвало связь между Востоком и Западом и привело к назначению западного императора в лице Карла Великого. Таким образом, с этого времени интересы и симпатии двух частей поздней Римской империи расходятся все больше и больше, а константинопольское правительство становится все более восточным по своим наклонностям. Поэтому для оставшихся веков истории Константинополя до его завоевания турками в 1453 году уместнее использовать прилагательное "византийский".

Карьера Ирины и ее преемницы Феодоры, двух императриц, поклонявшихся своему образу, в контрасте превратностей их жизни со стремительностью их возвышения и великолепием их власти, дает материал для романтики более правдивый, чем для трезвой истории. Каждая из них родилась в частном секторе; и в каждом случае, должно быть, требовались редкая красота, обаяние и высокие интеллектуальные способности, чтобы так успешно занять возвышенное положение императрицы римлян и опрокинуть иконоборческие реформы своих предшественников на троне. Каждая из них, будучи регентшей, грубо пренебрегала сыном, чьей юностью она руководила и которого она должна была приучить к высокому положению, для которого он был предназначен. И все же здесь кроется заметное различие между двумя королевами: Ирина в конце концов изгнала сына с королевского поста и отправила его доживать свой век ослепленным монахом в уединенной келье; Феодора, обнаружив, что больше не может контролировать дикий характер своего сына, воспитанием которого она пренебрегла, удалилась от двора и искала облегчения в покаянной жизни. За свои благочестивые деяния обе императрицы были канонизированы как православные святые, но Ирину всегда следует считать демоном в душе, а Феодору - заблуждающейся и самообманутой женщиной, которая, исполняя свои религиозные обязанности, упустила из виду важнейшую задачу, находившуюся под рукой. Но мы предваряем наше рассмотрение Феодоры, второй Ирины.

Иконоборческие споры были возобновлены Никифором, узурпировавшим престол Ирины, так как он был восточного происхождения и, следовательно, сочувствовал так называемым еретикам. Ни Никифор, ни его преемник в период политической анархии не пришли к мирному концу, но Михаил II. в 829 году умер естественной смертью в царском дворце, все еще нося завоеванную корону и оставив трон своему сыну Феофилу, которому суждено было стать Харуном аль-Рашидом византийской романтики и истории. Михаил женился на Евфросинии, дочери сына Ирины, Константина VI, и последнего отпрыска Льва Исаурийского. Евфросиния уже приняла постриг, но для того, чтобы союз мог продолжить род Льва, патриарх освободил ее от обетов, и она перешла из монастыря во дворец в качестве императрицы Востока. Однако, насколько нам известно, от этого брака не было потомства, и сын Михаила - Феофил - от прежней жены сменил своего отца на троне. Евфросиния некоторое время оставалась во дворце в качестве вдовствующей императрицы и, похоже, была в самых лучших отношениях со своим пасынком, которому она в конце концов помогла в важном, но трудном деле выбора супруги.

Феофил, со времен Константина VI, был первым принцем, воспитанным в пурпуре, и его образование было лучшим из того, что могла дать эпоха. Девятый век был веком романтики, как в действии, так и в литературе, и Феофил был вдохновлен многими идеями восточных монархов. Поэтому его правление представляет собой серию анекдотов и сказок, подобных тем, что рассказываются в "Арабских ночах", и было окружено восточным очарованием и таинственностью. Как и его предшественники, он был ярко выраженным иконоборцем.

Взойдя на престол, Феofil был не женат, и вопрос выбора жены представлял немало трудностей для абсолютного правителя, который мог выбирать из дочерей аристократических семей Константинополя или даже из провинций своих владений. В конце концов он посоветовался с привлекательной вдовствующей императрицей Евфросинией, и они разработали план, который позволял сделать широкий выбор и при этом обладал всей романтикой мифических времен.

Однажды вдовствующая императрица собрала у себя на вечере всех самых красивых и опытных дочерей столичной знати. Пока девицы обменивались дружескими приветствиями, в зал неожиданно вошел Теофил, неся, как Парис в старину, золотое яблоко в руке. Он окинул взглядом комнату, и во многих женских сердцах затрепетало от мысли о предмете его прихода и возможном получателе золотого яблока. Пораженный красотой и изяществом прекрасной Эикасии, одной из знаменитых красавиц того времени, он остановился перед ней, чтобы обратиться к ней со словом. В сердце гордой красавицы уже зародились предчувствия императорской карьеры. Но Теофил не нашел лучшей темы для начала разговора, чем неблагозвучное замечание: "Женщина - источник зла в мире", на что юная леди быстро ответила: "Женщина также является причиной многих благ". То ли готовый ответ, то ли тон ее голоса подействовали на придирчивый ум монарха, и он прошел дальше. Его взгляд упал на скромные черты и изящную фигуру юной Феодоры, соперницы красавицы, и он, не рискуя произнести ни слова, протянул ей яблоко. Потрясение было слишком сильным для оскорбленной Эикасии, которая на мгновение ощутила трепет удовлетворенного честолюбия и осознала, что обладает дарами, которые украсят трон. Она сразу же удалилась в основанный ею монастырь и посвятила свое время религиозной практике и интеллектуальным занятиям. Ею было написано множество гимнов, которые долгое время оставались в обиходе греческой церкви.

Возможно, для Феофила было бы лучше, если бы он выбрал Эикасию. Феодора, при всей своей скромности, была самоуверенной и гордой, и как преданная иконопочитательница она доставила своему мужу много несчастий при его жизни, а как только он умер, она принялась за работу, чтобы разрушить его политику. Императрица Евфросиния слишком быстро поняла властный дух новой императрицы, как и мать Феодоры, Феоктиста, и обе вдовствующие особы удалились в монастырь Гастрия, который обеспечил им приятное уединение от придворных интриг.

Феодора - героиня другой истории, которая иллюстрирует неблагоприятные черты ее характера и любовь Феофила к справедливости. У жадных до денег чиновников была практика тайно заниматься торговлей и избегать уплаты таможенных пошлин, вовлекая императрицу или членов императорской семьи в коммерческие авантюры. Подобные действия причиняли купцам грубую несправедливость, от чего страдали доходы государства. Феofil узнал, что молодая императрица дала свое имя одной из таких торговых спекуляций, и решил разобраться с этим делом так, чтобы в будущем повторение было невозможно. Он узнал время, когда в Константинополь должен был прибыть корабль с ценным грузом на имя императрицы. Он собрал весь свой двор на набережной, чтобы наблюдать за его прибытием, и когда капитан корабля потребовал свободного входа от имени императрицы, Феofil заставил его разгрузить и выставить на всеобщее обозрение свой драгоценный груз сирийских товаров, а затем публично сжечь его; затем, обратившись к своей жене, он заметил, что никогда в истории человечества римский император или императрица не становились торговцами, и добавил резкий упрек, что ее скупость превратила характер императрицы в характер торговца.

Феофил умер в 842 году, оставив трон своему трехлетнему сыну Михаилу. Его мать, Феодора, коронованная как императрица, стала регентшей в своем праве и быстро проявила себя как одна из самых самоуверенных византийских принцесс. Как Феофил и его предшественники отменили дело Ирины, так и Феодора сразу же начала отменять иконоборческую политику своего покойного мужа; и поскольку ее преемники продолжили ее политику, регентство Феодоры знаменует собой конец иконоборчества и окончательное установление поклонения образам в церквях Востока, как и Запада.

В течение первого месяца после начала нового царствования в константинопольских церквях вновь появились изображения, а изгнанные иконопочитатели были возвращены из мест своего изгнания. Иоанн Грамматик, патриарх, служивший Феофилу, был низложен за отказ созвать синод для отмены иконоборческих постановлений, и вместо него был назначен Мефодий. В том же году в Константинополе состоялся церковный собор, состоявший в основном из недавно изгнанных епископов, аббатов и монахов, которые отличились как исповедники в деле борьбы с иконопочитанием. Все видные епископы, придерживавшиеся иконоборческих взглядов, были изгнаны из своих обителей, а их места заняли православные. Практика и доктрины иконоборцев были официально анафематствованы и навсегда изгнаны из православной церкви.

Пока проходил синод, в сердце Феодоры разгорался конфликт между ее любовью к поклонению образам и привязанностью к покойному мужу. Она не колебалась в своем рвении к православной церкви, но ей было страшно думать о том, что ее муж, как еретик, будет отправлен на муки ада. Поэтому однажды она предстала перед собравшимся духовенством и попросила вынести постановление о том, что все грехи ее покойного мужа были прощены Церковью и что божественная благодать стерла запись о его гонениях на святых. Глубокое недовольство проявилось на лицах всех священнослужителей, когда она обратилась к ним с этой необычной просьбой, а когда они замешкались, она с невинной откровенностью произнесла мягкую угрозу, что если они не отнесутся благосклонно к ее прошению, то она не будет использовать свое влияние регента, чтобы дать им победу над иконоборцами, а оставит дела Церкви в их нынешнем положении. Патриарх Мефодий наконец обрел голос, чтобы сказать ей, что Церковь может использовать свое служение для освобождения душ православных князей от адских мук, но, к сожалению, молитвы Церкви бесполезны в получении прощения от Бога для тех, кто умер без блеска православия; что Церкви доверены ключи небесные только для того, чтобы открывать и закрывать врата спасения для живых, а мертвые находятся вне ее помощи.

Однако Феодора была полна решимости добиться спасения для своего покойного мужа. Она рассказала, что в последние минуты жизни умирающий Феофил нежно обнимал и целовал образ, который она положила ему на грудь. Хотя было вероятно, что душа Феофила уже отошла в мир иной, хитроумный Мефодий увидел в этом заявлении выход из дилеммы, вставшей перед синодом; по его рекомендации собравшееся духовенство согласилось отпустить умершего императора от отлучения и принять его в лоно православной церкви, заявив, что, поскольку его последние минуты прошли так, как засвидетельствовала Феодора в письменном свидетельстве, Феофил нашел помилование у Бога.

Как и ее более знаменитая предшественница Ирина, Феодора проявила мастерство в управлении, и, несмотря на свою гонительную политику по отношению к иконоборцам, она сохранила спокойствие в империи и укрепила ее престиж. Как и Ирина, она настолько увлеклась религиозными и политическими делами, что позорно пренебрегла воспитанием своего сына. Печальным комментарием к истории Церкви является тот факт, что в длинной череде императоров от Феодосия до Василия только двое были совершенно непригодны для

того высокого положения, на которое они претендовали, и это были сыновья двух императриц, чьи имена так часто фигурируют в триумфе поклонников образов, - сын Ирины, Константин VI, и сын Феодоры, Михаил III.

Феодора, поглощенная императорскими амбициями, оставила воспитание своего ребенка своему брату Варде, о распутной жизни которого она не могла не знать. Бардас воспитывал юного Михаила самым безрассудным и бессовестным образом, позволяя ему пренебрегать серьезными занятиями и обучая его собственным порокам - пьянству и разврату. Михаил оказался искусным учеником в распутстве и, не достигнув совершеннолетия, стал законченным дигсоманом. Тем временем его мать с помощью своего министра Феоктиста присвоила себе единоличное руководство государственными делами и с безразличием наблюдала за тем, как брат портит принципы ее сына. Возможно, она видела в его гибели продолжение и увековечивание собственной власти; возможно, она боялась, что его влияние будет отброшено к иконоборцам, как это было у его отца до него, и что только своей бурной карьерой он сможет помешать опрокинуть заветные планы ее сердца.

Однако, несмотря на свою беспорядочную жизнь, Михаил проявлял сильную волю, и, когда подошло время его совершеннолетия, он открыто поссорился с матерью. Он жестоко влюбился в Евдокию, дочь Ингера из могущественного рода Мартинаксов, и Феодора и ее министры увидели в союзе с этим домом вероятность мощной оппозиции их собственному политическому влиянию. Феодора поняла, что должна каким-то образом предотвратить этот брак, и так сильно использовала свое материнское влияние, что заставила шестнадцатилетнего юношу жениться на другой даме по имени Евдокия, дочери Декаполита, повторив тем самым неудачную политику Ирины по аналогичному случаю. Однако молодой руэ, уклонившись от намерения сделать Евдокию Ингериной своей женой, сразу же сделал ее своей любовницей и тем самым навлек на себя публичный позор в тогдашней придворной жизни. Его брак также озлобил его против регентства; при первой же возможности он заявил о своем совершеннолетии, санкционировал убийство премьер-министра Феоктиста и устал от присутствия своей матери.

Ему удалось выгнать мать и сестер из дворца, и он даже попытался убедить патриарха отдать им чадру. Надеясь вернуть себе власть над сыном, Феодора составила заговор с целью убийства своего брата Варды, но заговор был раскрыт, и Михаил заставил ее удалиться в монастырь Гастрия, где обычно жили уединенные от мира дамы императорской семьи. Однако императрица-мать никогда не опускалась до подлости Ирины, чтобы нанести вред своему неблагодарному сыну.

Тем временем Михаил выбрал себе в спутники придворного Базиля, который начал свою карьеру конюхом в конюшнях какого-то придворного вельможи. Вдвоем они предавались разврату и похоти, и в знак своей благосклонности Михаил заставил Василия жениться на своей брошенной любовнице Евдокии Ингерине.

В уединении монастыря Феодора сожалела о неблагодарности, пороках и неизбежной гибели своего никчемного сына и, рассказывая в своей прежней глупости, что пренебрегла его воспитанием, пыталась исправить ошибки своей прошлой жизни. Наконец, после смерти брата Феодора вернула себе часть материнского влияния и получила разрешение поселиться во дворце Сен-Мамас, где и произошла последняя печальная трагедия в ее карьере.

Василий, который, несмотря на все карусели, всегда умел держать себя в руках, наблюдал, как его друг Михаил отбросил высокие привилегии своего положения и стал объектом презрения в глазах всех добрых людей. Его непомерное стремление взойти на трон

превозмогло все благородные чувства, и он замышляет убийство императора и узурпацию верховной власти. Трагедия произошла во дворце императрицы-матери. Василий и его жена Евдокия Ингерина были приглашены ею на пир в свой дом, где присутствовал Михаил. Началась оргия; Михаила в состоянии алкогольного опьянения отнесли в его комнату, и Василию с заговорщиками удалось усыпить его в пьяном сне. Василий вззошел на трон, и ему суждено было основать самую длинную династию в летописи империи. Феодора, убитая горем и безмерно огорченная жестокой судьбой своего первенца, умерла в первый год правления Василия I.

За свою ревность к поклонению образам Феодора была причислена к лику святых церковными писателями как Западной, так и Восточной церкви и удостоена места в греческом календаре. Если бы ее преданность детям была равна ее самоотверженной преданности церковным делам, она могла бы изменить ход византийской истории. Но, не справившись с материнскими обязанностями, ее имя разделило как бесчестье, так и славу Ирины, и, не обладая злобой последней, она должна быть причислена к царицам, которые, пренебрегая своим сыном, навлекли позор на империю.

Василий I. был одним из тех замечательных людей, которые после бесславной карьеры отрезвляются великой ответственностью и хорошо выполняют ту роль, которую им было суждено сыграть. Но в отношениях с женщинами ему пришлось пережить естественный результат своей прежней распущенности. Его первая жена, на которой он женился в начале своей карьеры, прожила всего несколько лет, оставив ему сына Константина, которого он соединил с собой на троне, но который умер после десятилетнего перерыва. Евдокия Ингерина, на которой Михаил заставил его жениться, родила сына Льва, который сменил Василия на троне, но императора постоянно преследовало подозрение, что этот мальчик был сыном не его самого, а Михаила. Приключения этой императрицы и сестры Михаила, Феклы, которая также разделила императорскую честь, являются печальным доказательством развращенности нравов того времени. С согласия брата Фекла стала наложницей Василия, а после того как он убил Михаила и вззошел на трон, Фекла утешала себя другими любовниками. Однажды случилось так, что слуга, работавший в доме Феклы, ждал императора, когда тот задал бесстыдный вопрос: "Кто сейчас живет с твоей госпожой?". Слуга неосмотрительно назвал имя успешного любовника; ревность Василия разгорелась, и он приказал схватить, бичевать и заточить на всю жизнь в монастырь любовника той женщины, которую он отстранил. Говорят даже, что он плохо обращался с Феклой и конфисковал часть ее имущества. Но императрица Евдокия Ингерина отомстила несчастной принцессе способом, более простительным для любовницы развратника, чем для жены императора. Когда ее похождения были раскрыты, императрице хватило благоразумия избежать скандала, просто заставив любовника уединиться в монастыре.

Приятным контрастом истории этих развратных принцесс, свидетельствующей об отсутствии всякого стыда в высшей жизни Константинополя, является история вдовы Даниелис, которая была щедрой дамой для Василия в его ранние годы, и которой он с удовольствием выражал свою признательность после того, как вззошел на трон.

Однажды, когда он был атташе придворного Феофилакта, которого Феодора отправила по государственным делам в Пелопоннес, он заболел в Патрах. Богатая вдова по имени Даниелис, которую поразила привлекательная внешность галантного атташе, забрала его к себе и заботливо выхаживала во время болезни. Когда он выздоровел, она сделала Василия членом своей семьи, соединив его со своим сыном Иоанном духовными узами братства, которые греческая церковь одобряет особыми обрядами; она также одарила его

значительным богатством, чтобы с тех пор он мог хорошо играть роль придворного и имел средства, чтобы стать благосклонным спутником, другом и коллегой непостоянного Михаила.

Прочная дружба между вдовой и императором представляет собой самый интересный эпизод в многотрудной карьере Василия. Став императором, он выразил свою благодарность, послав за сыном своей бывшей благодетельницы и назначив его протоспафарием, или начальником стражи. Он также призвал вдову посетить его и увидеть, как ее приемный сын восседает на троне. Рассказ о ее путешествии в Константинополь является ценнейшим комментарием к жизни греческих женщин в IX веке и показывает, как велико было богатство немногих на греческой земле и какую важную роль могла играть богатая вдова в государственных делах; история такова:

"Госпожа Даниелис отправилась из Патр в литре или крытой кушетке, которую несли на плечах десять рабов; а следовавший за ней поезд, предназначенный для облегчения этих носильщиков, состоял из трехсот человек. Когда она достигла Константинополя, ее поселили во дворце Магнаура, предназначенном для приема княжеских гостей. Богатые подарки, которые она приготовила для императора, поразили жителей столицы, ведь ни один иностранный монарх никогда не преподносил византийскому государю даров, равных по ценности.

"Рабы, которые несли подарки, сами были частью подарка, и все они отличались молодостью, красотой и достижениями. Четыреста юношей, сто евнухов и сто девиц составляли живую часть этого великолепного подношения; кроме того, было сто кусков богатейшей цветной драпировки, сто кусков мягкой шерстяной ткани, двести кусков льна и сто кусков батиста, настолько тонкого, что каждый кусок мог быть вложен в сустав тростника. Ко всему этому добавился сервиз из кубков, блюд и тарелок из золота и серебра. Когда Даниелис достигла Константинополя, она обнаружила, что император построил великолепную церковь в качестве искупления за убийство своего благодетеля, Михаила III. Она послала в Пелопоннес приказ изготовить ковры необычайных размеров, чтобы покрыть ими весь пол и защитить богатую мозаичную плитку, на которой павлин с распростертым хвостом поражал всех, кто на него смотрел, необычайным блеском своей раскраски. Прежде чем вдова покинула Константинополь, она оформила значительную часть своего имущества в Греции на сына, протоспафария, и на приемного ребенка, императора, в совместную собственность.

"После смерти Василия она снова посетила Константинополь; ее родной сын был мертв, и она сделала императора Льва VI своим единственным наследником. Покидая столицу в последний раз, она пожелала, чтобы протоспафарий Зенобий был отправлен в Пелопоннес для составления реестра ее обширных владений и огромного имущества. Она умерла вскоре после своего возвращения, и даже императорские чиновники были поражены размером ее богатства; количество золотых монет, золотых и серебряных пластин, произведений искусства из бронзы, мебели, богатых тканей из льна, хлопка, шерсти и шелка, скота и рабов, дворцов и ферм, составило наследство, которое обогатило даже константинопольского императора. Рабов, владельцем которых стал император Лев, было так много, что он приказал лишить права голоса три тысячи человек и отправить их в *тему* Лонгобардию (так тогда называлась Апулия), где они получили во владение землю, которую обрабатывали как крепостные. После выплаты многих наследств и раздела части земельных владений в соответствии с завещанием император остался владельцем восьмидесяти ферм или деревень".

Это повествование дает любопытное представление о состоянии общества в Греции во второй половине IX века, то есть в период, когда греческая раса начала восстанавливать численное превосходство и готовиться к закреплению своего политического превосходства над славянскими колонистами на Пелопоннесе.

Кажется почти невероятным, что такое богатство и власть могли быть сосредоточены в руках одной женщины; и только если принять во внимание ужасающую бедность масс населения из-за поборов богачей и притеснений правящих классов, можно объяснить наличие средств, позволявших роскошь аристократов.

Четырехсотлетний период после смерти Василия Македонского заняли два долгих царствования Льва VI, который считается сыном Василия, но, по всей вероятности, был сыном Михаила, и сына Льва, Константина Багрянородного. Эти годы были важны для литературы, так как и сын, и внук основателя династии были известными авторами; но с точки зрения исторического интереса, особенно в отношении истории византийской женственности, они были самыми скучными и однообразными за многие века существования империи.

Константин Багрянородный был ребенком (от четвертой жены) престарелого Льва, и ему было всего семь лет, когда он стал наследником империи. Он воспитывался под опекой опекунов, и так предавался сочинению книг и написанию картин, что ему было сорок лет, прежде чем он полностью взял в свои руки бразды правления; однако двадцать лет верховной власти выпали на его долю.

В его произведениях мы имеем прекрасную картину его домашней жизни. Мы мало знаем о его жене Елене, но он был предан своему сыну Роману, веселому, любящему удовольствия принцу, и дочерям, из которых младшая, Агата, была его любимым секретарем и постоянной спутницей его занятий. "Сидя рядом с ним, она читала ему все официальные отчеты министров, а когда его здоровье стало подводить, он при ее посредничестве согласился вести государственные дела. То, что такое поведение не вызвало никаких тревожных злоупотреблений, не породило ни серьезных жалоб, ни семейных ссор, более почетно для сердца принцессы, чем то, что она успешно выполнила свое поручение в соответствии со своим здравым смыслом и способностями."

Однако самой интересной фигурой в его жизни была его невестка Феофано, которой суждено было сыграть роковую роль в истории дома Базилиана. Феофано была низкого происхождения, и ее красота и грация никогда не могли заставить придворный круг и общественность простить низкий союз, позорящий величие пурпура. Поэтому о ней ходили самые гнусные скандалы, которые следует воспринимать с некоторой долей осторожности.

По словам летописцев, она была дико честолюбива и совершенно лишена природных привязанностей, очаровательна внешне, но жестока сердцем. Она и Роман составляли самую яркую пару, когда появлялись вместе при дворе или участвовали в общественных процессиях. Роман отличался красотой и силой, он был высок и подтянут, имел светлый цвет лица, аквилонский нос и сверкающие глаза. Феофано отличался чисто греческими чертами лица, но при этом был небольшого роста и отличался необыкновенной легкостью манер и движений. По словам византийских писателей, она страстно желала верховной власти и отравила своего свекра, чтобы ускорить возведение мужа на трон. Константин не принял достаточного количества напитка, введенного ее рукой, чтобы покончить с жизнью, но его телосложение было ослаблено, и через некоторое время он скончался. Имя Романа также фигурировало в этой истории, поскольку он был склонен, благодаря коварству своей жены, вступить в заговор против их отца и благодетеля. Но Константин описывает свою

собственную семейную жизнь настолько доброжелательно, что обвинения, выдвинутые против Романа и Феофано, так же трудно принять на веру, как и рассказы Прокопия о Феодоре Юстиниане.

Роман II занимал трон всего пять лет, когда заболел и умер, и ходили слухи, что Феофано подмешала ему тот же смертельный напиток, который она приготовила для своего свекра. Молодая императрица осталась регентшей двух своих маленьких сыновей, семилетнего Василия и двухлетнего Константина. Сначала она стремилась царствовать одна, но вскоре, осознав нелюбовь византийцев к женскому правлению, нашла защитника и опекуна для своих сыновей в Никифоре, самом доблестном воине империи. Он получил руку прекрасной вдовствующей императрицы и был коронован как коллега двух юных цесаревичей. Его уродство и уродливость не позволили Феофано полюбить его, и эта пара была скорее интересом, чем привязанностью. Однако Никифор оказался самым любящим соправителем и скрупулезно следил за соблюдением прав молодых принцев. Много времени он проводил в поле, и много побед было одержано им над византийским оружием. Но даже его великие достижения не смогли околдовать сердце капризной императрицы.

За время отсутствия своего мрачного и уродливого мужа Феофано увлеклась его любимым племянником Иоанном Зимисцием, который также был известным воином. Иоанн прислушался к голосу искуателя, не столько из-за похоти, сколько из-за честолюбия, и вступил в сговор с императрицей против своего дяди и благодетеля. Коварное убийство было совершено одной декабрьской ночью 969 года в императорских апартаментах дворца.

Некоторые из заговорщиков скрывались в покоях Феофано. Иоанн Зимитис и его главные спутники переправились через Босфор на небольшой лодке, высадились под стенами дворца и в темноте ночи бесшумно поднялись по веревочной лестнице, которую спустили вниз подручные императрицы. Никифор, по своему обыкновению, спал на медвежьей шкуре на полу своих покоев, когда его разбудил шумный вход заговорщиков. Они выхватили кинжалы и по команде Иоанна вонзили их в тело доблестного полководца, который в предсмертной агонии воскликнул: "Господи! Окажи мне милость твою". Хотя этим подлым поступком Иоанн вззошел на престол, он проявил глубокое раскаяние в убийстве своего дяди; попустительством патриарха и вероломством друзей он избежал брака с виновницей своей вины.

"В день своей коронации он был остановлен на пороге Святой Софии неустрашимым патриархом, который обвинил его в измене и крови и потребовал в знак покаяния, чтобы он отделился от своего более преступного соратника. Этот порыв апостольского рвения не оскорбил принца, поскольку он не мог ни любить, ни доверять женщине, нарушившей самое святое обязательство; и Феофано, вместо того чтобы разделить императорский трон, был с позором удален из своей постели и дворца". Лишенная места регентши и отвергнутая своими сыновьями, на которых она навлекла позор, Феофано провела оставшиеся годы своей жизни в монастыре.

Из двух сыновей Феофано, Василий II, после долгого правления, длившегося более полувека - 963-1025, - отличавшегося многочисленными победами над болгарами, умер бездетным, и ему наследовал его брат, Константин IX, которому суждено было стать последним представителем Македонского дома. После его короткого трехлетнего правления история оставшихся двадцати девяти лет династии Василиев складывается из имен двух его престарелых дочерей, Зои и Феодоры, и череды принцев, обязанных своим положением на троне исключительно им. Это период упадка, и читатель не может не пожалеть двух сестер, которые пытались поддержать угасающую династию в условиях коррупции и безрассудства.

Зоя - центральная фигура этого периода; но Феодора была намного выше ее, и она навеивает некий оттенок очарования на последние годы правления дома Василия Македонского.

Зою, однако, отличалась не столько способностью управлять, сколько необычайным тщеславием и любовью к поклонениям. По какой-то причине она достигла сорока восьми лет, прежде чем нашла себе мужа. На смертном одре Константин вызвал во дворец Романа Аргируса, пожилого дворянина, и сообщил ему, что он избран для вступления на трон, но должен развестись с женой и жениться на одной из императорских принцесс. Роман колебался, но не потому, что ему был неинтересен трон, а потому, что условия были слишком суровыми; он любил свою жену и не хотел соединять свой жребий с одной из престарелых дев. Но ему было сказано, что он должен либо подчиниться, либо потерять зрение. Чтобы облегчить положение, его жена с самоотверженной преданностью приняла постриг и ушла в монастырь. Константин предназначил Феодору, младшую и более способную из своих дочерей, для трона в качестве супруги Романа, но по религиозным соображениям она отказалась выйти замуж за мужа другой женщины, и поэтому Зоя была выбрана в качестве невесты и императрицы в нежном возрасте сорока восьми лет. Роману было шестьдесят, когда он вззошел на трон.

Зоя так и не простила своей сестре Феодоре того, что из-за ее более стойкого характера их отец предложил трон младшей дочери; Роман не любил ее, потому что она ему отказала. Поэтому за ее передвижениями следили шпионы и всячески пытались связать ее с различными заговорами придворных, имевших намерения занять трон. В конце концов, обвиненная в том, что она была посвящена в планы одного из самых враждебных придворных, Феодора была изгнана из дворца и заключена в монастырь Петрион; через некоторое время Зоя, посетив монастырь, заставила сестру принять монашеский постриг.

Роман и Зоя никогда не были ласковой парой. Он строго посвящал себя государственным делам и с безразличием взидал на многочисленные интриги своей любвеобильной супруги, которая, подобно королеве Елизавете, считала себя владычицей всех сердец. Но одна из этих интриг, возможно, стоила ему жизни.

Королевские супруги передали управление дворцом в основном евнухам. Один из них, Иоанн Пафлагонский, стал очень влиятельным и, поскольку сам он был лишен императорского титула, попытался возвести брата на эту высокую должность. Этот брат, Михаил, начал свою жизнь как ювелир и меняла, но брат назначил его на место в императорском доме. Благодаря своей личной красоте, изящным и достойным манерам он вскоре стал любимым камергером своей царственной госпожи. Однако, к сожалению, он был подвержен внезапным и сильным приступам эпилепсии. Это, вместо того чтобы оттолкнуть Зою, вызвало у нее жалость, и она влюбилась в своего красивого слугу и затеяла с ним любовную интригу. Роман был должным образом проинформирован о поведении своей жены, но остался равнодушен к этому и, вероятно, посчитал обвинение несостоятельным из-за эпилепсии Михаила. Зонарас, древний летописец, рассказывает историю о том, что по ночам император часто звал Михаила потереть ему ноги, когда тот лежал в постели с Зоей. И наивно добавляет: "Кто может удержаться от предположения, что руки молодого камердинера не находили возможности коснуться и ног императрицы?". В последние два года жизни Роман страдал от чахоточной болезни, и ходили слухи, что причиной тому был медленный яд, введенный то ли Зоей, то ли евнухом Иоанном, который хотел добиться возвышения своего брата. Во всяком случае, в предсмертные минуты, прежде чем дыхание покинуло его тело, императрица покинула его постель, чтобы вместе с Иоанном Пафлагонским принять меры для возведения на трон своего страдающего эпилепсией фаворита.

Как только Роман III перестал жить, Зоя созвала во дворце собрание государственных чиновников и возложила на Михаила IV диадему и пурпурную мантию. Он сразу же был провозглашен императором римлян и официально посажен рядом с Зоей на освободившийся трон. Патриарх Алексий был преисполнен отвращения к такому вопиющему проявлению презрения к приличиям, но по государственным соображениям и во избежание большего скандала он отпраздновал брак императрицы с ее фаворитом. "Так за одну ночь престарелая Зоя стала женой двух императоров, вдовой и невестой, а Михаил - слугой и государем".

Михаилу было двадцать восемь лет, когда он женился на Зое в возрасте пятидесяти четырех лет и вззошел на престол. Несмотря на свое скромное происхождение, он показал себя способным правителем и сумел дать отпор некоторым врагам империи. Но его полезной деятельности мешали эпилептические припадки и недружелюбное отношение подданных, которые считали его болезнь свидетельством божественного гнева за неблагодарность по отношению к своему благодетелю Роману. До тридцати шести лет он стал безнадежным инвалидом и, почувствовав приближение своего конца, отрекся от мира и всех сует императорского положения и удалился в монастырь Святого Анаргираса, где стал монахом. Он умер 10 декабря 1041 года, процарствовав семь лет и восемь месяцев.

После смерти второго мужа неумелая Зоя сначала пыталась управлять империей в одиночку, при помощи евнухов из своего дома, но преобладающее отвращение к женской власти и ее собственное нежелание оставаться без общения с мужским полом привели ее к осознанию необходимости дать империи государя-мужчину. Перед ней встала альтернатива: усыновить сына или выйти замуж за мужа. Дважды испытал супружеское блаженство, но так и не вкусив радости сыновней преданности, ради новых ощущений Зоя выбрала первый вариант.

Она выбрала для этой чести другого Майкла, племянника своего покойного мужа, но, зная его переменчивый характер, заставила его дать торжественную клятву, прежде чем вручить ему корону, что он всегда будет считать ее своей благодетельницей и относиться к ней как к матери. Михаил был готов пообещать все, и диадема была возложена на его голову.

Но как только он утвердился у власти, Михаил V. показал свою душевную подлость, проявил и наглость, и неблагодарность по отношению к женщине, благодаря которой он возвысился. В конце концов он дошел до того, что изгнал императрицу Зою на Принцесы острова и заставил ее принять монашеский постриг. Но этот подлый поступок был выше сил народа. Их ярость прорвалась сквозь все сдерживающие факторы. Толпа прошла по улицам и объявила, что правлению Михаила пришел конец. Они угрожали схватить его и разбросать его кости по земле, как пыль. В церкви Святой Софии состоялось собрание, на которое из монастыря Петрион привезли престарелую Феодору и провозгласили ее совместной императрицей со своей сестрой Зоей. Тем временем Михаил, встревоженный быстрым и ошеломляющим распространением смуты, вернул Зою во дворец и попытался умиротворить народ, уговорив ее появиться на балконе, выходящем на Ипподром. Но ему не удалось остановить поток народного гнева. Дворец был взят штурмом, и в последовавшем за этим конфликте погибли три тысячи человек. Михаил спас свою жизнь, сбежав в монастырь Студийон; ему окончательно выкололи глаза, и остаток дней он провел в монашеском одеянии.

Зоя сразу же приступила к исполнению обязанностей и ответственности за власть, которых она была лишена, и пыталась заставить сестру вернуться к религиозной жизни; но сенат и народ настаивали на совместном правлении двух сестер. Но этот необычный союз продлился менее двух месяцев. По темпераменту и интересам обе сестры были противоположны. Их поддерживали разные фракции: клерикальная партия отдавала

предпочтение благочестивой Феодоре, а мирские люди - переменчивой Зое. Некоторое время они постоянно появлялись бок о бок на заседаниях сената и в судебных инстанциях. В отличие от Зои, Феодора проявила большую склонность к государственным делам и с удовольствием выполняла свои административные обязанности.

Когда козни Зои против сестры не удались, и она поняла, что Феодора стремительно набирает силу, она задумалась о том, чтобы взять третьего мужа, которому она могла бы отдать трон и тем самым лишить сестру того влияния, которое она быстро приобретала.

Поэтому в преклонном возрасте шестидесяти двух лет Зоя начала искать третьего мужа, несмотря на каноны церкви, запрещавшие третий брак. Сначала ее мысли обратились к влиятельному дворянину Константину Даласенну, которого отец когда-то выбрал для нее в ранние годы и о котором ее воспоминания навевали ореол романтики. Но вместо галантного героя своего воображения она обнаружила, что вызвала во дворец для беседы сурового старого джентльмена, который резко выражал свое неодобрение существующей императорской системы, безмерно порицал пороки двора и не преминул скрыть свое презрение к ее собственному сомнительному поведению. Такой супруг стал бы прекрасным противоядием от царящей в империи коррупции, но Зоя не желала подчиняться столь суровому хозяину и быстро приняла решение искать другого.

Бывший любовник, Константин Артоклинас, стал объектом ее матримониальных замыслов. Но у него уже была жена, которая не отличалась таким самоотверженным нравом, как супруга Романа. Как только она узнала о почестях, которые Зоя предназначила своему мужу, Константин Артоклинас заболел и долго не прожил. По общему мнению, жена отравила его либо из-за ревности к Зое, либо потому, что ей не хотелось провести остаток дней в монастыре. Однако Зоя была легко утешена.

Она снова выбрала старого поклонника, Константина Мономаха, которого Михаил IV сослал в Митилену за его ухаживания за императрицей, но который был отозван после воцарения Зои и Феодоры и назначен на высокую официальную должность в Греции. Императорская галера была отправлена с царским курьером, чтобы уведомить его о новом достоинстве, которое его ожидало, и доставить его в Константинополь. По прибытии он был облачен в императорские одежды. Его брак с Зоей был совершен одним из священнослужителей, так как патриарх Алексий отказался совершать третий брак императрицы, что в данном случае было вдвойне неканонично, поскольку и Зоя, и Константин были дважды женаты.

Выбор, сделанный Зоей, является печальным комментарием к безнравственности эпохи. Жизнь и характер Константина X. свидетельствуют о полном отсутствии моральных принципов, царивших в придворных кругах. Похоронив двух жен, Константин Момах добился расположения красивой и богатой молодой вдовы по имени Склирена, которая открыто стала его любовницей и сопровождала его в изгнании в Митилену. Однако в глазах ортодоксов ее положение любовницы было более респектабельным и менее неканоничным, чем если бы она стала его третьей женой. Поскольку Склирена поддерживала его в дни невзгод, Константин настоял на том, чтобы она разделила с ним его процветание, и когда он принял пурпур, то договорился с Зоей, что она останется его любовницей, на что Зоя в своем бесстыдстве согласилась. Таким образом, "жителям Константинополя было представлено необычное зрелище: император римлян появился на публике с двумя спутницами, удостоенными титула императрицы, одна из которых была его женой, а другая - любовницей".

Склирена была официально удостоена титула Августы и занимала положение, равное Феодоре, чье относительное значение уменьшилось с приходом императора Константина X. Она имела свой собственный двор и располагалась в апартаментах императорского дворца.

Благодаря своей красоте и изящным манерам она собрала вокруг себя блестящий придворный круг, который своей пышностью и показностью сильно контрастировал со скучной церемонией и мрачной атмосферой апартаментов престарелых сестер Зои и Феодоры. Нрав Склирены тоже был приветливым и располагающим, и она вызывала восхищение тем постоянством, с которым держалась за своего возлюбленного в дни его несчастий. Константин, в ответ на ее самоотверженную преданность, когда он был нищим изгнанником, постарался отблагодарить ее самыми щедрыми тратами государственных средств. Ее апартаменты были сделаны самыми элегантными и роскошными в городе, а ее туалеты стали предметом зависти всех аристократических дам Константинополя.

Хотя Константин всячески демонстрировал свою пристрастность к любовнице, это не нарушало внутреннего спокойствия императорского дома. Зоя и Склирена жили в самых лучших отношениях, и полное отсутствие ревности у престарелой жены менее примечательно, чем ее полное бесстыдство.

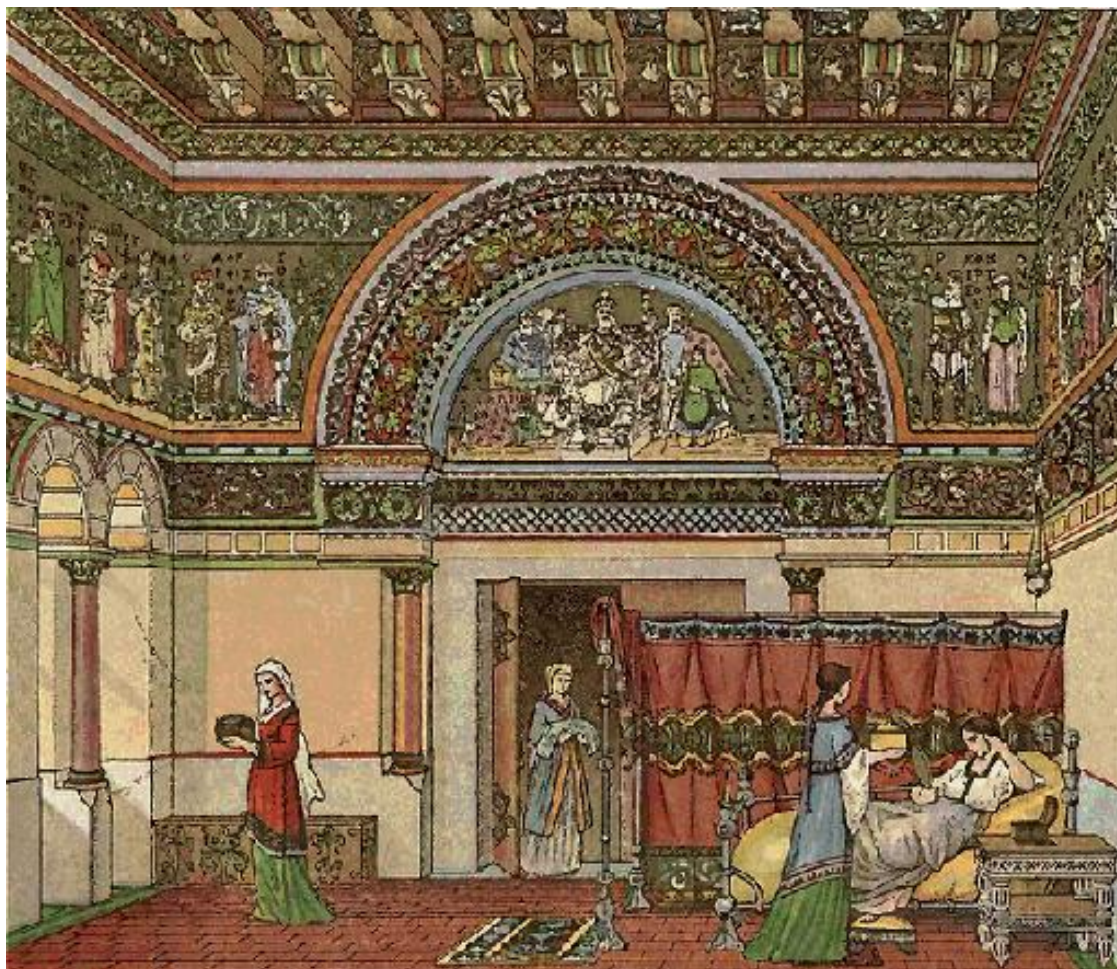
Нравственные чувства народа, однако, не были так сильно испорчены, как у начальства. Они возмущались щедрыми тратами государственных денег на наложницу императора, а также оскорблением, нанесенным таким образом их императрице. Они чувствовали, что жизнь престарелых сестер, единственных оставшихся в живых представителей македонского дома, не может быть в безопасности во дворце, где царил порок и где так часто совершались тайные убийства.

Возмущенные жители подняли мятеж в праздник Сорока мучеников, когда император был обязан пройти торжественной процессией до церкви Спасителя в Халке, а оттуда верхом на лошади отправиться к храму Мучеников. Когда процессия уже собиралась двинуться от дворца, раздался крик: "Долой Склирену; мы не потерпим ее в качестве императрицы! Зоя и Феодора - наши матери, мы не допустим, чтобы их убили!" Толпа попыталась наложить руки на императора, чтобы разорвать его на куски, но беспорядки были подавлены внезапным появлением Зои и Феодоры на балконе, и люди разошлись без серьезного ущерба.

Императрица Зоя умерла в 1050 году, в возрасте семидесяти лет. Константин X. дожил до 1055 года. Перед кончиной ему не терпелось назвать своего преемника, но как только Феодора узнала о попытке деверя лишить ее трона, она поспешила во дворец, где был быстро созван сенат, и представила себя как законную императрицу. При всеобщем одобрении Феодора была провозглашена единственной правительницей империи.

Хотя Феодоре было семьдесят пять лет, когда она стала единоличной правительницей судеб Восточной империи, она проявляла большую силу характера, и ее короткое правление было удачным периодом для византийцев благодаря ее вниманию к государственным делам и свободе от внешних конфликтов. Чтобы сохранить власть в своих руках, Феодора лично председательствовала на заседаниях кабинета министров и сената, а также рассматривала апелляции в качестве верховного судьи по гражданским делам. Долгая монашеская жизнь выработала в ней узкие взгляды и язвительные страсти затворницы, но аскетический дух был облегчением после чувственных представлений константинопольского двора. Даже в преклонном возрасте семидесяти шести лет Феодора чувствовала себя настолько крепкой, что рассчитывала на долгую жизнь. Монахи льстили ей пророчествами о том, что она будет царствовать долгие годы. Но в самый разгар ее планов на нее внезапно напало кишечное расстройство, которое быстро свело ее в могилу. Феодора была последним отпрыском

семьи, которая на протяжении почти двух столетий с блеском поддерживала институты империи и обеспечила своим подданным внутреннее спокойствие и торговое процветание, намного превосходящее то, которым в тот же период пользовалась любая другая часть человеческой расы. "А вместе с ней 30 августа 1057 года истек род Василия, славонский жених и административная слава Византийской империи".

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИНТЕРЬЕР, ДЕВЯТЫЙ ВЕК

С акварели С. Барона, после реставрации П. Бенара.

В этот период военные нужды не позволяли строить многочисленные апартаменты. Мы видим большую комнату, место встречи, роскошно украшенное помещение, в котором также подавали еду и ставили кровать. Пол был выложен из кирпича, а отапливалась она горячим воздухом, поступающим из гипокауста, расположенного под полом и пропускавшимся через решетку из крашеного железа. Украшения стен представляли собой бесконечное разнообразие прекрасно выполненных лепных украшений и свитков с цветами и листвой, характерных для византийской манеры. Мебель в комнате была выдержана в строгом стиле. Кровать по форме и орнаменту напоминала современный диван. Занавеска на раздвижных кольцах служила для защиты от сквозняков, а также для разделения кроватей. В этой комнате госпожа принимала своих гостей.

Какой контраст возникает между императрицами этих последних веков и великими именами более раннего периода - Евдоксией, Пульхерией, Евдокией и великой Феодорой! Мы попали

в плохие времена, и в условиях всеобщего разложения женщина выродилась. В течение оставшихся веков, которые нам выпало рассматривать, мы обнаружим, что женские хроники продолжают демонстрировать нисходящее движение женственности, пока с полным унижением женщины ткань общества не рассыплется, и в истории пола не наступит мрак.

Мы получили представление о роскоши, которой императрица Евдоксия окружила себя в своем дворце на Босфоре, и наше любопытство и интерес могут быть удовлетворены относительно домашнего окружения женщины высокого ранга в период византийского упадка. Единственным по-настоящему оригинальным христианским искусством вплоть до одиннадцатого века было византийское; оно доминировало как над христианскими, так и над языческими художниками. В период, к которому мы обращаемся, военные нужды не позволяли иметь многочисленные апартаменты. Мы находим большую комнату, место встречи, роскошно украшенную квартиру, в которой также подавали еду и ставили кровать.

Эта главная комната не отличалась конструктивными качествами, но была великолепно украшена. Квадратная тяжелая дверь обычно располагалась под рельефной аркой, архивольт которой был богато украшен скульптурными и расписными орнаментами; сдвоенные окна поддерживались подпружной аркой или небольшими колоннами. Плоские стены редко имели настоящий выступающий антаблемент; концы балок имитировались карнизами, опирающимися на консоли или модильоны; архитрав и фриз были лишь раскрашенным эффектом. Пол был из кирпича. Дымоходы еще не использовались, и квартира отапливалась горячим воздухом, поступавшим из гипокауста, расположенного в стенах или под полом и пропускавшимся через окрашенную железную решетку.

Настенные украшения представляли собой бесконечное разнообразие прекрасно выполненных лепных украшений и свитков с цветами и листвой, характерных для византийского стиля. В настенном убранстве выделялись многочисленные фигуры в строгих позах, задрапированные одеждой, спадающей скудными складками, и украшенные обильной бахромой и драгоценными камнями по восточной моде; рядом с этими фигурами располагались группы греческих букв.

Мебель в комнате была выдержана в трезвом стиле. Кровать по форме и орнаменту напоминала современный диван. На ней скорее откидывались, чем лежали, так как подушки все больше нагромождались к изголовью кровати. Спать было принято без одежды, единственным покрывалом служила просторная простыня. Не обошлось без занавески на раздвижных кольцах: она служила и для защиты от сквозняков, и для разделения кроватей; кроме того, она дополняла скудную мебель в комнате.

Над кроватью стояла зажженная лампа. Ею пользовались всегда, так как темноты боялись, и считалось, что свет отпугивает злых духов и предотвращает дурные явления. В этой комнате великая леди нашего времени принимала гостей, здесь плелись интриги, здесь она принимала пищу, ожидая своих многочисленных служанок, здесь прошла, по сути, большая часть ее жизни.

ПРИНЦЕССЫ КОМНИНЫ

С прекращением правления Македонского дома в 1057 году все элементы раздора в Византийской империи, казалось, были развязаны. Гражданские войны и иноземные нашествия быстро сменяли друг друга, и империя спешила к своей гибели. Но движение вниз было на время остановлено возвышением Комнинов, выдающейся семьи, которая управляла судьбами и оказывала первостепенное влияние на карьеру византийского правительства на протяжении более века, фактически до его свержения латинскими крестоносцами в 1204 году. В хрониках Комнинов их принцессы играли заметную, хотя и не всегда похвальную роль; и течение полутора веков византийской истории во многом определялось женским влиянием и женским хитроумием.

Из великих семейств, чьи имена встречаются на каждой странице византийской истории XI-XII веков, род Комнинов, безусловно, самый прославленный. Гипотеза о том, что Комнины были древним римским домом, который последовал за Константином из Старого Рима в Новый, должна быть отброшена: столь важный пункт в семейной славе дома не был бы обойден молчанием Анной Комниной и ее мужем в их исторических трудах. Мы должны принять свидетельство современника, Пселла, о том, что семья была греческого или фракийского происхождения и получила свое название от родовой резиденции, деревни Комны в долине Торниги, недалеко от места расположения города Адрианополя.

Первым из рода Комнинов в византийских летописях стал прославленный Мануил Комнин, который при Василии II помог урегулировать беспокойное положение Востока и восстановить империю на прочной основе. В результате своих трудов на благо государства Мануил приобрел обширные владения в Каппадокии, и с этого времени его семья стала одним из самых богатых и аристократических домов византийской знати.

Умирая, Мануил оставил двух своих сыновей, Исаака и Иоанна, на попечение и благодарность своего государя. Эти два мальчика были тщательно воспитаны во всех знаниях и обучены всем мужественным достижениям того времени, а их братская любовь стала предметом комментариев в эпоху, когда корыстолюбие было наиболее яркой характеристикой аристократического сословия. Достигнув зрелого возраста, оба заключили блестящие браки, которые значительно увеличили блеск их фамилии: Исаак женился на пленной принцессе Болгарии, а Иоанн - на Анне Далассене, дочери патриция Далассена, прозванного Хароном за количество врагов, которых он отправил в адские края. Исааку суждено было умереть бездетным, и его жена осталась неизвестной, а вот Анне, жене Иоанна, суждено было стать самой выдающейся женщиной в своем доме.

Императрица Феодора в последние дни своей жизни назначила своим преемником престарелого и дряхлого ветерана Михаила VI, но его возвышение вызвало недовольство солдат, которые составили и успешно осуществили заговор, в результате которого Михаил был лишен власти, а на трон был возведен Исаак Комнин, в то время самый популярный полководец Востока. Но узурпация не сопровождалась благословениями небес: Исаак заболел, не процарствовав и года, и удалился в монастырь умирать, отрекшись от престола и избрав своим преемником брата Иоанна. По какой-то непонятной причине и к огорчению своей жены Анны, чьи амбиции были явно имперскими, Иоанн отказался от этой чести, причем упорно, несмотря на уговоры жены и родственников, и с кажущейся слепотой к благополучию государства. Возможно, он чувствовал, что на династии, узурпировавшей трон, лежит проклятие. Тогда был выбран Константин Дукас, еще один каппадокийский

патриций; за семь беспокойных лет своего правления он показал себя жалким администратором. Его императрица, Евдокия Макремволитисса, и Анна Далассена - две доминирующие личности, определявшие тон придворных интриг и во многом повлиявшие на ход событий этого периода. Анна больше всего ненавидела Дукаса и весь его дом, поскольку они занимали трон, который, по ее мнению, должен был остаться в ее собственной семье; ее отношения с императрицей были соперничеством или дружбой, в зависимости от того, действовала ли Евдокия в сочувствии или в оппозиции к семье своего мужа.

Константин XI - Дука - был таким же горячим приверженцем, как и Анна; и когда он увидел, что его конец приближается, то прежде всего пожелал обеспечить возвышение трех своих детей, Михаила, Андроника и Константина. Константин прекрасно понимал, какой опасности подвергнется его династия, если императрица выйдет замуж во второй раз; поэтому, прежде чем передать ей регентство империи, он потребовал от нее самого торжественного обещания, что ни при каких обстоятельствах она не возьмет второго мужа. Этот важный документ был передан на хранение патриарху Иоанну Ксифилину. Константин также заставил сенат дать клятву никогда не признавать императором никого другого, кроме одного из своих детей. Чувствуя, что связал свою жену нерасторжимыми узами и что были приняты все меры, чтобы гарантировать беспрекословное исполнение его желаний, Константин с довольным видом испустил последний вздох.

Но Евдокия вскоре обнаружила необходимость в сильной руке для защиты своих прав и прав своих сыновей. Женщина с исполнительными способностями, она также была предана литературным занятиям, а знание истории подсказало ей, с какой неохотой византийцы подчинялись женскому суверенитету. Она также помнила опыт императрицы Феофано, которая нашла благоразумных опекунов для своих сыновей, Василия II и Константина IX, в лице воинов Никифора II и Иоанна I, хотя и была потрясена пороками этой императрицы, которая вышла замуж и убила первого и была презираема вторым опекуном. Кроме того, угрожающие вторжения и внутренние беспорядки доказывали необходимость солдата в качестве ее коллеги в империи. Любовь пришла на помощь разуму, и Евдокия решилась нарушить свои обеты и взять второго мужа.

Роман Диоген, самый дерзкий и популярный полководец империи, был осужден за измену, участие в заговоре против трона ее детей, и находился в тюрьме, ожидая смертного приговора от Евдокии как регентши. Последняя, однако, полюбила своего выдающегося пленника, а его красота и доблесть убедили ее в том, что ему суждено разделить с ней трон. Армия требовала его освобождения, и когда он получил полное помилование от императрицы-регентши, это поначалу не вызвало подозрений в ее романтических замыслах. В то время турки-сельджуки захватили Каппадокию, и было необходимо, чтобы армия находилась под контролем способного и смелого генерала. Поэтому Романус был поднят с эшафота и возглавил армию.

Прежде чем императрица могла сделать еще какой-либо шаг к осуществлению своих матримониальных намерений, необходимо было завладеть документом, подтверждающим ее обещание мужу никогда не вступать во второй брак. Женская дипломатия позволила ей выполнить эту деликатную задачу, а отсутствие принципов и высоких моральных качеств у патриарха привело к тому, что он с легкостью попал в сети, расставленные для него Евдокией.

Сначала Ксифилин убеждал своего эmissара в святости клятвы, которую дала императрица, и в священном характере доверия, которое он принял на себя; но когда в его присутствии прошептали, что его собственный брат предназначен для этой высокой чести, угрызения

совести патриарха ослабли, и он уступил - из должного внимания, как он утверждал, к благополучию государства. Он передал важную бумагу в руки императрицы и по ее просьбе предложил и провел в сенате меру, благоприятствующую ее второму браку, а кроме того, освободил сенаторов от клятвы никогда не признавать императором никого, кроме сына Константина. Велико было смятение легковверного патриарха, когда он понял, что его перехитрила умная женщина, которая, когда ее планы полностью созрели, сделала официальное заявление о том, что она выбрала Романа IV, Диогена, самого блестящего полководца империи, чтобы разделить с ней трон и быть опекуном ее сыновей.

Ее выбор доставил большое удовольствие армии и народу, но вызвал ревность и разлад в императорском доме. Иоанн Дукас, брат покойного императора, занимал пост кесаря и был естественным опекуном своих племянников; он сразу же начал плести заговор с целью свержения Романа и отставки Евдокии.

Новый император сразу же приступил к выполнению своих обязанностей по защите от врагов империи и вступил в смертельный конфликт с турками-сельджуками. Хотя поначалу его армия была успешной, в конце концов ее разгромили и почти уничтожили, а сам Роман был взят в плен на роковом поле Манцикерта в 1071 году - решающая битва, которая ознаменовала начало конца византийской истории и предвещала окончательное завоевание Константинополя турками. Пленение Романа вызвало революцию при дворе. Иоанн Дукас захватил бразды правления, якобы в интересах Михаила VII, сына Константина; и когда Роман, освобожденный своим доблестным врагом, вернулся в Константинополь, Дукас схватил его, ослепил и оставил умирать по недосмотру. Евдокия была вынуждена удалиться в монастырь и принять постриг; там она посвятила себя литературному труду. Считается, что она была автором до сих пор сохранившейся работы под названием "Иония", представляющей собой исторический и мифологический словарь. Последнее публичное выступление незадачливой Евдокии состоялось на похоронах доблестного Романа, которые ей позволили пышно отпраздновать.

После жестокой смерти Романа наступил период анархии, и в одно время на трон претендовало не менее шести человек. На протяжении всего этого тяжелого периода Иоанн Дукас сохранял свою власть в качестве регента, отказавшись от нее только тогда, когда его подопечный, Михаил VII, достиг совершеннолетия и заявил о своих правах. Михаилу повезло с выбором императрицы, принцессы Марии, дочери короля Иберии, чью красоту и грацию воспевают историк Анна Комнина. Когда ее муж был свергнут и убит мятежником Никифором Ботаниатом, Мария вышла за него замуж, надеясь обеспечить трон для своего ребенка и регентство для себя. С этого времени ее история тесно переплетается с историей принцесс Комнинов, к которым мы сейчас вернемся.

Иоанн Комнин умер вскоре после Константина Дукаса, оставив овдовевшей Анне задачу по воспитанию большой семьи из восьми детей - Мануила, Исаака, Алексия, Адриана, Никифора, Марии, Евдокии и Феодоры. Но Анна справилась с этой задачей и заслуживает того, чтобы быть причисленной к великим матерям мира. Она посвятила себя правильному воспитанию своих сыновей и дочерей, а также содействию их политическому продвижению. Она никогда не могла утешиться потерей императорской короны из-за слабости мужа, и вся ее неутомимая энергия была направлена на то, чтобы вернуть упущенную возможность и достичь трона через возвышение одного из ее сыновей. Все, что о ней рассказывают, свидетельствует о том, что она была женщиной необыкновенного ума, неиссякаемой энергии, удивительной политической проницательности и неумеренных амбиций.

Мануил, старший из них, совершив великие политические заслуги, умер в раннем возрасте. Мать стремилась сделать своих сыновей Исаака и Алексея людьми, способными выполнить любую задачу, возложенную на них в том высоком положении, которое им суждено было занять; доказательством ее влияния на формирование их характеров служат не только их высокие достижения, но и то превосходство, которое она сохранила над Алексеем, когда он вззошел на трон.

Из-за своей неизменной ненависти к дому Дукасов Анна примкнула к партии императрицы Евдокии и Романа и, будучи в то время в большом фаворе при дворе, выдала свою дочь Феодору замуж за сына Романа Константина. Революция, совершенная Иоанном Дукасом в интересах его самого и его подопечного Михаила VII, нарушила все хорошо продуманные планы Анны Далассены; падение Романа на некоторое время ознаменовало конец благосклонности Комнинов. Анна проявила твердость характера, оставшись верной делу свергнутого императора. Ее переписка с ним была обнаружена, и она была сослана вместе с детьми на один из княжеских островов. Однако изгнание длилось недолго: ее отозвали и восстановили в правах, а Михаил VII добился брака Исаака, старшего сына после смерти Мануила, с Ириной, дочерью аланского князя и двоюродной сестрой-немкой императрицы Марии.

Тем временем созрел еще один матримониальный план, который совсем не соответствовал желаниям Анны и императрицы. Иоанн Дукас из монастыря, куда он удалился, задумал брак своей внучки Ирины с Алексием Комнином, который быстро набирал силу и влияние и уже демонстрировал свою политическую дальновидность и дипломатию. Алексей с радостью приветствовал союз, который объединил бы в его интересах две самые могущественные константинопольские семьи, но его мать-патрицианка противилась любой связи с соперничающим домом и ненавидела само имя Дукасов. У императрицы Марии тоже были свои планы на Алексея, которым она опасалась помешать этим союзом, и поначалу угрожала открытым противодействием. Но Алексей с присущей ему ловкостью одержал верх. В конце концов Анна поддалась на его уговоры, и императрица дала свое неохотное согласие. Результатом союза стало то, что Алексей сразу же стал самым влиятельным из младших вельмож при дворе.

Следующий шаг в его карьере также был предопределен глубокой мудростью или лукавым капризом женщины. К удивлению друзей и ужасу врагов, императрица Мария усыновила Алексея как своего сына. Анна Далассена, по всей вероятности, приложила руку к этому шагу для возвышения своего дома, но трудно понять, каковы были мотивы императрицы, у которой был маленький сын Константин, которого она хотела наследовать пурпур. Возможно, она чувствовала необходимость в сильной руке, чтобы поддержать притязания себя и сына против второго мужа, узурпатора Никифора Ботаниата. Возможно, она была очарована мужественной силой и личным обаянием молодого человека и хотела сыграть с Алексием роль Феофано с Зимисцием. Невозможно определить ее мотивы, но этот шаг стал первым шагом к окончательному свержению ее дома и наследованию власти Комнинов.

Теперь все бразды правления были в руках Алексея, и против Ботаниата началась революция. Узурпатор был свергнут, а Алексей провозглашен войском императором. Поначалу Константин, сын императрицы Марии и Михаила VII, был соединен с ним на троне, хотя и находился еще в несовершеннолетнем возрасте. Анна Далассена и Мария, опасаясь возвышения Ирины Дукас, жены Алексея, замыслили помешать ее коронации в качестве императрицы, но патриарх, который был приверженцем дома Дукас, разбил их интриги; через несколько дней после того, как Алексей принял пурпур, Ирина, с пышными церемониями, была коронована как императрица.

Алексий хорошо знал, как привлечь на свою сторону и использовать для своих замыслов интригующих женщин, которые были рядом с ним. Он глубоко уважал политическую проницательность своей матери, и в первые годы его царствования ее слова оказывали глубокое влияние на ход правления. Когда он был отозван из Константинополя войнами, требовавшими его личного внимания, он оставил свою мать регентшей на время своего отсутствия.

Первым потомством в союзе Алексия и Ирины была дочь Анна Комнина. В младенчестве она была обручена с Константином, и их обоих считали наследниками престола, к большому удовольствию экс-императрицы Марии. В придворных церемониях имена Константина и Анны сразу же следовали за именами Алексея и Ирины.

Наконец, в 1088 году императрица родила сына, третьего из своих детей. Радости Алексия не было предела. Видя возможность того, что его сын продолжит династию и увековечит имя Комнинов, Алексий решил оставить в стороне притязания Константина и его старшей дочери. Последовала размолвка с Марией Дукас. В 1092 году Иоанн на четвертом году жизни был провозглашен императором, а Константин лишен своих прав. Разрыв между Алексием и Марией стал источником вражды царствующего дома. Огорченная провалом своих планов и узурпацией того, к кому она проявляла всяческую доброту, экс-императрица приняла участие в заговоре против Алексея. Но заговор был вовремя раскрыт, и все его участники были сурово наказаны, кроме экс-императрицы, которой приемный сын позволил уйти в мирную отставку.

Константин, хотя и не был больше связан с тронem, все еще был в любовной связи с Анной, но ранняя смерть удалила его от места действия и придворных интриг. В 1097 году Анна была выдана замуж за Никифора Бриенния, отпрыска знатного дома. Мать, Анна Далассена, некоторое время продолжала оставаться влиятельной при дворе, но, став непопулярной и осознав, что теряет власть над сыном-императором, последовала обычному обычаю - удалилась в монастырь.

Так экс-императрица Мария и Анна - истинная основательница состояния своего дома - обрели в религиозном уединении и размышлениях жизнь в мире и спокойствии после потрясений революций и интриг имперской политики. Одна видела провал своих планов и падение своего дома; другая могла с гордостью смотреть на полное осуществление своих замыслов по возвышению Комнинов.

Правление Алексея I, Комнина, занимает значительное место не только в византийской, но и во всеобщей истории. Оно открыло новую эру в отношениях между Востоком и Западом, между греками и латинянами, как в церковных, так и в государственных делах, а события, кульминацией которых стала трагическая экспедиция 1204 года, начались в те дни, когда придворные Алексия веселились вместе со спутниками Годфрида Бульонского. Не менее важно это правление и с точки зрения Византийской империи: оно положило конец анархии XI века, основало династию, которая восстановила большую часть территории, утраченной слабыми правителями, и более века удерживала колеблющуюся империю от неизбежного падения. Это был период, когда влияние женщины было заметным, и его история хорошо известна нам благодаря литературному мастерству Анны Комнины. Эта императорская принцесса - первая женщина в мировой летописи, написавшая подробную историю. Как по образованности, так и по личности она заняла место среди выдающихся женщин мира, и ее имя - последнее великое имя в летописи византийской женственности.

По всестороннему образованию, которое получила Анна, мы можем судить о литературной известности эпохи Комнинов. У нее были лучшие мастера, которых могла себе позволить

империя, и уже в детстве она проявила феноменальную способность к обучению. Учителя основательно приучили ее к произведениям классиков. Она читала Гомера, Геродота, Фукидида, Аристофана, трагиков и Полибия под соответствующим руководством и без посторонней помощи освоила труды отцов церкви. Она с жадностью изучала античную мифологию, географию, историю, риторику и диалектику, а также была сведуща в платоновской и аристотелевской философии. Однако именно в истории она находила свое главное удовольствие, и у нее рано возникла идея написать труд в честь царствования своего отца.

Мы уже упоминали о событиях ее детства. Анна так и не простила своему брату Джону, что он вытеснил ее, и это разочарование ее нежных лет во многом повлияло на ход ее дальнейшей жизни. Она была предана Марии, матери своего первого жениха, и, несомненно, переняла от нее честолюбие и ненависть, которые стали характерными чертами ее политической карьеры. Ее императрица-мать, Ирина, также проявляла заметную пристрастность к старшей дочери, в ущерб своему сыну, которого Алексей предназначил для престола. Ирина была красивой и интригующей принцессой с большими природными способностями и с благоговением относилась к более образованной дочери. Они стали компаньонами в интригах и дипломатии и вместе отстаивали свои интересы против планов Алексея и Иоанна. Анна была выдана замуж в нежном возрасте за Никифора Бриенния. Он был представителем одной из самых аристократических и влиятельных семей Константинополя и проявил немалые способности как в писательстве, так и в государственном управлении, но на фоне своей супруги он выглядит посредственным и бесцветным.

Вальтер Скотт поместил место действия своего романа "Граф Роберт Парижский" в Константинополь этого периода, и он представляет интересную картину Анны как почитательницы муз, а также главных героев и героинь, которые фигурируют в интригах двора этого времени:

"Это были апартаменты дворца Блакемаля, предназначенные для особых услуг любимой дочери императора Алексея, принцессы Анны Комнины, известной в наше время своими литературными талантами, в которых записана история царствования ее отца. Она сидела, царица и властительница литературного кружка, какой только могла собрать в те времена императорская принцесса Порфирогенита (или рожденная в священной пурпурной палате), и, оглянувшись вокруг, мы сможем составить представление о ее гостях или спутниках.

"Сама литературная принцесса обладала яркими глазами, прямыми чертами лица, милыми и приятными манерами, которые все признали бы за дочерью императора, даже если бы нельзя было с суровой правдой сказать, что она ими обладала. Ее усадили на небольшую скамью или софу - представительницам прекрасного пола здесь не разрешалось откидываться назад, как это было принято у римских дам. Стол перед ней был завален книгами, растениями, травами и рисунками. Она сидела на небольшом возвышении, и тем, кто наслаждался близостью принцессы или с кем она хотела поговорить особо, разрешалось во время таких возвышенных бесед опираться коленями на небольшой помост или возвышенное место, где стояло ее кресло, в позе наполовину стоя, наполовину коленях. Три других кресла, разной высоты, были расположены на помосте и под тем же государственным балдахинном, который осенял кресло принцессы Анны.

"Первое, которое по размеру и удобству строго напоминало ее собственное кресло, было предназначено для ее мужа, Никифора Бриенния. Говорили, что он питал и питает глубочайшее уважение к эрудиции своей жены, хотя придворные придерживались мнения, что он хотел бы отсутствовать на ее вечерних приемах чаще, чем это было особенно приятно

принцессе Анне и ее императорским родителям. Отчасти это объяснялось частными придворными сплетнями, в которых говорилось, что принцесса Анна Комнина была красивее, когда была менее образованной; и что, хотя она по-прежнему была прекрасной женщиной, она несколько утратила очарование своей внешности по мере обогащения ума.

"Чтобы искупить скромность места Никифора Бриенния, его поставили так близко к его принцессе, как только могли окантовать аскеры, чтобы она не потеряла ни одного взгляда своего прекрасного супруга, ни одной крупницы мудрости, которая могла бы сорваться с уст его эрудированной супруги.

"Два других почетных места или, скорее, трона - поскольку они имели подставки для ног, опоры для рук и вышитые подушки для удобства спины, не говоря уже о великолепии раскинувшегося балдахина - были предназначены для императорской четы, которая часто присутствовала на занятиях своей дочери, которые она проводила на публике так, как мы уже упоминали. В таких случаях императрица Ирина наслаждалась триумфом, свойственным матери опытной дочери, а Алексей, случалось, с удовольствием слушал репетиции своих собственных подвигов на надутым языке принцессы, а иногда мягко кивал над ее диалогами о тайнах философии с патриархом Зосимой и другими мудрецами".

Описание Скотта дает наглядное представление о принцессе Анне и ее отношениях с различными членами ее семьи; а если добавить к ним наследника престола, ее младшего брата Иоанна, которого она глубоко презирала, несмотря на его многочисленные достоинства, то получится группа, вокруг которой вращается повествование о ее истории и главных событиях ее жизни.

Нам нет нужды вдаваться в историю Первого крестового похода и происшествий, связанных с общением франков и греков, о которых Анна так красочно рассказывает в своей истории; но прежде чем обратить внимание на литературные качества и историческую ценность ее труда, мы должны отметить те события, которые раскрыли ее характер и в поздние годы привели к ее исключительной преданности литературе.

Из-за своей двуличности и недоверия к людям Алексей сделал свою жену и свою ученую дочь своими доверенными лицами и советниками во многих государственных делах и часто пользовался их услугами для достижения своих целей. Обе императорские дамы были способными ученицами в школе политических интриг и в последние годы жизни императора пытались использовать свое влияние на него во вред наследнику и для возвышения Анны и ее мужа, кесаря Никифора. Во время последней болезни Алексея они составили заговор с целью лишить старшего сына Иоанна власти, чтобы все трое разделили между собой правление.

Императрица ввела во дворец солдат и в последние часы жизни императора пыталась заставить его произнести слова, которые бы привели к изменению престолонаследия. Но проницательный император понимал, что его сын обладает выдающимися способностями носить корону, и не разделял амбиций своей образованной, но беспринципной дочери. На все уговоры императрицы он лишь возводил глаза к небу и замечал, как суетно человеческое величие. Отчаявшись и разгневавшись, императрица наконец поспешно покинула комнату с прощальной репликой в адрес своего императорского супруга, которую вполне можно было бы начертать в качестве эпитафии на его могиле: "Ты умрешь, как жил - лицемером!". Тем временем, во время ее отсутствия, Иоанн вошел в комнату и, с молчаливого согласия умирающего отца, снял с его пальца печатку, которая давала ему право командовать всеми силами дворца; и, разрушив, таким образом, козни императрицы и ее дочери, он был торжественно коронован в тот момент, когда его отец испустил последний вздох.

Иоанн оказался самым приятным человеком, когда-либо занимавшим византийский трон. Но всех его достоинств не хватило, чтобы подавить злобу и неудовлетворенные амбиции сестры-императрицы. Несмотря на провал первого заговора, принцесса Анна, "чья философия не отказалась бы от веса диадемы", вступила в новый заговор, чтобы лишить брата, уже пользовавшегося доверием придворных и подданных, и возвысить мужа, в правлении которого она была уверена. Однако, поскольку Джон уже находился на троне, единственным способом избавиться от него было выколоть ему глаза или прибегнуть к еще более страшному преступлению - тайному убийству. Когда ее мягкий и нежный муж отшатнулся при мысли о такой жестокости, Анна сделала ему памятный ответ, что природа перепутала два пола и наделила его душой женщины, презрительно противопоставив его женскую слабость своей мужской бесчеловечности.

Однако и этот заговор был раскрыт до того, как он достиг серьезных успехов, и Иоанн счел необходимым конфисковать богатство сестры, чтобы сделать дальнейшие интриги невозможными. Он удалил принцессу Анну в монастырь, а ее роскошно обставленный дворец подарил своему любимому министру Аксуху. Но благородная натура Аксоуха не желала, чтобы падение принцессы принесло ему выгоду, и больше думала о том, как обратить ситуацию на пользу императору, чем о собственном обогащении. Поэтому он предложил императору, что лучшей политикой будет отвести злобу своих врагов, вернув дворец Анне и как бы не обращая внимания на ее тщетные козни. Иоанн почувствовал благоразумие этого совета и, впечатленный бескорыстной преданностью своего друга - качеством, весьма редкое в поздневизантийские времена, - ответил в том же духе: "Я действительно был бы недостойн царствовать, если бы не мог забыть о своем гневе так же легко, как ты забыл о своем интересе". Анна была восстановлена в своем дворце.

Но о дальнейшей жизни Анны Комнины известно немного. Окончательно устав от суеты придворной жизни, разочаровавшись во всех своих интригах за абсолютную власть и все больше погружаясь в свои литературные начинания, она, похоже, добровольно ушла в монастырь и провела последние десятилетия своей карьеры в мирном уединении, занимаясь своим монументальным творчеством. Она пережила своего брата Иоанна, умершего в 1143 году, и в 1145 году все еще работала над своей историей. Дата ее смерти неизвестна.

Великий труд Анны Комнины называется "*Алексиада*" и является одним из важнейших произведений в обширном собрании византийских историков. В пятнадцати книгах она излагает историю Алексия Комнина, являясь завершением и продолжением труда в четырех книгах, оставленного ее мужем Никифором Бриеннием. Первые две книги труда Анны рассказывают о приходе к власти дома Комнинов и о ранней жизни Алексия; остальные тринадцать посвящены событиям его правления.

Труд Анны, как вклад в историческую литературу, имеет весьма явные недостатки. Несмотря на исповедуемую ею любовь к истине, сыновнее тщеславие побуждает ее постоянно выставить отца и семью в самом выгодном свете. Само название "*Алексиада*" говорит скорее об *эпосе* - поэме в прозе, чем о серьезном историческом произведении, и подчеркивает ее эпидейктическую тенденцию. Как женщине, ей импонирует конкретное, а не абстрактное, и она описывает блестящие государственные функции, церковные праздники, внушительные аудиенции и тому подобное с гораздо большим интересом и энтузиазмом, чем в своих рассуждениях о глубинных причинах и внутренних связях событий. Но при всех своих недостатках эти мемуары представляют собой авторитетный рассказ о блестящей и важной эпохе и о правителе, который по своей военной смекалке и политической проницательности стоит в ряду великих личностей Средневековья.

Человеческие черты автора проявляются в каждой главе ее произведения. Анна обладала женской слабостью к сплетням и клевете и смешивала свои похвалы другим выдающимся женщинам своего времени с оттенком пренебрежения, который часто можно отнести к женской ревности. Она обладала немалым остроумием и иронией, но была крайне тщеславна в отношении своего положения, своего греческого происхождения и особенно своих литературных достижений. Нельзя не отметить и непомерные амбиции этой привлекательной в других отношениях женщины, амбиции, которые сделали ее неверной своему брату и заговорщицей против его трона и жизни.

Анна Комнина понимала, что главным порицанием ее творчества со стороны современников и потомков будет обвинение в пристрастности, и от этого она пытается защититься в поразительном отрывке:

"Я должна еще раз отбросить упрек, который некоторые могут выдвинуть против меня, будто моя история была написана лишь по велению естественной любви к родителям, которая запечатлена в сердцах детей. На самом деле, это не следствие той привязанности, которую я питаю к своим, а доказательство фактов, которое обязывает меня говорить так, как я это делаю. Разве возможно, чтобы человек в одно и то же время испытывал привязанность к памяти отца и к истине? Что касается меня самого, то я никогда не направлял свои попытки написать историю иначе, чем на установление фактов. С этой целью я взял в качестве предмета своего исследования историю достойного человека. Справедливо ли в таком случае, что по одной-единственной случайности, когда он был автором моего рождения, его качество моего отца должно сформировать предубеждение против меня, которое разрушит мой кредит доверия у читателей? В других случаях я приводил достаточно убедительные доказательства того, с какой горячностью я защищал интересы моего отца, и те, кто меня знает, никогда не смогут усомниться в этом; но в данном случае я был ограничен неприкосновенной верностью, с которой я уважаю истину, которую я должен был сознательно скрывать под предлогом служения славе моего отца".

Авторесса была уверена, что ряд природных потрясений и таинственных происшествий, истолкованных прорицателями, предвещает смерть Алексия; таким образом, она требовала для своего отца указания на последствия, которые рассматривались древними как необходимые признаки сочувствия природы к уходу из мира великих личностей. В последние дни жизни император страдал от подагры. Ослабев телом и постепенно теряя свою природную энергию, он однажды ответил императрице, когда она говорила о том, как его деяния войдут в историю: "Отрывки моей несчастной жизни скорее требуют слез и причитаний, чем похвал, о которых вы говорите". Наконец астма пришла на помощь подагрику, и молитвы монахов и духовенства, а также щедрая раздача милостыни не смогли остановить развитие болезни. Вскоре скончался император Алексей, который, при всех своих недостатках, был одним из лучших государей Восточной империи.

Его ученая дочь в великой скорби отбросила сдержанность литературного мастерства, разразилась слезами и воплями, рвала на себе волосы и уродовала лицо, а императрица Ирина остригла волосы, сменила пурпурные баскины на черные траурные туфли и, сбросив с себя княжеские одежды, облачилась в черное одеяние. "Даже в тот момент, когда она ее надевала, - добавляет Анна, - император отказался от призрака, и в этот момент зашло солнце моей жизни".

Анна продолжает оплакивать свою потерю и укоряет себя за то, что пережила своего отца, "этот свет мира", Ирину, "отраду Востока и Запада", а также своего мужа Никифора. "Я возмущена, - добавляет она, - что моя душа, страдающая под такими потоками несчастий,

все еще должна одушевлять мое тело. Разве я не была более жестокой и бесчувственной, чем сами скалы; и разве не справедливо, что та, кто смогла пережить такого отца, такую мать и такого мужа, должна подвергнуться влиянию стольких бедствий? Но позвольте мне закончить эту историю, чтобы не утомлять больше читателей моими бесполезными и трагическими причитаниями!" История завершается следующим двестишием:

"Ученая Комнина отложила перо,
когда умерли ее подданный и отец".

Если брать в целом, то лучшей оценкой *"Алексиады"* является оценка Гиббона, который так характеризует качества произведения:

"Жизнь императора Алексея была описана любимой дочерью, вдохновленной нежным отношением к его персоне и похвальным рвением увековечить его добродетели. Сознывая справедливую подозрительность своих читателей, Анна Комнина неоднократно заявляет, что, помимо личных знаний, она изучила рассуждения и труды самых уважаемых ветеранов; что после тридцатилетнего перерыва, забытая всем миром, ее скорбное одиночество было недоступно надежде и страху; и что правда, голая совершенная правда, была дороже и священнее памяти о ее родителе. Однако вместо простоты стиля и повествования, которая завоевывает наше доверие, изощренное жеманство риторики и науки выдает на каждой странице тщеславие женщины-автора.

"Подлинный характер Алексея теряется в туманном созвездии добродетелей, а постоянный шум панегириков и апологий пробуждает в нас ревность, заставляя сомневаться в правдивости историка и заслугах героя. Мы не можем, однако, отказать ей в ее благоразумном и важном замечании, что беспорядки времени были несчастьем и славой Алексея; и что каждое бедствие, которое может постигнуть упадок империи, было накоплено в его царствование справедливостью небес и пороками его предшественников..... Читатель, возможно, улыбнется пышным похвалам, которые его дочь так часто воздает летучему герою; слабость или благоразумие его положения могут быть приняты за недостаток личного мужества; а его политические искусства заклеяны латинянами именами обмана и диссимуляции....".

История оставшихся принцесс из рода Комнинов - всего лишь зеркальное отражение женской красоты и хрупкости, а ее печальная хроника свидетельствует о том, что империя заслуженно спешила к своей гибели, потому что не хватало выносливости, чтобы сохранить жизнь.

Иоанну Комнину наследовал его младший сын Мануил, прославленный воин, о чьем имени сложено немало рыцарских романов. Он был дважды женат: сначала на добродетельной Берте из Германии, а после ее кончины - на прекрасной Марии, французской или латинской принцессе из Антиохии. У Берты была дочь, которая предназначалась Беле, венгерскому принцу, получившему образование в Константинополе под именем Алексея и рассматривавшемуся как законный наследник. Но его права были отменены, когда у Марии родился сын Алексий, который находился в прямой линии наследования по мужской линии. Несмотря на добродетели своих цариц, Мануил, столь доблестный на войне, в мирной жизни показал себя развратным сластолюбцем. "Не успел он вернуться в Константинополь, как предался искусствам и удовольствиям роскошной жизни: расходы на его платье, стол и дворец превзошли все меры его предшественников, а целые летние дни он празднично проводил на восхитительных островах Пропонтиды в кровосмесительной любви со своей племянницей Феодорой".

У Мануила был двоюродный брат Андроник, который был еще большим сладострастником, чем он, - его карьера солдата удачи и бессердечного руэ свидетельствует о том, что он был византийским Алкивиадом. Он потакал своим любимым страстям, любви и войне, не обращая внимания ни на божественные, ни на человеческие законы. Его высокий рост, мужественная сила и красота, а также дерзкие манеры были настолько соблазнительны, что три дамы царского происхождения пали жертвами его чар. Его любовницы делили его компанию с законной женой, а его привязанности - с толпой актрис и танцовщиц. Он был причастен как к удовольствиям, так и к опасностям Мануила; и пока император жил в публичном кровосмешении со своей племянницей Феодорой, Андроник пользовался благосклонностью ее сестры Евдокии. Она была так очарована своим красивым любовником и так бесстыдна в своем поведении, что прославилась титулом его любовницы и сопровождала его на военную службу в Киликию. После его возвращения ее братья попытались загладить свою вину кровью Андроника, но благодаря помощи Евдокии он ускользнул от своего врага. Однако, оказавшись вероломным по отношению к императору, он был надолго заточен в башню константинопольского дворца, где его верная жена разделила его заточение и помогла ему бежать.

Позже Андроник получил второе командование на киликийской границе. Здесь он завоевал прекрасную Филиппу, сестру императрицы Марии и дочь Раймонда Пуату, латинского князя Антиохии. Ради нее он оставил свой пост и тратил время на балы и турниры, а хрупкая принцесса ради его любви пожертвовала своей невинностью, репутацией и предложением выгодного брака. Однако император Мануил, подстрекаемый своей супругой, возмутился таким посягательством на честь семьи и отозвал Андроника из позорной связи. Неосмотрительная принцесса осталась рыдать и раскаиваться в своей глупости, а Андроник, лишенный своего поста, собрал группу единомышленников-авантюристов и отправился в паломничество в Иерусалим. С дерзкой наглостью он объявил себя защитником Креста; его красота, галантность и признания в благочестии пленили и короля, и духовенство. Латинский король Иерусалима вложил византийскому принцу владения в Берите, на побережье Финикии. По соседству с ним жила молодая и красивая царица Феодора, дочь его двоюродного брата Исаака и правнучка императора Алексея, вдова Балдуина III, короля Иерусалима. Благодаря своей красоте, талантам и благоразумию Феодора пользовалась уважением и восхищением всех латинских вельмож. Андроник сильно увлекся своей прекрасной кузиной, и она, ответив на его страсть с такой же пылкостью, стала третьей королевской жертвой его вождения. Состояние общества среди латинских христиан было настолько развращенным, что кузены не скрывали своих любовных походов и в Константинополе. Император Мануил, вновь разгневанный позором, нанесенным фамилии нравственным падением очередной принцессы Комнинов, вынужден был спасаться бегством, и Феодора сопровождала его в этом бегстве. Позже она и двое ее незаконнорожденных детей были схвачены и отправлены в Константинополь. Андроник в конце концов попросил прощения у императора, и его обаяние было столь велико, что его помиловали; он вернулся в Константинополь и вскоре начал карьеру интригана, которая в конце концов возвела его на трон.

После смерти Мануила императрица Мария стала регентшей при своем тринадцатилетнем сыне Алексее II. Ее премьер-министром стал Алексей Комнин, внук Иоанна II. Красота и обаяние Марии давали ей значительную власть над молодым дворянством. В конфликтах знати она горячо поддерживала своего премьер-министра, и считалось, что между ними существовала преступная привязанность. Сестра молодого императора Мария вместе с Цезарем, своим мужем, попыталась отстранить премьер-министра от власти путем народного восстания. В последовавшей за этим суматохе и хаосе все взоры обратились к

Андронику. Сладострастник и авантюрист откликнулся на призыв и вошел в город, чтобы быть возведенным на престол, утверждая, что его цель - избавить молодого императора от злых советчиков. Теперь к его другим тяжким преступлениям добавилась жестокость. Принцесса Мария и ее муж, цесаревич, были отравлены; императрица Мария по обвинению в измене была приговорена к смерти и задушена; законный наследник престола Алексей II был низложен и подвергнут той же смерти, что и его несчастная мать. Тиран пнул тело невинного юноши, лежавшее перед ним, и с усмешкой обратился к нему: "Твой отец был плутом, твоя мать - шлюхой, а ты сам - глупцом!".

Из-за разврата и преступлений род Комнинов вырожден. Благодаря благородству и величию своих женщин в ранний период он поднялся на вершину власти; а благодаря разврату и слабости своих женщин он окончательно пал. Андроник был последним из рода - самым отвратительным чудовищем, когда-либо восседавшим на византийском троне. Но его преступная карьера оборвалась. Народ восстал против автора стольких убийств. Дворянин Исаак Ангелус, обвиненный в измене, оказал сопротивление при аресте и бежал в Святую Софию. Там собралась толпа и выступила на его стороне против наемников Андроника. Сам тиран был схвачен и разорван на части, а Ангелы сменили Комнинов на константинопольском троне.

Исаак и Алексей Ангелы, два императора, чье правление пришлось на 1185-1204 годы, между падением Андроника и завоеванием Константинополя крестоносцами, были двумя самыми ничтожными и презренными существами, когда-либо занимавшими императорский трон. Однако Евфросиния, императрица Алексея, была женщиной с сильным характером, хотя и развратной, и, будучи последней из византийских императриц до падения Константинополя, она продемонстрировала как силу, так и слабость той длинной линии самоутверждающихся принцесс, которую мы рассматривали.

Из-за праздного нрава своего никчемного мужа Евфросиния помогала вести дела империи; она была настолько властной, что ни один министр не осмеливался сделать ни одного шага без ее одобрения. Гиббон считает, что не было большего свидетельства деградации общества в это время, чем то, что самые гордые вельможи империи, члены знаменитых семейств Комнинов, Дукасов, Палеологов и Кантакузенов, боролись за честь нести Евфросинию на своей подстилке во время общественных церемоний. Ее влияние на аристократию объяснялось красотой, талантами и способностями к бизнесу. Но ее неумеренное тщеславие, безрассудная расточительность и вопиющая разнузданность даже в те порочные времена вызвали большой скандал в империи и часто приводили к жестоким ссорам с Алексием. Наконец, ревность императора к ее развратному поведению потеряла всякий предел. Алексей приказал убить ее любовника, а женщин-рабынь и евнухов из ее дома предать пыткам. Красивая и опытная Евфросиния была вынуждена покинуть дворец и, как многие императорские дамы, отмеченные набожностью или распутством, была заключена в монастырь.

Однако придворным вскоре стало не хватать ее талантов и энергии; сам Алексей не справлялся с обычными обязанностями своего кабинета; придворные были необузданны в своих распутствах, и нигде не было сдерживающей руки. Для спасения династии была отозвана Евфросиния, которая с еще большей, чем прежде, дерзостью вновь вступила на путь расточительства и позора. В то время как ее энергия и мастерство в государственных делах вызвали восхищение, ее щедрые траты государственных средств приводили в ужас немногих вдумчивых людей того времени. Толпа наслаждалась великолепным зрелищем ее охотничьих вечеринок и аплодировала императрице, когда та проезжала на своем богато

убранном коне с соколом на расшитой золотом перчатке, но подобные экстравагантности лишь ускоряли конец обреченного города.

Остальную часть истории мы расскажем слишком быстро. Алексей III, Ангел, ловким государственным переворотом сместил своего брата Исаака; Алексей IV, сын Исаака, обратился за помощью извне и дал мародерам четвертого крестового похода повод напасть на город. Алексей III. бежал, спасая свою жизнь, а Алексей IV. после недолгого правления был пойман и задушен узурпатором Алексием Дукасом. Крестоносцы напали на Константинополь и разграбили его, когда Алексей V., Дукас, последний из императоров, ночью бежал на галере, прихватив с собой императрицу Евфросинию и ее дочь Евдокию, на которой он женился. После этого он был схвачен, судим за убийство юного Алексея и принял смерть, будучи сброшенным с вершины высокой колонны.

Дальнейшая судьба Евфросинии и ее дочери Евдокии неизвестна. У последней уже была достаточно трагическая история. Сначала Евдокия была замужем за Симеоном, царем Сервии, который впоследствии отрекся от престола и удалился в монастырь. Его сын Стефан, очарованный красотой своей юной мачехи, женился на ней. Позже между ними произошла позорная ссора. Евдокия получила развод от второго мужа и, почти обнаженная, была изгнана из дворца.

В отчаянном положении, покинутая всеми, она, вероятно, погибла бы, если бы брат короля Фульк не сжалился над ней и не отправил обратно в Константинополь. Алексей Дукас, уже разведшийся с двумя женами, с готовностью женился на дочери Евфросинии, и после его казни рука сговорчивой Евдокии была отдана Льву Сгуросу, вождю Аргоса, Науплии и Коринфа.

Истории Евфросинии и Евдокии - достаточное подтверждение развращенного состояния общества в последние времена Комнинов и Ангелов. Андроник и его любовницы, Евфросиния и ее дочь - не преувеличенные типы высших классов империи. Духовенство стало равнодушным к разврату эпохи, а многие епископы и патриархи сами были продажными и деградировавшими. Народ был слишком готов идти по стопам высших классов. Поэтому, утратив женскую добродетель и мужскую силу, империя оказалась на грани гибели.

Так пал 13 апреля 1204 года Константинополь - "око мира, украшение народов, прекраснейшее зрелище на земле, мать церквей, источник, из которого текли воды веры, госпожа ортодоксального учения, средоточие наук, осушившая чашу, смешанную для нее рукой Всемогущего, и поглощенная огнем, столь же пожирающим, как и те, что разорили пять городов равнины".

ЖЕНСТВЕННОСТЬ ВИЗАНТИЙСКОГО ДЕКАДАНСА

Византийская империя пала вместе со своей столицей Константинополем, и на ее месте возникла латинская империя Романия. Но власть франков была слишком слаба, чтобы прочно закрепиться в провинциях, и после недолгого и мерцающего существования, 1204-1261 годы, она канула в Лету, а в Новом Риме вновь утвердилась греческая династия. Пока Османская империя набирала силу, греческая империя существовала; но в течение двух столетий из-за внутренней коррупции и бесхозяйственности византийское владычество перестало быть эффективной силой в мировых делах, и город Константин легко пал жертвой магометанских войск.

Хотя крестоносцы захватили столицу, провинции отказались признать господство франков, и три греческих королевства были вырезаны из остатков Византийской империи авантюристами, которые покинули Константинополь, чтобы не стать жертвами западных завоевателей. Феодор Ласкарис, последний, кто нанес удар по обреченному городу, основал через пролив, из провинции Вифиния, Никейскую империю, хотя его права на царскую власть заключались лишь в сильной правой руке и в том, что он женился на дочери имбецила Алексия III. Алексей Комнин, внук Андроника I, устремился к восточной границе империи и, в основном благодаря славе своего имени, создал себе из длинной полосы прибрежных земель у юго-восточного угла Черного моря королевство, которому суждено было вести независимое существование в течение почти трехсот лет в качестве Трапезундской империи. Кроме того, Михаил Ангелус, двоюродный брат Алексия III, стал "деспотом" Эпира, а позже завоевал латинское королевство Фессалоники. Наконец, после того как Никейская империя стабильно развивалась более полувека, в течение которого она поглотила Фессалоникийское царство, Михаил Палеолог, узурпатор Никейского престола, сумел отвоевать Константинополь у латинских правителей и основать Византийскую империю заново, под властью династии Палеологов.

В историях династий этих различных царств мы нечасто встречаем женскую историю, но везде, где упоминаются женские имена, женщина оказывает свое привычное влияние на государственные дела и судьбы империй.

Династия Теодора Ласкариса передавалась по наследству через его дочь Ирину, чей муж вступил на престол как император Иоанн III. Императрица Ирина была очень любима за свой приятный характер и домашние добродетели, и сохранился прекрасный случай, когда она вызывала симпатию у юной девы. Иоанн Асан, царь Болгарии, заключил союз с Иоанном III, обручив свою дочь Елену с Феодором, наследником никейского престола. Высоко ценя добродетели императрицы Ирины, болгарский царь отправил юную Елену на воспитание к ней. Позже, когда союз между императором и царем был разорван, Асан послал за своей дочерью с просьбой вернуть ее в Болгарию. Иоанн III не захотел оставлять обрученную сына в качестве заложницы и поручил сопровождающим организовать ее отъезд. Но когда девица узнала, что ей не суждено вернуться к своей дорогой матери-императрице, ее горе было безутешным. Ее слезы и причитания по поводу разлуки, а также восхваления никейской царицы вызвали серьезное недовольство отца, и он вынужден был пригрозить ей суровым наказанием, если она не перестанет плакать и оплакивать свою греческую мать. Но любовь к Ирине была сильнее страха перед наказанием, и, несмотря на порицания и уговоры родителя, она так и не смогла примириться с потерей счастливых часов, проведенных рядом с добродетельной и одаренной императрицей. При жизни Ирины Иоанн был неизменно

успешен, расширяя границы своего владычества и завоевывая любовь и преданное восхищение подданных. Но после ее смерти другая женщина склонила его на дурной путь.

Второй женой Иоанна на двенадцатом году жизни стала принцесса Анна, родная дочь императора Германии Фридриха II. Анна взяла с собой в качестве директрисы своего двора прекрасную итальянку Маркезину. Император Иоанн неистово влюбился в главную сопровождающую своей жены. Маркезине вскоре были оказаны почести, полагающиеся при дворе признанной любовнице государя, и разрешено носить платье, предназначенное для членов императорской семьи. Общественное мнение сурово осудило императора за его поведение, а один из видных епископов того времени, Никифор Блеммидас по имени, нашел повод сурово упрекнуть Маркезину. Блеммидас так красиво украсил церковь монастыря, настоятелем которого он был, что ее часто посещали члены двора. Однажды, когда аббат проводил богослужение в часовне, мимо проходила императорская госпожа со своими приближенными и решила войти. Но когда Блеммидас услышал о ее приближении, он тут же приказал закрыть двери, заявив, что никогда с его разрешения прелюбодейка не должна входить в святилище. Маркезина, разгневанная столь суровым обличением, нанесенным столь публично, поспешила обратно во дворец, бросилась в ноги своему императорскому любовнику и умоляла его отомстить аббату за оскорбление, нанесенное ей. Но Иоанн не считался с общественным мнением и, осознав свою ошибку, в ответ на уговоры Маркезины лишь сказал: "Аббат уважал бы меня, если бы я уважал себя".

Женщина тоже во многом стала причиной свержения династии Ласкарисов и узурпации Михаила Палеолога, отпрыска одной из самых влиятельных константинопольских семей. Феодор II, сменивший на престоле своего отца Иоанна, к старости стал раздражительным и суеверным, и у него были основания подозревать хитрого и способного Михаила, который быстро завоевывал расположение народа. Но Михаила, несомненно, подтолкнуло к действиям против династии возмутительное поведение Теодора по отношению к его сестре Марте. У последней была прекрасная дочь, которую воспитывали с нежностью, подобающей ее статусу. К всеобщему удивлению, император приказал семье выдать ее замуж за одного из своих пажей, Валанидиота. Хотя паж был ниже девицы по рангу, ему удалось завоевать расположение высокородной девицы, и семья уже дала согласие на этот союз, когда император капризно изменил свое решение и принудил девицу к обручению с мужчиной ее собственного ранга. Сообщение о том, что этот брак не был заключен, заставило суеверного императора заподозрить, что и это событие, и злокачественный приступ его болезни были вызваны какими-то чарами, наложенными матерью.

В досаде и гневе он приказал заключить Марту, хотя и связанную по рождению с императорской семьей, в мешок с несколькими кошками, которых время от времени накалывали булавками, чтобы они мучили несчастную даму. Марту привели в суд с мешком на шее и допросили о ее предполагаемом колдовстве, но подозрительный тиран не смог вытянуть из нее ничего, что могло бы послужить основанием для осуждения.

Этот недостойный поступок Майкл никогда не мог простить. С этого времени он начал усердно строить заговоры против трона. История его узурпации и жестокости по отношению к законному императору, юному отроку Иоанну IV, - Лукасу, - нас здесь не касается. Достаточно сказать, что он взошел на никейский престол под именем Михаила VIII Палеолога, которому посчастливилось захватить Константинополь и возродить там греческую империю. Через империю Никеи прервалась нить традиции, и с 1261 года мы снова имеем Византийскую империю.

История этого заключительного периода, 1261-1453 годов, охватывающего династию Палеологов, является наиболее унижительной частью национальной летописи. Михаил прославился как восстановитель Восточной империи, но его трон был завоеван с помощью подлости и жестокости, а потомкам он оставил такое наследие порока и преступлений, что империя просуществовала еще век или два не благодаря своей внутренней ценности, а потому что османы еще не были готовы ее захватить. Это период, отличающийся отсутствием литературного вкуса, патриотического чувства, политической честности, гражданской свободы. Императоры, как правило, безнравственные и капризные люди, совершенно эгоистичные в своих целях и занятиях, и каждый из них оставляет империю несколько слабее, чем нашел ее.

Новая Константинопольская империя и Трапезундская существовали бок о бок, и между королевскими семьями происходили частые междоусобные браки. Изучая совместно анналы Палеологов и Комнинов, мы знакомимся с некоторыми принцессами этих царских домов и можем составить некоторое представление о характере греческой женщины в эпоху упадка и о социальной жизни того времени, как она влияла на положение и стремления женщины.

Женщины двух соперничающих домов, как правило, превосходят мужчин по характеру, рассудительности и добродетели, и эта разница между мужчинами и женщинами императорских семей настолько заметна, что мы хотели бы знать больше о системе женского воспитания, которая дала такой необычный и такой одинаковый эффект. Должно быть, это объясняется тем, что, несмотря на общую деморализацию, жизнь монастырей, в которых обучались принцессы, была чистой и возвышенной, методы обучения - тщательными, дисциплина - суровой; в то время как духовенство, отвечавшее за воспитание принцев, было настолько заинтересовано в собственном преференции и приобретении политической власти, что скорее стремилось получить превосходство над своими императорскими подопечными, чем дать им наставления, которые сделали бы их великими правителями.

Однако единственная императрица из рода Палеологов, получившая верховную власть и занявшая достойное место в истории, была иностранного происхождения. Анна Савойская, по предложению своего умирающего мужа Андроника III. (1328-1341) и по обычаю империи, стала регентшей своего сына, Иоанна V, Палеолога, девятилетнего мальчика. Ее правление запомнилось борьбой с могущественным придворным, который развязал гражданскую войну и на некоторое время взошел на трон под именем Иоанна VI, Кантакузена (1347-1354).

Согласно византийскому этикету, овдовевшая императрица должна была девять дней оплакивать тело своего покойного мужа, который был положен в монастыре Путеводительницы, куда он удалялся, когда смерть была близка, и где он принял монашеский облик и посвящение. Но Иоанн Кантакузен, великий гофмейстер и первый министр империи, стремился повторить роль прежних узурпаторов и во время ее отсутствия вознамерился утвердиться в императорском дворце в качестве опекуна императора. Императрица, осознав опасность посягательства на права своего ребенка, сочла необходимым сократить срок траура до трех дней и вернулась во дворец, чтобы утвердить свою власть регентши. После этого начались интриги между двумя партиями. Кантакузен поднял восстание против регентши, а его сторонники короновались и облачились в императорскую мантию. Под руководством патриарха и великого князя Апокаукы императрица Анна приняла силовые меры для устрашения сторонников мятежников. Среди интересных женщин этого периода была Феодора, мать Кантакузена, женщина выдающейся добродетели и таланта, намного превосходившая по способностям и нравственной силе своего сына. Но именно против нее в первую очередь была направлена месть Анны. По

приказу регента престарелая дама была брошена в тюрьму, где подвергалась жестоким наказаниям и лишениям, пока смерть не пришла ей на помощь. Молодой император Иоанн V. был торжественно коронован. Апокавк был назначен премьер-министром, и началась активная война против мятежников, которым угрожало истребление. Чтобы спасти свое дело, Кантакузен вероломно обратился к общему врагу, турку, и, принеся свою дочь Феодору на алтарь честолубия, выдал ее замуж за Орхана и отправил жить в Брусу, как члена султанского гарема. Все религиозные люди того времени были возмущены этим нарушением приличий и отсутствием отцовского чувства, но тон морали был слишком низок, чтобы вызвать серьезное противодействие.

Тем временем во дворце царил разлад. Императрица Анна рассорилась со своим главным сторонником. Она жестоко поссорилась с патриархом. Ее премьер-министр Апокавк был убит. С помощью своего турецкого союзника Кантакузен добился успеха. Императрица-регентша проявила решимость защищаться во дворце, но ее сторонники оказались менее храбрыми, чем она сама, и она была вынуждена покориться. Но Кантакузен был столь же хитер, сколь и честолубив. Осознав силу своих противников, после того как он сам был коронован императором, он решил женить свою дочь Елену на юном наследнике и согласился соединить с ним Иоанна V. на троне, когда тот достигнет двадцатипятилетнего возраста. Дети, а Иоанну было всего пятнадцать, а Елене тринадцать, были обручены и обвенчаны с большой церемонией, после чего получили корону, а придворные и народ развлекались редким зрелищем двух императоров и трех императриц, восседающих на своих тронах.

"Странное зрелище восхищало зрителей, но на него смотрели не без некоторого чувства презрения, так как было известно, что императорские короны были украшены фальшивым жемчугом и бриллиантами, мантии - мишурой, вазы были из меди, а не из золота, а вместо богатой фиванской парчи - позолоченная кожа".

Кантакузен заслуживает того, чтобы встать в один ряд с двумя Ангелами как третий из великих разрушителей Восточной империи. Гражданскими войнами он истощил ее ресурсы, а введением турок в свои владения подготовил почву для окончательного падения. К счастью, Иоанн V утвердился в возрасте двадцати четырех лет; Кантакузен был пострижен в монахи и помещен в монастырь, где провел остаток своих дней в литературных трудах. По своим природным дарованиям и силе характера, а также по своей многострадальной истории императрица Анна Савойская заслуживает места рядом с более ранними самоутверждающимися императрицами Константинополя.

Рассказ о последних ста годах существования Византийской империи - всего лишь кусочек местной истории, и он больше не является важной нитью в летописи христианства. Там были женщины, которые заслуживали лучшей судьбы, но они, естественно, затерялись в общей деморализации. Мусульмане могли бы взять Константинополь на семьдесят пять лет раньше. Конец наступил 29 мая 1453 года. Город был захвачен Магомедом II, а Константин XIII, последний из Цесарей, достойный отпрыск вырождающегося рода, пал в проломе. Магомет быстро превратил Константинополь из христианской в турецкую столицу. Город был разграблен. Византийские женщины были проданы в рабство, либо стали женами или наложницами завоевателей и провели остаток своих дней в турецком гареме. И с этого момента на протяжении веков жизнь греческой женщины под турецким господством проходила в угнетении и безвестности.

Осколок греческой империи, известный в истории Средних веков как Трапезундская империя, был порождением случайности. Молодой человек, происходивший от худшего

тирана Константинополя, но с прославленной фамилией, сохранившей очарование, навеянное основателем династии Комнинов, захватил власть над важнейшим торговым центром, и его потомки продолжали удерживать ее до тех пор, пока над ними не довлела всепобеждающая сила турок. Трапезундская империя обладает уникальным величием в романах Запада: красота ее принцесс была предметом всеобщего восхваления; ее предполагаемое богатство и великолепие возбуждали любопытство венецианских и генуэзских купцов. Но в конечном итоге это было незначительное королевство, которое было обязано своей силой лишь слабости окружающих народов, а показательные придворные церемонии были лишь попыткой сохранить традиции Византийской империи и рода Комнинов в более благополучные времена.

Вскоре после убийства Андроника Исааком II - Анхелом - его сын Мануил вместе с другими членами семьи постигла та же участь. У Мануила осталось двое сыновей, Алексей и Давид, первый из которых был четырехлетним мальчиком. Мальчиков некоторое время скрывали, и они воспитывались в неизвестности в Константинополе, где верные друзья дали им образование, достойное их положения. Когда крестоносцы захватили город, Алексей бежал, собрал войско и овладел Трапезундом, тогда одним из важнейших торговых центров на границах Черного моря. Окрестные провинции с радостью признали его законным государем Римской империи, и династия Комнинов продолжалась через него два с половиной века или более. Чтобы обозначить законность своих притязаний и предотвратить путаницу с соперничающим родом Алексея III, Анхела, Алексей принял титул "Великий Комнин", и под этим именем род был известен вплоть до своего уничтожения.

Первые годы существования Трапезундской империи были примечательны главным образом тем, что ее правители пытались сохранить и расширить свою власть, которая была ограничена более сильной империей Никеи. После того как последняя была объединена с восстановленной Византийской империей со столицей в Константинополе, Трапезунд все еще был достаточно силен, чтобы поддерживать независимое существование. Между царствующими государями, Михаилом VIII Палеологом из Константинополя и Иоанном II, тогдашним императором Трапезунда, был заключен союз через обручение последнего с младшей дочерью Михаила, Евдокией, которой суждено было показать себя одной из лучших и самых способных принцесс Палеологов.

Церемония была проведена с большой пышностью 12 сентября 1282 года. Вопрос о старшинстве был очень важен, поскольку трапезундское правительство считало себя прямым преемником империи Сезаров. Но благодаря этому браку хитроумный константинопольский монарх получил преимущество, поскольку Иоанн по этому случаю отложил титул "императора римлян", который отныне должен был принадлежать исключительно государю города на Золотом Роге, а трапезундский правитель принял титул "императора всего Востока, Иберии и Ператей". Кроме того, жители города видели в соответствующих брачных одеждах определенную неполноценность трапезундского монарха по сравнению с семьей его жены; ведь если одежда Иоанна была украшена одноголовыми орлами, то невеста появилась в платье, покрытом двуглавыми орлами, чтобы обозначить свой ранг в империи Востока и Запада как принцессы Палеологов, рожденной в пурпурной палате.

Иоанн и его царственная невеста еще не успели обосноваться на троне, как его постигло внезапное и неожиданное разочарование от рук честолюбивой сестры. Феодора, старший ребенок Мануила I от брака с Руссаданом, иберийская принцесса, завидуя популярности своей невестки и гордясь превосходством традиций Комнинов над традициями константинопольского узурпатора, воспользовалась партийными интригами знати и

народными волнениями в столице, чтобы собрать армию, заставить врасплох своего императорского брата и взойти на трон. Ее слава была недолгой, но существование монет с ее именем и чучелом свидетельствует о том, что ее власть была стабильной и что она была полностью признана как правительница империи. Нет ни одной улики, которая позволила бы нам определить, как Феодора получила трон или как она была отстранена от власти, но Иоанн, похоже, в конце концов вернул себе трон и столицу и изгнал честолюбивую принцессу.

В последующие годы влияние византийской женщины и отношения между двумя царствами оставались заметными. Иоанн умер в 1297 году, оставив двух сыновей, Алексея II и Михаила. Первый наследовал отцу в пятнадцатилетнем возрасте и был отдан под опеку брата своей матери Евдокии, византийского императора Андроника II. Андроник приказал своему подопечному, юному императору Трапезунда, хотя и независимому суверенному князю, жениться на Ирине, дочери византийского подданного Хумна, одного из его любимых министров. Но мысль о том, что Комнин женится на особе ниже его по положению, была оскорбительна и для Алексея, и для его народа. Повинуясь крови в своих жилах и пренебрегая приказом своего опекуна, Алексей отверг предложенный мезальянс и женился на дочери иберийского принца.

Молодая супружеская пара являла собой прекрасный пример супружеской нежности и преданности, но это не смягчило жестокое сердце опекуна. Андроник даже попытался добиться от греческой церкви признания брака недействительным на том основании, что он был заключен без согласия опекуна. Но патриарх и духовенство, сочувствуя влюбленным и встревоженные нелепым положением, в котором они окажутся, воспользовались интересным положением невесты, чтобы отказаться удовлетворить злобу оскорбленного императора.

В это время и Евдокия, мать Алексея, находившаяся в неполном заточении в императорском дворце в Константинополе, увидела возможность получить свободу и вернуться в свои владения. Ее брат Андроник был обижен на нее за то, что она отвергла его предложение заключить второй брак с Краем Сервием.

Она убедила брата, что ее влияние на сына, который был предан ей, будет иметь гораздо больший вес, чтобы заставить молодого императора согласиться на развод, чем приговор церковного трибунала, авторитет которого он мог отвергнуть; с этой целью она добилась разрешения брата вернуться в Трапезунд. Прибыв ко двору сына, Евдокия была настолько впечатлена супружеской верностью своего сына Алексея, что сразу же одобрила его поведение и поддержала его в решимости противостоять тираническим притязаниям опекуна. Евдокия - прекрасный пример превосходства женщин Палеологов над их более слабыми и эгоистичными братьями. В любой ситуации, даже в многомесячном изгнании из своих владений, она держалась с достоинством, а в заботливом воспитании сына и внимании к его интересам проявляла материнские черты высокого порядка.

В следующем поколении также был заключен союз между королевскими семьями двух королевств. Император Василий, второй сын Алексея II, женился на Ирине Палеологине, родной дочери Андроника III Константинопольского. У Василия не было законного потомства, но, влюбившись в прекрасную даму из Трапезунда, которую также звали Ириной, он сделал ее своей любовницей и оказал ей все возможные почести. Она родила ему четверых детей. Чтобы обеспечить преемственность одного из своих родных сыновей, Василий в 1339 году убедил или заставил духовенство отпраздновать публичный брак с его трапезундской любовницей, хотя нет никаких доказательств того, что он получил развод со

своей законной женой Ириной, помимо своего собственного указа. Он внезапно умер в апреле после свадьбы с любовницей.

Ирину Палеологину, которую, несмотря на второе бракосочетание, все считали законной женой Базилия, подозревали в том, что она ускорила его конец; а неверный муж, несомненно, испытал душу гордой дамы. Во всяком случае, она была готова к печальному событию и уже организовала фракцию, которая возвела ее на трон в качестве второй независимой императрицы Трапезунда.

Такая поспешность в извлечении выгоды из смерти мужа была достойна первой императрицы Ирины в византийской истории и давала основания для подозрений. Но если учесть, что в эпоху, когда распространение клеветнических известий против своих правителей было обычным делом, доказательства должны быть вескими, прежде чем осуждать принцессу Палеологов. Однако вопиющая безнравственность придворных кругов, легкость характера самой Ирины, а также ее поведение после случившегося склоняли к тому, чтобы придать слухам достоверность.

Ирина, как только благополучно утвердилась на троне, отослала своего соперника Трапезунда и двух сыновей Василиуса в Константинополь, где ее отец Андроник держал их в качестве заложников за спокойствие своей империи. Однако сильная партия знати, надеявшаяся получить богатство и власть благодаря благосклонности трапезундской Ирины, которую они намеревались сделать регентшей на время несовершеннолетия ее детей, была огорчена успехом замыслов принцессы Палеологов и сразу же начала планировать ее падение. Возникли две большие партии, и маленькую империю вновь охватила суматоха гражданской войны. Ирен, при всей своей смелости, была, как и ее отец, легкомысленна и не осознавала всей опасности своего положения. Однако она понимала, что второй муж укрепит ее дело, и убеждала своего отца Андроника прислать ей мужа, выбранного из числа византийской знати, который мог бы помочь ей в подавлении группировок, угрожавших ее трону. Андроник благосклонно принял послов Ирины, но умер, не успев серьезно отнестись к ее просьбе. Легкомысленная Ирина утешала себя тем, что влюбилась в великого домашнего хозяина своего дворца. Но этот фаворитизм лишь разделил ее собственный двор на фракции и укрепил позиции ее врагов.

Теперь над головой легкомысленной императрицы разразилась новая буря. На трон претендовала другая женщина, чьи права на власть были гораздо сильнее, чем у Ирины. Анна, которую называли Анахоутлон, была старшей дочерью императора Алексея II. В ранней юности она приняла постриг и до этого времени жила в уединении. Оппозиционная партия разыскала ее убежище, уговорила бросить монашеское одеяние и бежать в Лацию, где она была провозглашена императрицей Трапезундской, как ближайшая законная наследница своего брата Василия. Все провинциалы объединились в требовании предоставить власть члену дома Великих Комнинов в противовес узурпации принцессы Палеологов, которая планировала выйти замуж за иностранца. Народный спрос на правление отпрыска дома Великих Комнинов обеспечил Анне триумфальное шествие в столицу, и при незначительном сопротивлении она была введена в цитадель и признана законной императрицей. Ирина была свергнута с престола после беспокойного правления, длившегося один год и четыре месяца. Три недели спустя Михаил Великий-Комнин, второй сын Иоанна II и Евдокии, выбранный в Константинополе в качестве подходящего мужа для Ирины, прибыл на место, чтобы констатировать смену власти. Императрица Анна была окружена шайкой влиятельных вождей, решивших сохранить бразды правления в своих руках. Она милостиво приняла своего родственника, но впоследствии он был вероломно схвачен и заключен в тюрьму приверженцами Анны. Ирину под соответствующим эскортом

отправили в Константинополь, чтобы она провела остаток жизни в затворничестве. Обращение с Михаилом вызвало ярость многих приверженцев дома Великих Комнинов. Последовало еще одно потрясение. Иоанн III, сын Михаила, был привезен из Константинополя и провозглашен императором постоянно растущей фракцией. Незадачливая Анна, которая, несомненно, не раз жалела о том, что отказалась от мирной жизни в монастыре ради хлопот и забот короны, была взята в плен во дворце и тут же задушена. Она занимала трон не более года.

Следующим важным периодом в изучении трапезундских принцесс является долгое правление - 1349-1390 годы - Алексия III, второго сына Василия от Ирины Трапезундской. Его женой также была византийская принцесса Феодора, дочь Никифора Кантакузена, брата императора Иоанна V, Кантакузена, чью бурную карьеру оппозиции Анне Савойской мы уже отмечали. Феодора родила Алексею несколько прекрасных дочерей, которых он использовал, когда они достигли брачного возраста, для заключения союзов с могущественными соседями, как магометанскими, так и христианскими. Старшую дочь, Евдокию, Алексей сначала отдал в жены эмиру Таджеддину, который завладел важным районом Лимнии; после того как Таджеддин был убит в ссоре с соседним эмиром, красивая и опытная принцесса стала женой византийского императора Иоанна V. Этот престарелый монарх выбрал ее в невесты своему сыну, императору Мануилу II...Но когда она прибыла в Константинополь на празднование бракосочетания, ее красота и грация так сильно пленили дряхлого старого развратника, что он отбросил склонности своего сына, который тоже был очарован будущей невестой, и сам женился на молодой вдове.

Анна, еще одна дочь Алексия, была выдана замуж за Баграта VI, царя Грузии, а третья дочь была отдана Тахартену, эмиру Эрдсенджана. Сестер Алексия постигла та же участь. Его сестра Мария была выдана замуж за Кутлубега, вождя великой туркоманской орды Белых Овец, а сестра Феодора - за Хаджи Омера, эмира Халибии.

Эти браки с магометанскими вельможами, хотя и вызывают возмущение тем, что на алтарь эгоистической целесообразности возносятся христианские девы, все же являются сильнейшим доказательством того, что христианское государство было окружено могущественными магометанскими вождями, которых необходимо было примирить, чтобы предотвратить злой день исчезновения. Подобные союзы также могут отчасти объяснить моральную деградацию, которая отныне характерна для дома Великих Комнинов.

В следующем поколении Алексей IV женился на Феодоре Кантакузен, представительнице знаменитого византийского рода этого имени. Пренебрегаемая мужем, принцесса утешала себя слишком близкой близостью с одним из камергеров дворца; ее сын Иоанн, возмущенный позором матери, собственными руками убил ее любовника. Позже он убил собственного отца и взойшел на престол под именем Иоанна IV.

При этом жестоком и интригующем правителе и его преемниках христианское население страны воспринимало династию Великих Комнинов как династию языческих или иноземных тиранов, поэтому в Трапезунде сохранилось мало религии и морали. Его союзы с туркоманами, грабившими приграничные районы, усиливали неприятие народа. Иоанн рано осознал растущую силу турок и попытался подготовиться к грядущему вторжению, заключив союз с Узун Хасаном, вождем туркоманов Белой Орды, чья смелость и стремительная завоевательная карьера сделали его, по всеобщей оценке, грозным соперником Мухаммеда II.

Когда его пригласили присоединиться к союзу против Мухаммеда, Хасан потребовал в качестве цены за свою помощь руку дочери императора Екатерины, известной на всем

Востоке как самая прекрасная дева Востока. Иоанн IV был очень доволен перспективой приобрести столь могущественный союз на столь легких условиях и с готовностью согласился, несомненно, не посоветовавшись с прекрасной Екатериной. Однако, чтобы сохранить свой авторитет христианского императора и, возможно, в качестве бальзама на совесть за принесение дочери в жертву неверному, он оговорил в договоре, что Екатерине будет позволено всегда исповедовать свою собственную религию, и она будет иметь привилегию держать определенное количество христианских дам в качестве своих сопровождающих и греческих священников в своей свите, чтобы служить в частной часовне в гареме. К чести мусульман, Хасан строго выполнял свои обещания даже после того, как Трапезундская империя и дом Великих Комнинов перестали существовать.

Прежде чем этот брачный союз был исполнен, Иоанн кончил свою жизнь; но его брат Давид, сместивший наследника и узурпировавший трон, - подходящий агент для завершения разрушения империи - завершил соглашение. Прекрасная Екатерина была с подобающей пышностью отправлена ко двору своего жениха Хасана и с легкостью приспособилась к изменившимся условиям жизни. Вскоре она приобрела большое влияние на своего неверного мужа, который был душой чести и добросовестности, и на всех известных нам этапах своей жизни проявляла себя как самая привлекательная персона из всего дома Комнинов.

Но никакие брачные союзы не могли спасти обреченную империю. Константинополь пал в 1453 году, и было лишь вопросом времени, когда последнее уцелевшее греческое королевство поддается магометанскому игу. Мухаммед II путем интриг постепенно отрывал от императора его неверных союзников. Когда, наконец, магометанские войска подошли к городу, Давид показал, что не обладает ничем от героического духа последнего Константина. Он оказал лишь слабое сопротивление и с готовностью отдал город на поругание и разграбление, получив гарантию безопасности для себя и своей семьи. Давид подло покинул свою империю и взошел на борт одной из турецких галер со своей семьей и сокровищами, чтобы в течение короткого периода наслаждаться роскошной жизнью в европейском уделе, выделенном ему Магометом.

Семья Давида состояла из семи сыновей и дочери, которую ему родила Елена Кантакузина, его вторая жена, которая своей преданностью мужу и детям заслужила место среди самых благородных матерей в летописях истории.

Свергнутому императору недолго оставалось наслаждаться покоем, который он приобрел таким позором. Мухаммед заподозрил его в тайных сношениях с Узун Хасаном, мужем своей племянницы, и в заговоре с целью восстановления Трапезундской империи. Его внезапно арестовали в его роскошном поместье и вместе со всей семьей препроводили в Константинополь. В пути османские эмиссары перехватили письмо Деспины Катон - так в народе называли красавицу Катерину - к ее дяде Давиду. В нем любезная супруга Хасана просила Давида прислать ее брата или одного из кузенов для получения образования при дворе ее мужа. Это письмо стало для подозрительного султана убедительным доказательством того, что Давид вместе с Узун Хасаном и другими врагами Порты замышляет восстановление империи.

Одно лишь подозрение в адрес Магомета стало смертным приговором для всего рода Великих Комнинов. Как только несчастные пленники достигли Константинополя, Давиду было приказано под страхом смерти принять ислам. Его жизнь была бесславной, но своей смертью Давид показал, что в нем еще сохранилось что-то от благородства Комнинов, и он

предпочел смерть, чем обесчестить свое имя отказом от религии. Давид, его семь сыновей и племянник Алексей были убиты в один день, в 1470 году: дочь погибла в турецком гареме.

Тела князей были выброшены непогребенными за стены. Никто не осмеливался подойти к ним, опасаясь мести султана. Они были бы брошены собакам, обычным падальщикам христианской плоти, если бы к месту, где они лежали, не подошла императрица Елена, жена и мать. Она была одета в крестьянскую одежду, чтобы избежать обнаружения, и несла в руке лопату. Весь день ушел на то, чтобы уберечь останки мужа и детей от хищных собак и вырыть могилу для их тел. В темноте ночи несколько верных душ пришли ей на помощь и помогли предать тела праху. Овдовевшая и бездетная императрица, видевшая последний род и последнюю славу Византийского царства, удалилась в монастырь, чтобы провести остаток дней в молитвах об упокоении душ своих близких. Скорбь вскоре привела ее в убежище от всех земных печалей - в могилу.

История женственности в Византийской империи эпохи упадка крайне печальна. Времена были не те, царили коррупция и безнравственность, императоры почти все без исключения были крайне эгоистичны, жестоки и беспринципны. Невозможно было, чтобы женское начало в такой период не было запятнано общей разрухой, однако мы нашли немало благородных персонажей, и каковы бы ни были их женские слабости и недостатки, как бы ни был ограничен их жребий капризами государей и церемониями дворов, принцессы Комнинов, Палеологов и Кантакузенов, как правило, показывали себя в добродетели и способностях выше своих братьев.

Остальную часть нашего рассказа о христианских женщинах греческой или византийской традиции мы вскоре расскажем. В течение всего периода, который мы рассмотрели в этой главе, на юге, под греческим небом, в Афинах, под властью франкского, а позже флорентийского герцогства, в Пелопоннесе или Морее, под властью франкских или венецианских князей, процветала средневековая жизнь. Но это была феодальная жизнь средневековья, перенесенная на греческую землю, жизнь чужеземцев среди покоренного народа, и она нас здесь не касается.

Когда турки распространили свои завоевания на греческие земли, казалось, что факел свободы, свет эллинской традиции, лампа христианства, которые столько веков освещали жизнь восточных женщин, погасли навсегда. Но на протяжении всего мрачного века турецкого гнета христианская церковь поддерживала благородные устремления греческой расы. Женщины всегда были главными выразительницами религиозной веры, и греческие женщины передавали из поколения в поколение традиции религии, свободы и интеллектуальной культуры. Многие женщины греческих земель были вынуждены провести свою жизнь в тесных стенах турецкого гарема; многие видели, как у них отбирали детей и увозили в Константинополь, чтобы воспитать их как мусульман для службы султану; многим приходилось терпеть бесчестие и оскорбления от рук мелких чиновников. Но Церковь нашла в греческих женщинах постоянную и горячую союзницу в сохранении языка, духа, любви к свободе древних греков.

Поэтому, когда в первые десятилетия XIX века наступило время, когда часть греческой расы избавилась от турецкого господства, женщины проявили горячую любовь к родине, которая позволила им не только вдохновить своих братьев на борьбу за свободу, но и часто разделять с ними тяготы и лишения реального конфликта. Мы читаем в историях греческой войны за независимость, как женщины иногда сопровождали греческих солдат в их походах, неся оружие и боеприпасы и часто сражаясь сами; как они поддерживали высокий стандарт воинской чести и были беспристрастными критиками мужей.

В истории нет более вдохновляющего народного сказания, чем легенда о женщинах сулиотов в борьбе их народа против Али, жестокого и хищного тирана Янины. Воспитанные в горах Чамури, они отказались подчиниться его игу, и доблестному народу пришлось наблюдать постепенное истребление своей расы. Они осмелились бросить вызов восходящей звезде Али, и на них обрушилось все, чего могла добиться сила или вероломство. Цавеллас был одним из их лидеров, а доблесть Мошо, его жены, была воспета в народных стихах, как типичный пример греческой женщины в борьбе за независимость:

"Это знаменитая Сули, это прославленная Сули,

Где маленькие дети маршируют на войну, женщины и дети:

Где жена Цавелласа сражается с саблей в руке,

С младенцем на одной руке, с ружьем на другой, С фартуком, набитым патронами".

Последний инцидент неравной борьбы, который показывает отчаянную решимость и мужество этих греческих женщин, вскормивших этих *клефтов* гор и сохранивших дух свободы, который в конце концов завоевал независимость от турецкого господства, был описан следующим образом:

"Около шестидесяти сулиотских женщин со своими детьми собрались на выступе скалы, нависающем над отвесной пропастью, и, наблюдая за постепенным истреблением своих защитников, решили скорее умереть сами, чем попасть в руки жестокого тирана Янины. Положение, которое они занимали, предполагало легкую форму смерти, а способ, которым они ее искали, был трагически странным и мрачным. Сначала каждая мать взяла своего ребенка, обняла его и, отвернув голову от жалкой сцены, подтолкнула его к краю пропасти. Затем шестидесять женщин соединяли руки и, напевая знакомую смелую песню Сули под грохот мушкетов, танцевали старинную сюртозную мерку вокруг уступа скалы, поворачиваясь спиной к пустоте, когда извивающаяся цепь приближалась к краю пропасти. И каждый раз, когда цепь наматывала круги, одна танцовщица, последняя в шеренге, отцепляла руку, делала шаг назад и падала вниз, к гибели. Одна за другой, не торопясь, без паузы, напевая танцевальную песню, они следовали друг за другом по смертельной лестнице, пока последняя не падала вниз, освятив гору своей кровью на алтаре свободы, из которого в скором времени разгорелось пламя, освещавшее эти древние хребты от моря до моря".

Таков был дух греческой женщины в тяжелый год войны за независимость Греции; и именно этот дух позволил грекам бороться дальше, без ресурсов и союзников, среди разочарований и обманов, пока, наконец, народы Европы не пришли им на помощь и не создали современное греческое королевство на прочной основе.

В 1837 году баварский король Отто и его прекрасная невеста, принцесса Амалия, с триумфом въехали в Афины, и королевство Эллада было основано. На памяти ныне живущих людей династия Отто пала, и теперь в Афинах правит отпрыск датского королевского дома, король Георг, со своей русской супругой, королевой Ольгой.

Современная греческая женщина из высших слоев общества стала настолько космополитичной в своей культуре, что в значительной степени утратила свои отличительные черты. Ее симпатии скорее связаны с парижской жизнью, чем с английской, хотя ее поведение отличается трезвостью манер, скорее напоминающих греческое спокойствие, чем французское излияние. Многие лица, увиденные в греческих странах, демонстрируют, особенно в профиль, греческий тип красоты.

Женщины низших классов, несомненно, сохраняют многие черты, присущие этой расе во все века, несмотря на смешение с иностранными народами и результаты многовекового турецкого гнета, который может искоренить только время. Бытовая верность, материнская привязанность, преданность религиозным обрядам, бодрое выполнение обязанностей и ответственности супружеской жизни, нигде так прекрасно не проиллюстрированы, как среди современных гречанок.

Именно христианская религия делает жизнь греческих женщин при короле Георге лучше, чем жизнь их сестер под властью султана, и мы можем надеяться, что в полноте времени греческие женщины Европы и Азии за пределами Эллинского королевства смогут наслаждаться, не сдерживаемые турецкой властью, правами и привилегиями той религии, которая возвысила этот пол, и что греческая женщина будущего сможет сочетать личные достоинства своей сестры в древности с культивированием души и расширением духа, которые приходят к женщинам с привитием христианства.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I	ЖЕНЩИНЫ ЕВАНГЕЛЬСКОГО
II	ПОВЕСТВОВАНИЯ
III	ЖЕНЩИНЫ АПОСТОЛЬСКОГО ВЕКА
IV	ЭПОХА ГОНЕНИЙ
V	СВЯТАЯ ЕЛЕНА И ВРЕМЯ КОНСТАНТИНА
VI	ПОСТ-НИКОНОВСКИЕ МАТЕРИ
VII	МОНАХИНИ ПЕРВОБЫТНОЙ ЦЕРКВИ
VIII	ЖЕНЩИНЫ, СТАВШИЕ СВИДЕТЕЛЯМИ ПАДЕНИЯ РИМА ЖЕНЩИНЫ ФРАНКСКОЙ ЦЕРКВИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

IX	ИМПЕРАТРИЦА ЕВДОКИЯ
X	ИМПЕРАТРИЦЫ-СОПЕРНИЦЫ - ПУЛЬХЕРИЯ И ЕВДОКИЯ
XI	ИМПЕРАТРИЦА ФЕОДОРА
XII	ДРУГИЕ САМОУТВЕРЖДАЮЩИЕСЯ
XIII	АВГУСТЕЙШИЕ ОСОБЫ - ВЕРИНА, АРИАДНА. СОФИЯ, МАРТИНА. ИРИНА
XIV	ВИЗАНТИЙСКИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ - ФЕОДОРА II. ФЕОФАНО. ЗОЕ. ФЕОДОРА III.
XV	

ПРИНЦЕССЫ КОМНИНЫ
ЖЕНЩИНЫ ВИЗАНТИЙСКОГО ДЕКАДАНСА

Список иллюстраций

ПРЕДМЕТ

В поисках убежища
Христос и дочь Иаира
Христиане на арене
Голод и мор
Легенда о розах
Византийский интерьер, девятый век

ХУДОЖНИК

Люк Оливер Мерсон
Альберт Келлер
Л.П. де Лаубадер
A. Hirschl
J. Ногалес
S. Барон